

Установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны»

**ГІСТОРЫЯ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ
Ў КАНТЭКСЦЕ ПАДЗЕЙ
ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ
1941–1945 ГАДОЎ
(ДА 75-ГОДДЗЯ ВЯЛІКАЙ ПЕРАМОГІ)**

Зборнік навуковых артыкулаў

Гомель
ГДУ імя Ф. Скарыны
2020

**Гісторыя Гомельшчыны ў кантэксце падзей Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гадоў (да 75-годдзя Вялікай Перамогі) : зборнік навуковых артыкулаў / Гомельскі дзярж. ўн-т імя Ф. Скарыны; рэдкал. : М. М. Мязга (гал. рэд.) [і інш.] . – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2020. – 259 с.
ISBN 978-985-577-593-6**

Зборнік утрымлівае навуковыя артыкулы, матэрыялы якіх адлюстроўваюць актуальныя праблемы гісторыі Гомельскага рэгіёна ў час Вялікай Айчыннай вайны. Пытанні сацыяльна-палітычнай сітуацыі на Гомельшчыне напярэдадні і пад час Вялікай Айчыннай вайны, ваенныя дзеянні, партызанскі і падпольны рух ахарактарызаваны ў шырокім кантэксце гісторыі Другой сусветнай вайны ў цэлым. Матэрыялы зборніка будуць садзейнічаць паглыбленню ведаў па гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, асэнсаванню ролі Гомельскага рэгіёна ў яе падзеях.

Адрасаваны вучоным, выкладчыкам, аспірантам, студэнтам.

Зборнік навуковых артыкулаў выдадзены ў адпаведнасці з арыгіналам, падрыхтаваным рэдакцыйнай камісіяй, пры ўдзеле выдавецтва.

Зборнік выдадзены пры фінансавай падтрымцы ЗАСТ “Нафтастрах”.

Рэкамендавана да выдання навукова-тэхнічным саветам
установы адукацыі “Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны”

Рэдкалегія:

М. М. Мязга (галоўны рэдактар),
С. А. Чаропка (намеснік галоўнага рэдактара),
Д. М. Талочка (сакратар),
Р. Р. Лазько, А. М. Бабкоў, А. М. Дуброўка, А. М. Кротаў

Рэцэнзенты:

кандыдат гістарычных навук В. А. Міхедзька,
кандыдат гістарычных навук Н. М. Саўчанка

ISBN 978-985-577-627-8

© Установа адукацыі “Гомельскі
дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны”, 2020

ЗМЕСТ

Бессольнов А. Б.	Версальскі мир і крызіс міжнародных адносін у 20–30-х гадах ХХ стагоддзя.....	5
Дубровко Е. Н.	Англійская «політыка ўміротворення» у даследаваннях расійскіх гісторыкаў 2010-х гадоў.....	11
Лазько Р. Р.	Рэалізацыя савецкіх кіраўніцтвам ленінскай знешнепалітычнай дактрыны на пачатку Другой сусветнай вайны.....	16
Рожкова С. Н.	Планы СССР і Германіі на кануну і ў пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны ў постсавецкай беларускай гісторыяграфіі	29
Елизаров С. А.	СССР і Заходняя эканамічная абласць: час выбара	36
Старовойтов М. И.	Дзеці і падлеткі беларуска-расійскага паграніч'я на кануну Другой сусветнай вайны	42
Сальков А. П.	Фашысцкая агрэсія супраць Грэцыі у балканскай палітыцы СССР (октабрь 1940 – іюнь 1941 года).....	50
Жданович П. Л.	Гомельскае напраўленне летам 1941 года (па данымі нямецкіх крыніцаў).....	57
Кутиков И. М.	Гомельская абароніцкая аперацыя ў августе 1941 года	64
Крыварот А. А.	Узаемаадносіны партызан Беларусі і фарміраванняў Арміі Краёвай: гісторыя пытання фактараў уплыву.....	70
Гавриловец Л. В.	Дзейнасць Саюза польскіх харцэраў у гады Другой сусветнай вайны	77

Хавкин Б. Л.	Расизм и антисемитизм как основы нацистского государства.....	81
Скрябина Л. С.	Воздействие нацистской пропаганды и политики на население оккупированной Беларуси (1941–1944).....	97
Стурейко Н. А.	Коллаборационизм на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.....	104
Галимова Н. П.	События Великой Отечественной войны на территории Брестской области.....	110
Лабович О. Ю.	Ратный путь героя Советского Союза К. Ф. Михаленко	117
Новікаў С. Я.	Вызваленне Гомельшчыны ў кантэксце новых нямецкіх архіўных дакументаў (канец 1943 – пачатак 1944 года).....	123
Ященко О. Г.	Влияние военного фактора на преподавание истории в партийных школах Беларуси (1944).....	134
Верниковский А. Д.	Ленд-лиз: мифы и реальность.....	140
Корникова Н. В.	Экскурсии по мемориальному комплексу «Аллея героев», организованные СНИЛ «Друзья музея»: научно-методический и воспитательный аспекты.....	147
Писарчик М. С.	Театральные сооружения Гомельщины в довоенное и послевоенное время.....	152

А. Б. Бессольнов

БелГут, г. Гомель

ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР И КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В 20–30-Х ГОДАХ XX ВЕКА

В статье автор предпринял попытку проанализировать изменения в международной политике 20–30-х годов XX века, во многом определяемые Версальским миром 1919 года. Кроме того, освещаются различные точки зрения относительно виновников будущей Второй мировой войны, показана роль ведущих мировых держав в обострении предвоенного кризиса международных отношений, причины возникновения фашистских режимов в Западной Европе, настроений реваншизма и милитаризма у населения в Германии и ее будущих союзников.

Прошло более 80-ти лет минуло со дня начала Второй мировой войны – несомненно самого трагического события XX века. Война принесла неизмеримые боль и страдания народам Европы и всего мира. В охваченных ею странах ни одна семья, ни одна судьба не осталась в стороне от последствий военных действий и оккупации. Профессиональный долг историков – изложить на основе первоисточников, а не произвольных интерпретаций, правду об этой трагедии. Важно показать, как мир подошел к роковой черте, честно ответить на вопрос «Кто виноват?», назвать те процессы в развитии европейского общества и силы, которые сыграли ключевую роль в развязывании Второй мировой войны. Механизм возникновения глобальных войн должен быть досконально изучен, чтобы не повторялись такие вселенские катастрофы. Очевидно одно – война стала следствием несостоятельности всей европейской политики, роль Советского Союза в которой намеренно принижалась, прежде всего в силу соображений идеологического порядка.

Анализ развития военно-политической обстановки в Европе в межвоенный период и, особенно, накануне Второй мировой войны показывает, что реальные причины этого конфликта кроются прежде всего в порочности созданной по итогам Первой мировой войны Версальской системы.

Условия Версальского договора 1919 г. были не просто обременительными для Германии, они ставили ее в обособленное, униженное положение, сводя эту страну к второстепенной роли в Европе. Наиболее драматичными для немцев были разоруженческие меры. Германии запрещалось иметь тяжелые вооружения, подводный флот, авиацию, сухопутная армия ограничивалась численностью в сто тысяч человек. Это вызывало резко критическую реакцию военно-политической элиты Германии, в которой быстро распространялся вирус непокорности, реванша, восстановления любой ценой былой мощи.

Немало проблем породило и территориальное размежевание по итогам первого мирового конфликта, в том числе в связи с разделом наследства исчезнувшей с карты Европы Австро-Венгерской империи. Неудовлетворенность целого ряда стран сложившимся положением стала питательной почвой для всякого рода взаимных претензий, способствовала накоплению на континенте горячего материала.

Таковыми территориальными спорами и конфликтами в предвоенный период являлись претензии Германии к Польше из-за польского коридора и Померании, а также из-за режима в Данциге, переданном под контроль Лиги Наций; территориальные споры между Польшей и Литвой из-за Вильнюса; Румынией и Венгрией из-за Трансильвании; Болгарией и Румынией из-за Южной Добруджи; Болгарией и Грецией из-за Македонии и т. п.

У СССР проблемой являлся территориальный вопрос с Финляндией и проблемы стратегических рубежей на Балтике. Осложнения с Польшей вызывали условия Рижского мира 1921 года, когда советская страна потеряла Западную Украину и Западную Беларусь. Острым для СССР являлся и вопрос о Бессарабии, отторгнутой у России до создания современной румынской государственности.

Вполне очевидно и то, что Вторая мировая война стала также средством решения достаточно острых социально-экономических проблем не только Германии, но и некоторых других европейских стран, а также США, преодоления последствий мирового экономического кризиса 1929–1933 гг.

Мировой экономический кризис конца 20-х – начала 30-х годов XX века явился самым разрушительным за всю историю, отбросив капиталистическую экономику по минимальной мере на четверть века назад – к показателям начала XX века. Общее сокращение промышленного производства в мире (без СССР) составило в среднем 38 %, продукция сельского хозяйства уменьшилась на треть; объем

мировой торговли упал до 1/3 предкризисного уровня. Без работы остались свыше 30 млн. человек, а заработные платы и доходы промышленных рабочих составили лишь 40–50 % докризисного уровня. В колониях сельское население оказалось на грани голодной смерти [1, с. 51].

Сильнейший удар кризиса пришелся по ведущим капиталистическим странам. Так, в США промышленное производство сократилось на 46,2 %, национальный доход уменьшился вдвое, 17 млн. человек потеряли работу, и каждый четвертый не имел постоянного заработка. В Германии спад производства составил 40,6 %, 7,5 млн. человек лишились работы. В Японии производство сократилось на 36,7 %, безработными стали 3 млн. японцев. В Англии кризис чуть расслабился, там производство уменьшилось на четверть [5, с. 50].

Ответом на системный кризис 30-х годов XX века стали три общественных строя тогдашнего мира: европейский фашизм (в различных национально-культурных формах), сталинизм и «новый курс» Рузвельта. Идеология и практика фашизма с самого его зарождения представляли угрозу процессу мирного развития мирового сообщества.

Для Гитлера, выступившего в роли фюрера германской нации в 1933 г., существовали четыре главных цели: а) возрождение германской военной мощи; б) собирание воедино всего германского народа и возвращение к довоенным границам; в) создание Германской империи – Третьего рейха; г) обеспечение немцам «жизненного пространства» в Восточной Европе.

С приходом Гитлера к власти никто из ведущих политиков стран европейской демократии не сомневался в том, что рано или поздно Германия начнет европейскую войну за «жизненное пространство». Не сомневалось в этом и советское руководство во главе со Сталиным. Вопрос стоял о том, какая это будет война, и в каком направлении окрепшая Германия обрушит свои первые удары.

По мнению Н.А. Нарочницкой, одной из самых осведомленных и известных современных историков по данной проблеме, «если бы окрепшая Германия ограничилась локальным конфликтом и тяжбами за сопредельные территории, то такой ход событий мало чем отличался от прошлых периодических войн за оспариваемые земли и вряд ли привел к Нюрнбергскому процессу» [3, с. 111].

Но Гитлер заявил свои претензии на те территории и страны, которые никогда не являлись составными частями Германии ни на Западе, ни на Востоке Европы. Такие геополитические требования нуждались в оправдании. Его дала языческая нацистская доктрина неравномерности

людей и наций, отсутствовавшая у фашизма итальянского типа и у коммунизма. Целые аспекты нацистской доктрины основаны не только на идее неисторичности народов, свойственной немецкой классической философии и Энгельсу, но и на расовом превосходстве, на утверждении природного и этнического неравенства людей.

В современной западной европейской историографии прослеживается тенденция развенчать СССР как главного борца против фашизма, при этом не реабилитировать сам фашизм, но освободить Запад от вины за него. Так известный историк Э. Нольтке интерпретировал Вторую мировую войну не как продолжение извечных стремлений к территориальному и геополитическому господству, а как начатую Октябрьской революцией «всеевропейскую гражданскую войну» между двумя «идеологиями раскола» [3, с. 104].

По мнению Э. Нольтке, Европа впала в грех фашизма исключительно для защиты либеральной системы от коммунизма, и лишь потом скопировала тоталитарные структуры у своего соперника. В такой схеме мишенью возмущенного сознания становится советский тоталитаризм сталинского периода и пресловутый пакт Риббентропа-Молотова, которые якобы и стали причиной Второй мировой войны.

Западная и постсоветская либеральная литература постепенно наполнялись прямыми и косвенными обвинениями в адрес СССР, якобы ответственного за становление германского фашизма. Одна из версий гласит, что Германия и СССР будто бы уже с договора Рапалло, заключенного Советской Россией и Веймарской республикой на Генуэзской конференции 1922 года с целью избежать изоляции на мировой арене и установить экономические отношения, повели дело к войне и к пакту Молотова-Риббентропа, планируя завоевание мира.

В этом плане красноречивой и емкой стала формула «Не было бы Сталина – не было бы Гитлера, не было бы Гитлера – не было бы войны». Целую концепцию вывел не безызвестный Резун-Суворов в широко разрекламированной книге «Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну?» (Суворов, В. Б. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? – М.: Новое время, 1992). Его утверждения об идее Сталина использовать Гитлера как «ледокол революции» в будущей всеевропейской и мировой войнах аргументировано и неоднократно развенчаны отечественными историками, стоящими на позициях научной объективности.

В этом отношении интересной является книга А. В. Исаева «Антисуворов» [2]. Ее автор аргументировано критикует концепцию

«превентивной войны» Германии против якобы готовящего агрессию против нее СССР, развенчивает миф о «наступательном характере» вооружений и техники СССР.

Кто же действительно готовил Германию к войне? Кто привел Гитлера и нацистскую партию к власти в Германии? Какие цели при этом преследовались? Без ответа на эти вопросы невозможно выяснить истинные причины и характер Второй мировой войны.

Решающий вклад в восстановление немецкой экономики в 20–30-е гг. XX века внесли США. Усилиями Вашингтона рейх избавился от бремени репараций. Именно американцы сочинили планы Дауэса (1924) и Юнга (1928), «мораторий Гувера» (1932). К 1930 г. на восстановление и модернизацию экономики Германии с внедрением технологий двойного назначения притекло из-за рубежа 28–30 млрд. марок [4, с. 49].

Демонтаж Веймарской республики и приход Гитлера к власти осуществлялся совместными усилиями олигархических кругов США, американской администрации и крупных промышленников и банкиров Германии. Когда 6 ноября 1932 г. политический маятник на выборах в германский рейхстаг качнулся влево и от гитлеровцев отпало 2 млн. избирателей, хозяева более 160 крупнейших банков и промышленных компаний 19 ноября 1932 г. направили президенту Гинденбургу меморандум с рекомендацией учредить «диктаторское правительство» во главе с Гитлером. 30 января 1933 г. вождь НСДП был назначен канцлером Германии. Фашистский переворот завершился.

Беспорным является вывод советской историографии Второй мировой войны, что при попустительстве, а порой и открытой поддержке реакционных кругов западных государств Германия и Япония разожгли несколько очагов войны и поставили мир перед реальной опасностью всеобщего военного пожара [6, с. 7].

С приходом Гитлера к власти в Германии быстрыми темпами началось восстановление военной мощи этой страны. Военные расходы Германии с 1933 по 1939 годы превысили в три раза средства, выделенные на вооружения США, Францией и Великобританией вместе взятые. В 1935 г. в Германии вводится всеобщая воинская повинность (в нарушении ограничений Версаля), численность вооруженных сил рейха доводится до 700 тыс. человек, танковый парк – до 3 тыс. единиц, число самолетов – до 2 тыс., орудий – до 3,5 тыс. [4, с. 62–63]. Англо-германская конвенция от 18 июня 1935 года легализовала выход нацистов в море. Мощь германского флота

могла отныне равняться 35 % от совокупного британского тоннажа, а по подводным лодкам – даже 45 %. Состав морских сил рейха фактически уравнивался с французским ВМФ.

В марте 1936 г. Гитлер аннулировал Локарнские договоренности и отдал приказ германским войскам войти в демилитаризованную рейнскую зону. И всего-то этих войск набралось около 30 тыс. человек, из них Рейн пересекли, чтобы продефилировать в Аахене, Трире и Саарбрюккене три батальона. И это сошло Германии с рук, хотя военные силы Франции в то время в 5–7 раз превосходили германские.

В октябре 1936 г. был оформлен военно-политический союз Германии и Италии (создание оси Берлин – Рим). В ноябре этого же года подписан «Антикоминтерновский пакт» между Германией и Японией. Так была оформлена коалиция агрессивных государств, развязавших Вторую мировую войну.

По неполным оценкам, Вторая мировая война унесла жизни 55–60 млн. людей. Историческая память о войне, через 80 лет после ее начала, исключительно важна для новых поколений людей всего мира, ибо это одно из главных условий того, чтобы эта самая великая трагедия человечества за всю его историю не повторилась.

Источники и литература

1. Война и общество в XX веке / сост. О. А. Ржешевский. Кн. 1–3. – М. : Наука, 2008; Кн. 2: Война и общество накануне и в период Второй мировой войны / науч. рук. Л. В. Познеева ; отв. ред. Е. Н. Кульков. – М. : Наука, 2008. – 676 с.

2. Исаев, А. Антисуворов / А. Исаев. – Москва : Эксмо, Яуза, 2004. – 416 с.

3. Нарочницкая, Н. А. Великие войны XX столетия. Ревизия и правда истории / Н. А. Нарочницкая. – Москва : Вече, 2016. – 272 с.

4. Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке / авт.-сост. А. А. Кошкин. – Москва : Вече, 2010. – 464 с.

5. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? / Н. А. Нарочницкая [и др.]. – Москва : Вече, 2009. – 416 с.

6. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. А. М. Самсонов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Наука, 1985. – 712 с.

Е. Н. Дубровко
ГГУ имени Ф. Скорины, г. Гомель

АНГЛИЙСКАЯ «ПОЛИТИКА УМИРОТВОРЕНИЯ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ 2010-Х ГОДОВ

В статье предпринята попытка выявить и показать варианты интерпретации феномена английской «политики умиротворения», присутствующие в исследованиях российских историков 2010-х гг. Делается вывод, что современные российские историки, характеризуя феномен английской «политики умиротворения», не всегда избегают острой обвинительной риторики, присущей советской историографии.

По прошествии 75 лет интерес исследователей к разным аспектам Второй мировой войны остаётся оправданно высоким, о чём свидетельствует и издание данного сборника. Осмысление этого трагического события мирового масштаба, а также факторов, его спровоцировавших, несомненно, должно быть призвано прежде всего предотвратить повторение ситуации, когда дипломатические методы в международных отношениях сменяются военными, что влечёт за собой многочисленные человеческие жертвы. В связи с этим исследования международных отношений 1930-х годов и политики, проводимой ключевыми акторами, появляются постоянно, предлагая читателям свои результаты и оценки, зачастую способные повлиять на настроения общества и принимаемые политические решения, что делает анализ самих этих исследований задачей не менее актуальной, чем изучение исторических событий.

Цель этой статьи – выявить и охарактеризовать варианты интерпретации феномена английской «политики умиротворения», присутствующие в исследованиях российских историков последнего десятилетия.

Современная российская историческая наука, несомненно, базируется преимущественно на значительном интеллектуальном наследии советской русскоязычной историографии, в плане анализа внешней политики Великобритании в межвоенные годы – на исследованиях В. Г. Трухановского. Вместе с тем, следует признать, что в начале XIX века российские исследователи привлекают более широкий круг

английских источников, активнее обращаются к англоязычной историографии, особенно при подготовке диссертационных исследований.

Говоря о хронологии, В. Г. Трухановский указывал в качестве дат реализации «политики умиротворения» 1933–1937 годы, и далее писал о её продолжении с 1937 года Невиллом Чемберленом, причём продолжалась она и в 1939 году даже после нападения Германии на Польшу; лишь общественное мнение и обострившиеся до крайности англо-германские противоречия не позволили Н. Чемберлену «наладить новый Мюнхен» [1, с. 298, 343–373]. В современных российских исследованиях можно найти несколько вариаций по проблеме хронологии. Однозначно на этот вопрос отвечает его ученица профессор Н. К. Капитонова, указывая, что политика была начата ещё в период правления национального правительства Р. Макдональда (август 1931 г.), продолжалась правительством С. Болдуина и достигла апогея при Н. Чемберлене, причём она последовательно придерживается тезиса В. Трухановского о том, что весной 1939 г. никакой смены курса в Англии не произошло: политика умиротворения агрессора продолжалась [2, с. 356–386]. Однако в исследованиях, посвящённых более частным вопросам, можно найти отход от этого прочно утвердившегося тезиса. Так А. Г. Иванов характеризует предоставление англо-французских гарантий странам Восточной Европы как «поворот в британской дипломатии (отход от принципа «не брать на себя никаких обязательств»)), сразу же замечая, правда, что его «не стоит переоценивать», так как гарантии не имели реального содержания [3, с. 37–38]. На проблему датировки особо обратил также внимание М. А. Бандурин. Он отмечает существующий в историографии вопрос о датировке окончания «политики умиротворения», проводившейся британским кабинетом Н. Чемберлена с мая 1937 года. Исследователь не даёт однозначного ответа на этот вопрос, хоть и признаёт, что слухи о германских интервенционистских планах по отношению к Румынии и военных по отношению к Польше, доведённые до английского премьера в марте 1939 года побудили Н. Чемберлена к переходу к политике военных гарантий в Центральной, Восточной и Южной Европе [4, с. 202, 205]. Из такой же датировки (май 1937 – февраль 1939) он исходит и в своём диссертационном исследовании, отмечая, что слухи о готовящемся германском вторжении в Нидерланды позволили англичанам свернуть политику «умиротворения» в феврале 1939 г., заявить о британских «континентальных обязательствах» и о разработке англо-французского военного плана против Третьего рейха [5, с. 17, 22]. Признаёт рубежными для политики Великобритании февраль – март 1939 г.

и А. В. Ражев, указывая, что с этого времени Н. Чемберлен согласился на возврат к континентальной стратегии, сделав ставку на Варшаву и начав рассматривать вопрос о подготовке экспедиционного корпуса [6, с. 19–20].

Второй из отмеченных выше аспектов «политики умиротворения» советским исследователем представлен однозначно: «политика умиротворения» проводилась с целью организовать военное нападение на СССР, которое могло бы привести к гибели или ослаблению «социалистического государства и одновременному ослаблению империалистических соперников западных стран – Германии, Италии и Японии» [1, с. 376]. Этот тезис в современной российской исторической науке получил своё развитие. Так С. В. Рыбаков отмечает, что за «политикой умиротворения» крылось стремление превратить Германию в жесткий противовес «красной угрозе», т. е. СССР [7, с. 54–59]. Причём в вузовской учебной литературе такое объяснение причин и цели присутствует как главное, лишь вскользь при этом авторы упоминают, что руководством Великобритании двигало ещё и стремление «не оказаться втянутыми в войну» [1, с. 378; 8, с. 171, 173]. Интересную интерпретацию «политики умиротворения» предлагает М. А. Бандурин в своём диссертационном исследовании. Он пишет, что она преследовала чёткую внешнеполитическую цель Великобритании – «сохранение геополитического присутствия на европейском континенте» [5, с. 15].

Третий аспект – сторонники/противники «политики умиротворения» – в традиции советской историографии представлен В. Г. Трухановским достаточно односторонне. Исследователь отметил, что политика пользовалась поддержкой многочисленного пацифистски настроенного населения страны, правительств доминионов, французского руководства (Шотан, Даладье, Бонне), руководства тред-юнионов, правого руководства лейбористской партии. В то же время о противниках такого курса информации немного [1, с. 300–302], тем самым словно расширяется круг ответственных за реализацию этого политического курса и его последствия. Подобная же установка встречается и в учебнике для ВУЗов 2014 г. по новейшей истории Великобритании [8, с. 168]. Немногим более о противниках курса на «умиротворение», по крайней мере в 1939 г., пишет и Н.К. Капитонова, выделяя две ключевые фигуры У. Черчилля и Д. Ллойд Джорджа, хоть и признаёт фактор общественного мнения как один из важнейших, толкнувших Н. Чемберлена на переговоры с СССР [2, с. 375–376].

И наконец, четвёртый аспект – влияние «политики умиротворения» на последующие исторические события. В. Г. Трухановский

сформулировал тезис о том, что «агрессивные государства смогли развязать вторую мировую войну» только потому, что «те, кто располагал необходимыми возможностями и средствами, а именно Англия, США и Франция, не использовали их для того, чтобы остановить войну» [1, с. 386], то есть возложил на Великобританию часть косвенной вины за мировую войну. И этот тезис довольно устойчиво в разных интерпретациях присутствует в исследованиях современных российских историков. Например, А. В. Иванов формулирует тезис о том, что «немалая доля ответственности» за неизбежность Второй мировой войны в свете агрессивной политики Германии и её союзников лежит на Великобритании, которая предпочла «политику умиротворения» курсу на создание системы коллективной безопасности [3, с. 40], а её курс на умиротворение стимулировал настороженное отношение Сталина к любым предложениям Лондона и Парижа, и «в этом смысле поворот Сталина в сторону Германии был неизбежным» [9, с. 175]. М. А. Бандурин высказывается ещё резче, указывая, что «британские политики делят с лидерами Третьего рейха ответственность за начало Второй мировой войны, поскольку на всём протяжении предвоенного периода игнорировали серьёзные политические предложения германской стороны, либо пытались адаптировать германский экспансионизм к собственным интересам, что дестабилизировало европейскую ситуацию» [5, с. 16].

Обобщая выводы, сформулированные в работах своих коллег, Е. Е. Михайлова верно отметила, что «современные российские историки, несмотря на определенное различие взглядов, фактически выделили два государства, специфика усилий которых на международной арене стала одной из главных причин возникновения Второй мировой войны, – нацистскую Германию, а также Великобританию», при этом согласившись с этим утверждением [11, с. 190]. Однако, нельзя не указать, что некоторые авторы избегают столь резкой обвинительной риторики, а оценивают «политику умиротворения» исходя из её последствий для самой Великобритании. Н. К. Капитонова в капитальной работе «История внешней политики Великобритании» также не акцентирует, в отличие от многих других авторов, идущих в след за В. Г. Трухановским, внимание на тезисе ответственности Великобритании за не предотвращение «развязывания нацистами второй мировой войны в Европе» [1, с. 385]. Вместо этого она делает вывод, что «политика умиротворения» привела Великобританию к войне с Германией «силами не трёх, а лишь двух держав, причём в невыгодной для них стратегической позиции» [2, с. 387].

Таким образом, современные российские историки, характеризуя феномен английской «политики умиротворения», не всегда избегают острой обвинительной риторики, присущей советской историографии. Причём наблюдается это в большей мере в учебной литературе и обобщающих работах, в то время как исследования отдельных аспектов политики Великобритании 1930-х годов, основанные на большом блоке английских источников, не столь категоричны в своих характеристиках.

Источники и литература

1. Трухановский, В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939) / В. Г. Трухановский. – М. : Изд-во Ин-та международных отношений, 1962. – 412 с.

2. Капитонова, Н. К. История внешней политики Великобритании / Н. К. Капитонова, Е. В. Романова. – М. : Международные отношения, 2016. – 840 с.

3. Иванов, А. Г. Великобритания и Третий рейх накануне Второй мировой войны / А. Г. Иванов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 2 (12) – С. 35–40.

4. Бандурин, М. А. Германская аннексия Чехословакии в марте 1939 года в контексте размежевания геополитических интересов Великобритании и Третьего рейха / М. А. Бандурин // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 202–206.

5. Бандурин, М. А. Размежевание интересов Третьего рейха и Британской империи как фактор эскалации геополитической напряжённости (1933–1939): авторефдис ... канд. ист. наук : 07. 00. 03 / М. А. Бандурин ; ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет». – Иваново, 2014. – 28 с.

6. Ражев, А. В. Сухопутная армия Великобритании в 1935–1939 гг. модернизация стратегии и политика умиротворения: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 03 / А. В. Ражев ; Челябинский государственный университет. – Екатеринбург, 2014. – 23 с.

7. Рыбаков, С. В. Действия и мотивации британской дипломатии в период между двумя мировыми войнами / С. В. Рыбаков // Вестник Брянского госуниверситета. – № 3. – 2016. – С. 54–59.

8. Остапенко, Г. С. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века / Г. С. Остапенко, А. Ю. Прокопов. – М. : Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2012. – 472 с.

9. Иванов, А. Г. Проблема европейской безопасности в 1939 г.: взгляд из Лондона и Москвы / А. Г. Иванов // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 3. – С. 169–175.

10. Фокин, В. И. «Политика умиротворения» как последствие кризиса Версальской системы / В. И. Фокин // Первая мировая война, Версальская система и современность : сб. ст. / Новикова И. Н., Павлов А. Ю., Малыгина А. А. (отв. ред.). – СПб. : СПбГУ, 2014. – С. 349–360.

11. Михайлова, Е. Е. Ключевые приоритеты внешнеполитической стратегии Великобритании в 1939–1941 гг. / Е. Е. Михайлова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 2 (1). – С. 189–196.

УДК 943.8.081

Р. Р. Лазько

ГДУ імя Ф. Скарыны, г. Гомель

РЭАЛІЗАЦЫЯ САВЕЦКІМ КІРАЎНІЦТВАМ ЛЕНІНСКАЙ ЗНЕСНЕПАЛІТЫЧНАЙ ДАКТРЫНЫ НА ПАЧАТКУ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

У артыкуле адхіляецца фаталістычны падыход да міжнароднага палітычнага крызісу вясны – лета 1939 г., на аснове якога часткай гісторыкаў фармулюецца ацэнка аб непазбежнасці вайны ледзь не ад самага пачатку крызісу і аб сітуацыйным характары дзеянняў СССР у яе пачатку. Паводзіны СССР ва ўмовах гэтага крызісу магчыма адэкватна ацаніць толькі з улікам яго знешнепалітычнай дактрыны, асновы якой былі распрацаваны Леніным у 1918–1920 гг. і заставаліся актуальнымі ў 1939 г.

Сярод матываў, схіліўшых бальшавікоў да гвалтоўнага захопу ўлады ў Расіі, былі спадзяванні на тое, што гэтай акцыяй удалася падштурхнуць сусветную рэвалюцыю, без якой яны не ўяўлялі сваёй канчатковай перамогі. Аднак ішоў дзень за днём, а рэвалюцыя ў Еўропе не пачыналася. Давялося асвойваць азбуку рэальнай палітыкі, пачаўшы гэтую “вучобу” з сепаратных перагавораў аб міры з Германіяй, якія завяршыліся заключэннем “ганебнага” Брэсцкага міру – ганебнага ўдвайне: для Расіі як для дзяржавы і для бальшавікоў як для рэвалюцыйнай партыі. Нягледзячы на тое, што мірны дагавор на цяжкіх для Расіі ўмовах выклікаў глыбокі крызіс у краіне і ў партыі, ён высока ацэньваўся яго ініцыятарам, бальшавіцкім лідарам Уладзімірам Леніным, паколькі забяспечыў “перадышку”, неабходную для ўмацавання ўлады і перанясення рэвалюцыі за межы Расіі. Пасля таго, як менш чым праз год Германія

пацярпела паражэнне ў вайне, а дагавор быў ануляваны, ленінская ацэнка палітыкі “перадышкі” набыла агульнапартыйнае прызнанне як асноўная догма савецкай знешняй палітыкі, яе прынцып у адносінах з заходнім капіталістычным светам. Яна разглядалася як палітыка лавіравання, выкарыстання супярэчнасцей у лагеры праціўнікаў для яго аслаблення. Абапіраючыся на гэтую догму, Савецкая Расія на працягу 1920 г. заключыла серыю дагавораў аб міры са сваімі ўсходнееўрапейскімі суседзямі, паспрыяўшых зніжэнню іх недаверу да большавікоў і пэўнаму іх дыстанцыраванню ад заходніх пратэктараў. Але за гэта давялося заплаціць прызнаннем іх суверэнітэта і абвешчаных імі дзяржаўных граніц. Завяршылася фарміраванне савецкай знешнепалітычнай дагматыкі пасля няўдалай спробы большавікоў разваліць толькі што створаную Версальскую сістэму міжнародных адносін. Такой спробай быў паход Чырвонай арміі на Варшаву падчас вайны з Польшчай у 1920 г. Выяснілася, што сістэма аказалася мацнейшай, чым можна было меркаваць, і што для яе разбурэння (у неабходнасці гэтага сумненняў не існавала) давядзецца чакаць іншага моманту і ўсімі даступнымі сродкамі набліжаць яго.

Ідэйныя асновы савецкай знешняй палітыкі, разлічанай на існаванне савецкай дзяржавы ў капіталістычным акружэнні, прадставіў У. Ленін у дакладзе на IX партыйнай канферэнцыі ў верасні 1920 г., прысвечаным аналізу прычын і вынікаў няўдачы першай спробы разбурыць версальскі лад. Нягледзячы на гэтую няўдачу, “асноўная палітыка наша засталася тая ж, – гаварыў Ленін, – мы выкарыстоўваем кожную магчымасць, каб перайсці ад абароны да наступлення. Мы ўжо надарвалі Версальскі дагавор і дарвем яго, як толькі надарыцца зручны момант” [1, с. 389]. Ленін настойліва тлумачыў сваім таварышам па партыі неабходнасць рыхтаваць гэты момант. Калі нельга перамагчы двух сваіх ворагаў, гаварыў ён, – “трэба ўмець паставіць свае сілы так, каб яны пабіліся паміж сабой... але, як толькі мы будзем моцнымі настолькі, каб перамагчы ўвесь капіталізм, мы не марудзячы схапім яго за каўнер” [2, с. 58–59, 61, 66]. У гэтай сувязі Ленін адкрыта гаварыў аб неабходнасці нацкоўваць капіталістычныя групы адна на другую, нават падштурхоўваць іх да вайны паміж сабой, каб аслабіць на карысць сацыялізму.

Выпрацаваны пад кіраўніцтвам Леніна курс міжнароднай палітыкі савецкай улады, пры ўсіх яго тактычных паваротах, застаўся прынцыпова нязменным на працягу міжваеннага часу. Праз 15 год Сталін напамінаў аб ім членам Палітбюро як аб вядомай ісціне, калі сцвярджаў аб фарміраванні ў Еўропе дзвюх новых групавак дзяржаў замест існаваўшых да сусветнай вайны. Ён амаль цытаваў Леніна: “Чым мацнейшай будзе

бойка паміж імі, тым лепш для СССР. Мы можам прадаваць хлеб і тым і другім, каб яны маглі біцца... Нам выгодна, каб бойка ў іх была як мага даўжэйшай, але без хуткай перамогі адной над другой” [3]. Заўважым, што ў гэты час афіцыйная савецкая дыпламатыя адстойвала ідэю аб сістэме калектыўнай бяспекі ў Еўропе.

Сталін як выканаўца ленінскага завету ўвёў адну ўласную і важную дэталю у ленінскую канцэпцыю савецкай знешняй палітыкі. Яна датычыла паводзін СССР у выпадку ваеннага канфлікту паміж капіталістычнымі дзяржавамі. Асаблівую вагу ёй надавала тая акалічнасць, што яна была ўнесена пры абмеркаванні ваеннай рэформы на пленуме ЦК РКП(б) у студзені 1925 г. Сталін тады заявіў, што СССР “выступіць”, калі пачнецца вайна паміж капіталістычнымі групамі, але “выступіць апошнім”. “Мы выступім для таго, каб кінучь вырашальную гіру на шалі, гіру, якая б магла пераважыць” [4, с. 14].

У той міжнароднай сітуацыі, якая склалася ў выніку Першай сусветнай вайны, “паставіць свае сілы так, каб ворагі сацыялізму пабіліся паміж сабой”, можна было толькі адным спосабам – спрыяючы адраджэнню Германіі, капіталістычнага праціўніка Версальскай сістэмы, дапамагаючы ёй аднавіць сваю здольнасць біцца супраць версальскіх дзяржаў. Гэтай стратэгічнай мэтай бальшавікоў – раскалоць, аслабіць капіталістычную сістэму і садзейнічаць яе разбурэнню – была, у першую чаргу, прадыхавана рапальская палітыка. Толькі з сярэдзіны 1920-х гадоў, калі ў бальшавіцкай партыі склалася разуменне таго, што сусветная рэвалюцыя затрымліваецца на няпэўны час, вырасла значэнне іншага, стваральнага фактара рапальскай палітыкі. Ён быў абумоўлены імкненнем Савецкай Расіі, не чакаючы сусветнай рэвалюцыі, выйсці з міжнароднай ізаляцыі і пачаць з дапамогай Германіі пераўтварэнне краіны ў магутную сацыялістычную крэпасць, здольную ў зручны момант рашаць тую ж задачу развалу Версальскай сістэмы.

Аднак пасля прыходу да ўлады ў Германіі нацысцкай партыі савецкаму кіраўніцтву не ўдалося ўтрымаць свайго партнёра на рапальскай платформе, нягледзячы на тое, што яно не аднойчы сігналізавала яму аб сваёй гатоўнасці працягваць рапальскі курс [5, с. 480]. Гітлераўская Германія згортвала палітычнае супрацоўніцтва з СССР, аддаючы перавагу палітычнай гульні з дзяржавамі Захаду, і гэта адбывалася ў даволі небяспечны для СССР момант, калі на Далёкім Усходзе ўзнікла пагроза японскай агрэсіі. Страціўшы рапальскую апору сваёй еўрапейскай палітыкі, савецкі ўрад быў вымушаны перайсці да палітыкі калектыўнай бяспекі (1934–1938 гг.). У межах гэтага курса СССР забяспечваў свой еўрапейскі тыл перад пагрозай з Усходу.

Але і палітыка калектыўнай бяспекі не была чыста кансерватыўнай, абарончай, як гэта выглядае на першы погляд. Страчваючы рапальскую апору сваёй еўрапейскай палітыкі ва ўмовах, калі Версальская сістэма захісталася, СССР не меў іншых магчымасцей забяспечыць сваю актыўную ролю ў справе новага еўрапейскага ўладкавання, акрамя ўдзелу ў калектыўных санкцыях супраць патэнцыяльнага агрэсара. А гаворка ішла менавіта аб такой перспектыве. Што да задачы правакавання канфліктаў паміж праціўнікамі савецкай дзяржавы, то яна заставалася актуальнай, аб чым сведчыць і цытаваная вышэй дырэктыва Сталіна членам Палітбюро наконт продажу хлеба.

Аднак і новая тактыка (“палітыка калектыўнай бяспекі”), нягледзячы на яе асобныя поспехі, не прывяла да пераўтварэння СССР у адзін з вядучых фактараў еўрапейскай палітыкі, здольны фарміраваць яе ў той самай меры, як Англія, Францыя, Германія. Восенню 1938 г. заходнімі дзяржавамі было праігнаравана жаданне СССР прыняць удзел у міжнароднай канферэнцыі, прысвечанай вызначэнню лёсу Чэхаславакіі [6]. Якую пазіцыю СССР збіраўся адстойваць на гэтай канферэнцыі – невядома. Сумненні наконт яе ўзнікаюць у сувязі з нядаўна ўведзенай расійскімі гісторыкамі ў навуковы ўжытак інфармацыяй [7, с. 204] аб савецкім, а не чэхаславацкім аўтарстве вядомай агаворкі аб тым, што СССР акажа сваю дапамогу Чэхаславакіі *толькі следам за Францыяй*. Відавочна, кіраўнікі савецкай дзяржавы не пазіцыяніравалі яе ў ролі адзінокага абаронцы Чэхаславацкай Рэспублікі. Але ці не намерваліся яны, акрамя таго, у адпаведны час кінуць на вагі барацьбы еўрапейскіх дзяржаў тую самую вырашальную савецкую гіру? Праблема патрабуе асобнага вывучэння.

Пад уплывам Мюнхенскай канферэнцыі ў Маскве склалася перакананне ў тым, што заходнія дзяржавы, спадзеючыся залагодзіць Германію, вядуць курс на перабудову Версальска-Вашынгтонскай сістэмы міжнародных адносін, ігнаруючы пры гэтым СССР. Гэта перакананне тактычна аблегчыла Сталіну фармуляванне ацэнкі міжнароднай сітуацыі на пачатку вясны 1939 г. як сітуацыі новай імперыялістычнай вайны, у якой СССР пакідае за сабой свабоду дзеянняў. Такую ацэнку ён выказаў 10 сакавіка 1939 г. з высокай трыбуны XVIII з’езда партыі ў справаздачным дакладзе ЦК ВКП(б). Прыкметы гэтай вайны Сталін убачыў у шэрагу падзей, пачынаючы ад захопу Італіяй Абісініі і заканчваючы захопам Судзецкай вобласці Германіяй [8, т. 1, с. 259]. Хоць Сталін назваў агрэсарамі Італію, Японію і Германію, але не выключаў супрацоўніцтва з імі, як і з іншымі дзяржавамі. Гэта мы бачым у яго фармулёўцы “задач партыі ў вобласці знешняй палітыкі”. На першае

месца была пастаўлена наступная: “Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами” [8, т. 1, с. 263] (падкрэслім – “со всеми”). Такім чынам, разгляд міжнароднай часткі даклада Сталіна на XVIII з’езде партыі дазваляе зрабіць высновы, важныя для разумення палітыкі СССР у перадваенным палітычным крызісе 1939 г. З даклада вынікае, што савецкае кіраўніцтва вяло палітыку, зыходзячы з таго, што вайна ўжо ідзе, але не збіралася безумоўна падпарадкоўваць свае дзеянні інтарэсам яе спынення ці абмежавання яе маштабаў. Інакш навошта было заяўляць на ўвесь свет аб гатоўнасці ўмацоўваць “дзелавыя сувязі” з усімі краінамі, не выключаючы і агрэсараў? Такая пазіцыя поўнаасцю адпавядала той мадэлі савецкай знешняй палітыкі, асновы якой вызначыў Ленін у 1920 г., і якую дабудоўвалі яго пераемнікі на чале са Сталіным.

Канстатацыя гэтага факта дазваляе сцвярджаць, што вясной 1939 г. адбывалася драматычнае разыходжанне вектараў знешняй палітыкі СССР і яго партнёраў з дэмакратычнага Захаду. Устрывожаныя новымі агрэсіўнымі дзеяннямі фашысцкіх дзяржаў, Англія і Францыя паварочвалі да супрацоўніцтва з СССР. Аднак, устаўшы на гэты шлях, яны не пайшлі настолькі далёка, каб даць савецкаму ўраду карт-бланш для дзеянняў у Усходняй Еўропе. Такая сітуацыя ўзнікла ў ходзе летніх перагавораў 1939 г. у сувязі з пытаннем аб ускоснай агрэсіі [9, с. 130]. Пазіцыя заходніх партнёраў па перагаворах узмацніла ў савецкім кіраўніцтве тэндэнцыю да ўзаемадзеяння з Германіяй, дзякуючы якому СССР спадзяваўся атрымаць дывідэнты ад працэсу развалу Версальскай сістэмы, якіх не абяцалі заходнія дзяржавы. Але атрымаць іх было магчыма толькі ў сітуацыі, калі б ворагі сацыялізму “пабіліся паміж сабой”.

Вясной 1939 г. такая перспектыва рабілася ўсё больш рэальнай у сувязі з развіццём польска-германскага канфлікту. Назаўтра пасля ўручэння польскім паслом у Германіі адмоўнага адказу Польшчы на прапановы Берліна аб германскім “калідоры” праз польскі “калідор” і аб уключэнні Данцыга ў склад Германіі (гэта адбылося 26 сакавіка) Гітлер аддаў распараджэнне аб распрацоўцы плана вайны супраць Польшчы – “плана Вайс”. Уступную дырэктыву да яго Гітлер даў 3 красавіка, а 11 красавіка прадугледжаная планам аперацыя была ўключана ў “Дырэктыву аб адзінай падрыхтоўцы ўзброеных сіл да вайны”. Адпаведна ўказанню “фюрэра” ўзброеныя сілы Германіі павінны былі завяршыць падрыхтоўку аперацыі супраць Польшчы не пазней 1 верасня 1939 г. Вайна, як мы ведаем, сапраўды пачалася 1 верасня 1939 г. Але ці была яна непазбежнай? На аснове прыведзеных фактаў частка беларускіх гісторыкаў сфарміравала фаталістычную пазіцыю па пытанні

аб магчымасці прадухілення вайны. Маўляў, іншае, мірнае развіццё падзей з гэтага моманту было выключана, заставалася толькі прыстасоўвацца да ваеннай перспектывы. Тым самым ігнаруецца альтэрнатыўнасць гістарычнага працэсу, якая вынікае з неабмежаванасці яго колькасных і якасных параметраў. Замест таго, каб падпарадкавацца такому фаталізму, як правіла, ідэалагічна абумоўленаму, гісторык абавязаны імкнуцца ўлічыць найвялікшае багацце фактаў, што адносяцца да падзей (у гэтым выпадку да перадваеннага палітычнага крызісу 1939 г.), улічыць усе варыянты развіцця і выясніць прычыны ажыццяўлення аднаго з іх, гэтага, а не іншага. Калі мы гаворым аб пачатку вайны ў Усходняй Еўропе ў верасні 1939 г., якая імкліва перарасла ў Другую сусветную вайну, то павінны ўважліва прыгледзіцца да паводзін СССР ва ўмовах развіцця міжнароднага палітычнага крызісу 1939 г. і асабліва – да яго пазіцыі адносна польска-германскага канфлікту, *не адрываючы гэты агляд ад савецкай знешнепалітычнай дактрыны*. Гэта неабходнасць дыктуецца тым, што СССР з яго матэрыяльным, ваенным і палітычным патэнцыялам меў вялікія магчымасці для ўплыву на развіццё крызісу ў тым ці іншым яго накірунку, у рэшце рэшт і на тое, каб крызіс перарос, або, наадварот, не перарос у сусветную вайну.

У гэтай сувязі нам зноў давядзецца звярнуцца да сталінскай ацэнкі міжнароднай абстаноўкі як абстаноўкі імперыялістычнай вайны, каб паставіць яе побач з іншым дакументам XVIII з'езда ВКП(б), на якім гэта ацэнка прагучала. Гаворка ідзе аб зацверджаным з'ездам плане развіцця народнай гаспадаркі на трэцюю пяцігодку, які цалкам адпавядаў сталінскай ацэнцы міжнароднай сітуацыі. Відавочна, Сталін, выступаўшы з палітычным дакладам ад імя ЦК ВКП(б), і блізкая да яго група вышэйшых кіраўнікоў прыйшлі да высновы, што час, калі СССР атрымае магчымасць кінуць “вырашальную гіру на вагі”, набліжаецца, таму неабходна прывесці вытворчасць на вышыню гэтай задачы. У плане развіцця народнай гаспадаркі на трэцюю пяцігодку прадугледжвалася значнае павялічэнне асігнаванняў на развіццё ваеннай прамысловасці і паскарэнне тэмпаў яе росту. Калі ў 1939 г. асігнаванні на гэтыя мэты складалі крыху болей 25 % дзяржаўнага бюджэту, то на пачатку 1941 г. рэальна склалі ўжо звыш 43 % [10, с. 200]. Відавочна, што ў выніку выканання заданняў трэцяй пяцігодкі савецкая знешняя палітыка атрымала б больш надзейную матэрыяльную апору для рашэння наступальных задач. Рашэнню такіх задач было падпарадкавана і савецкае стратэгічнае планаванне. Адпаведна з планам стратэгічнага разгортвання Чырвонай Арміі, прынятым у 1938 г., яна павінна была рыхтавацца да барацьбы на тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны супраць

саюзных сіл Германіі і Польшчы! Гэты план сведчыць аб тым, што савецкі генштаб, знаходзячыся пад уплывам светапогляду палітычнага кіраўніцтва, дапусціў грубую памылку ў вызначэнні верагодных праціўнікаў СССР. Акрамя таго, у ім (як і ў замяніўшым яго плане 1940 г.), разглядаліся толькі варыянты наступальных дзеянняў савецкіх узброеных сіл, што цалкам адпавядала палітычнай дактрыне (ўмяшацца ў барацьбу ў зручны момант, каб кінуць вырашальную гіру на вагі).

Дактрынальныя і эканамічныя абмежаванні савецкай знешняй палітыкі (толькі часткова закранутыя ў гэтым артыкуле) неабходна ўлічваць, калі мы разглядаем англа-франка-савецкія перагаворы аб мерах стрымлівання агрэсараў, якія вяліся на працягу вясны – лета 1939 г. паміж трыма дзяржавамі. Разам з тым, неабходна ўлічваць і тое, што заходнія дзяржавы, Англія і Францыя, мелі свае абмежаванні на шляху да пагаднення з СССР, якое б стала сродкам утаймавання агрэсараў. Гэта быў недавер з іх боку да СССР як да дзяржавы, палітычнае кіраўніцтва якой прытрымлівалася ідэі аб неабходнасці ліквідацыі капіталістычнага ладу ва ўсіх краінах свету. Шырокамаштабная еўрапейская вайна магла толькі спрыяць рэалізацыі гэтай ідэі, як гэта было ў Расіі ў 1917 г., і ледзь не здарылася ў некаторых іншых краінах. Н. Чэмберлен, напрыклад, вясной 1939 г. канфідэнцыяльна гаварыў аб сваім недаверы іменна да матываў савецкага супрацоўніцтва з заходнімі дзяржавамі [7, с. 273]. Але акрамя гэтай прынцыповай прычыны недаверу да СССР дэмакратычных дзяржаў Захаду, была яшчэ адна: рэпрэсіі супраць камандных кадраў у савецкіх узброеных сілах, моцна іх аслабіўшыя, і наогул рэпрэсіі супраць розных груп насельніцтва ў СССР, ствараўшыя сітуацыю адчужэння паміж уладай і народам. Па гэтай прычыне на Захадзе склалася перакананне аб няздольнасці Чырвонай Арміі да наступальных дзеянняў. У гэтай сітуацыі палітычнаму кіраўніцтву Англіі і Францыі нялёгка было рашыцца звязаць свае дзяржавы ваенна-палітычным саюзам з СССР. Была выбрана тактыка весці перагаворы аб такім саюзе, каб самой пагрозай магчымага яго заключэння стрымліваць агрэсара, а ў выпадку неэфектыўнасці гэтай пагрозы ўсё-такі фарсіраваць перагаворы і заключыць рэальны саюз. Англіі востра не хапала часу, каб павысіць патэнцыял сваіх сухапутных узброеных сіл і перш за ўсё авіяцыі. Але капітуліраваць перад Германіяй яна не збіралася, бо ў Лондане яшчэ вясной 1939 г. зразумелі, што мэтай гітлераўскай Германіі з'яўляецца не набыццё той ці іншай тэрыторыі, а ўстанаўленне сваёй гегемоніі ў Еўропе. Гэтага Англія не магла дапусціць, што павінен быў засведчыць і заключаны ёю 25 жніўня саюз з Польшчай. З аднаго боку, ён служыў папярэджаннем Германіі, а з другога – стаў сродкам націску на Польшчу. Адпаведна саюзнаму

дагавору, Англія гатовая была дапамагаць Польшчы ў абароне яе суверэнітэта і незалежнасці, але не тэрытарыяльнай цэласнасці. Аднак у гэтай другой сваёй якасці – як сродак прымусу Польшчы да канкрэтных тэрытарыяльных саступак на карысць Германіі – англа-польскі саюзны дагавор страціў сваё значэнне ўжо ў момант яго падпісання, бо Германія знайшла іншы, радыкальны сродак задавальнення сваіх мэтаў адносна Польшчы. Ім стаў савецка-германскі дагавор аб ненападзенні з яго сакрэтным пратаколам, у якім Еўропа была падзелена на сферы інтарэсаў дзвюх дзяржаў.

Савецка-германскі дагавор аб ненападзенні ад 23 жніўня стаў вынікам перагавораў, якія СССР вёў паралельна з англа-франка-савецкімі перагаворамі. Некаторы час яны вяліся па звычайных дыпламатычных каналах – праз германскага пасла ў Маскве фон Шуленбурга і часовага паверанага ў справах СССР у Германіі Г. Астахава. Германская дыпламатыя, якую прыспешвала ўжо прынятае Гітлерам рашэнне аб нападенні на Польшчу, праяўляла ініцыятыву, націскала на савецкіх партнёраў. А Сталін пэўны час марудзіў, прыцэньваўся да варыянтаў, якія выяўляліся на абедзвюх перагаворных пляцоўках. Англія і Францыя не згаджаліся прадаставіць СССР свабоду рук для дзеянняў у Усходняй Еўропе пад выглядам рэагавання не толькі на прамую, але і на так званую “ўскосную агрэсію”. Яе савецкі ўрад разумеў шырока – як “унутраны пераварот або паварот у палітыцы [ўсходнееўрапейскіх дзяржаў], каб дагадзіць агрэсару” [9, с. 130]. Гэтую формулу не прынялі і самі ўсходнееўрапейскія дзяржавы.

Зусім іншую пазіцыю заняла Германія. 3 жніўня І. Рыбентроп заявіў часоваму паверанаму ў справах СССР у Германіі Г. Астахаву, што “супярэчнасцей паміж нашымі краінамі няма на ўсёй прасторы ад Чорнага мора да Балтыйскага. Па ўсіх гэтых пытаннях можна дамовіцца...” Перагаворы хутка набылі характар абмеркавання канкрэтных пытанняў. Не хаваючы таго, што яны ставяцца ў сувязі з намерам Германіі развязаць вайну супраць Польшчы, гітлераўскі ўрад заяўляў аб незацікаўленасці лёсам Прыбалтыкі (акрамя Літвы), былой “рускай Польшчы”, Бесарабіі, Украіны. 11 жніўня, адпаведна з рашэннем Палітбюро ЦК ВКП(б), Молатаў паслаў Астахаву тэлеграму, у якой даручыў паведаміць аб жаданні савецкага ўрада весці перагаворы па ўсіх гэтых пытаннях, а месцам іх правядзення прапанаваў Маскву [8, т. 2, с. 180, 184]. (Заўважым, англа-франка-савецкія перагаворы ваенных місій пачаліся толькі на наступны дзень). 15 жніўня Шуленбург уручыў Молатаву памятную запіску германскага ўрада, з просьбай далажыць яе Сталіну, у якой намячаліся контуры будучай дамовы і выказвалася прапанова аб

прыездзе ў Маскву Рыбентропа для яе канчатковага ўзгаднення і падпісання.

Згода савецкага ўрада на падпісанне дагавора з Германіяй, які прадугледжваў гвалтоўныя тэрытарыяльныя змены ў Усходняй Еўропе, рабіла беспрадметнымі англа-франка-савецкія перагаворы, накіраваныя якраз на супрацьдзеянне спробам такіх змен ці нават на прадухіленне іх. 21 жніўня адбылося апошняе пасяджэнне ваенных місій. Асобныя беларускія гісторыкі і сёння следам за савецкай гістарыяграфіяй тлумачаць зрыў перагавораў нязгодай Польшчы на пропуск савецкіх войск праз яе тэрыторыю для барацьбы з агрэсарам. Гэта пытанне савецкая місія, як вядома, паставіла 14 жніўня, заспеўшы ім англійскую і французскую місіі знянацку. Да таго часу яно не падымалася на якім-небудзь узроўні ў ходзе англа-франка-савецкіх перагавораў, таму, натуральна, ні генерал Думенк, кіраўнік французскай місіі, ні адмірал Дракс з боку англічан, на гэта пытанне адказаць не маглі. Яно знаходзілася ў кампетэнцыі ўрада Польскай Рэспублікі, а Польшча, як вядома, не была ўдзельніцай перагавораў.

Ужо сам факт раптоўнай пастаноўкі на перагаворах такога сур'ёзнага пытання прымушае, як мінімум, ацаніць яго як непадрыхтаванае. А ў расійскай гістарыяграфіі была выказана абгрунтаваная думка аб патрабаванні СССР праходу савецкіх войск праз тэрыторыю Польшчы і Румыніі для супрацьдзеяння агрэсару як аб сродку зрыву перагавораў з Англіяй і Францыяй. Па шэрагу прычын з гэтым меркаваннем давядзецца згадзіцца. Па-першае, у Маскве, не горш чым у Парыжы і Лондане, ведалі, што для Польшчы, дзе яшчэ не забылі вайну 1920 г., была непрымальная прысутнасць на яе тэрыторыі савецкіх войск (зрэшты, як і нямецкіх). Сам Молатаў меў магчымасць канстатаваць гэта пасля размовы з польскім паслом В. Гжыбоўскім 11 мая, у якой пасол па даручэнні свайго ўрада выказаў афіцыйную трактоўку пазіцыі Польшчы адносна савецкай прапановы аб заключэнні англа-франка-савецкага дагавора аб узаемнай дапамозе, які б прадугледжваў не толькі германскую агрэсію супраць любога з трох удзельнікаў дагавора, але і агрэсію супраць усходнееўрапейскіх дзяржаў, уключаючы і Польшчу. Польская пазіцыя зводзілася да таго, што для Польшчы прымальныя пагадненні толькі на аснове ўзаемнасці, якой савецкі праект не прадугледжваў. Пасол, акрамя таго, адзначыў, што польскі ўрад не даручаў ураду саюзнай Францыі весці перамовы з савецкім урадам па пытаннях гарантавання Польшчы, паколькі такія пытанні могуць вырашацца толькі непасрэдна паміж Масквой і Варшавай [11, і. 82]. Тое ж самае Ю. Бек у Варшаве патлумачыў намесніку наркама В. Пацёмкіну 10 мая. З атрыманай інфармацыі кіраўнік

савецкага ўрада зрабіў цалкам слушную выснову: “Польшча не хоча ў цяперашні момант звязваць сябе якім-небудзь пагадненнем з СССР або згодай на ўдзел СССР у гарантаванні Польшчы, але не выключае апошняга ў будучым” [8, т. 1, с. 449].

Здавалася б, што, маючы такое яснае разуменне пазіцыі Польшчы наконт ваенна-палітычнага супрацоўніцтва з СССР, савецкае кіраўніцтва будзе ўлічваць яе ў перагаворах з Англіяй і Францыяй ці паспрабуе змяніць яе на больш прыхільную, абапіраючыся на падтрымку сваіх партнёраў – саюзнікаў Польшчы. Гэтага, аднак, не адбылося. Наадварот, маючы некалькі месяцаў часу, савецкі бок да пачатку перагавораў ваенных місій сфармуляваў безальтэрнатыўную платформу савецкай дэлегацыі, якая цалкам канфрантавала з пазіцыяй Польшчы. 4 жніўня ў дакуменце савецкага генеральнага штаба, у якім разглядаліся варыянты магчымых дзеянняў савецкіх узброеных сіл у выпадку агрэсіі Германіі супраць Англіі, Францыі, Польшчы або Румыніі было ўпершыню ад пачатку міжнароднага крызісу 1939 г. сфармулявана патрабаванне аб праходзе савецкіх войск праз тэрыторыю Польшчы і Румыніі. На аснове гэтага дакумента Сталін 7 жніўня зацвердзіў інструкцыю кіраўніку савецкай дэлегацыі для вядзення ваенных перагавораў, наркаму абароны К. Варашылаву [12, с. 386–387, 584]. Яна патрабавала ад савецкай дэлегацыі “перагаворы звесці да дыскусіі па асобных прынцыповых пытаннях, галоўным чынам аб пропуску нашых войск праз Віленскі калідор і Галіцыю, а таксама праз Румынію.”

“Калі выясніцца, – гаварылася ў наступным пункце, – што *свабодны пропуск* нашых войск праз тэрыторыю Польшчы і Румыніі з’яўляецца выключаным (*курсіў наш – Р. Л.*), то заявіць, што без гэтай умовы пагадненне немагчымае..., што мы не лічым магчымым удзельнічаць у справе, загадзя асуджанай на правал” [12, с. 584]. Такім чынам, згода партнёраў на пропуск савецкіх войск праз тэрыторыю Польшчы і Румыніі разглядалася савецкім урадам як папярэдняя ўмова заключэння ім пагаднення, якая не падлягала абмеркаванню. Чаму ж гэта патрабаванне загадзя не было даведзена ўрадам Англіі і Францыі, а праз іх – і ўраду Польшчы? Напэўна, таму, што ў гэтым выпадку заходнія дзяржавы наўрад ці паслалі б у Маскву свае дэлегацыі, і Крэмль бы пазбавіўся эфектыўнага сродку націску на Берлін, ад якога спадзяваўся атрымаць болей, чым ад сваіх заходніх партнёраў. А пагадненне з Англіяй і Францыяй або з Германіяй былі альтэрнатывамі, якія ўзаемна выключаліся. Гэта, у прыватнасці, вынікала з паведамленняў паўпрэда Астахава. 8 жніўня ён пісаў аб той цане, якую Германія была гатовая заплаціць за пацвярджэнне незацікаўленасці СССР лёсам Данцыга

і Польшчы (тэрыторыяй на захад ад Віслы) і ўказваў пры гэтым, што “размовы такога кшталту (паміж СССР і Германіяй – Р. Л.) магчымыя толькі на базе адсутнасці англа-франка-савецкага ваенна-палітычнага пагаднення” [8, т. 2, с. 180]. І Сталін зрабіў свой выбар, рэалізаваны ў дагаворы аб ненападзенні з яго сакрэтным пратаколам. Дагавор, як мінімум, аблегчыў Гітлеру завяршэнне падрыхтоўкі да разгрому Польшчы¹. Матывы свайго выбару патлумачыў сам Сталін праз тыдзень пасля развязвання Германіяй вайны, аблягчаючы тым самым задачу сучаснага гісторыка. Ён зрабіў гэта, калі даваў указанні Г. Дзімітраву наконт неабходнасці змены курсу Камінтэрна з антыфашысцкага і антыгерманскага на прыхільны для Германіі. Вайна карысная для сіл сацыялізму, па-першае, тым, казаў ён, што дзве капіталістычныя групы ў ходзе яе аслабляюць капіталістычную сістэму. “Мы можам маневраваць, падштурхоўваючы адзін бок супраць другога, каб добра пабіліся”. Па-другое, “у выніку разгрому Польшчы мы пашырым сацыялістычную сістэму на новыя тэрыторыі і насельніцтва” [13, с. 19]. Наступныя падзеі могуць служыць ілюстрацыяй гэтай заявы, хоць, натуральна, яны не цалкам супалі з жаданнямі крамлёўскіх стратэгаў.

Адзін з аўтараў савецка-германскага дагавора, В. М. Молатаў, назваў яго “паваротным пунктам у гісторыі Еўропы, ды і не толькі Еўропы” [14, с. 11]. Гэта сапраўды было так, бо цяпер Гітлер набыў упэўненасць, што будзе ваяваць толькі на адным фронце – заходнім, абапіраючыся пры гэтым на савецкую сыравіну. Але і савецкія кіраўнікі, нарэшце, атрымалі магчымасць выканаць ленінскі завет і пашырыць сацыялізм на ўсходнія тэрыторыі Версальскай сістэмы.

У святле сталінскай заявы аб пашырэнні тэрыторыі сацыялізму, прагучаўшай ужо 7 верасня, відавочна, што так званую “пазіцыю чакання” развіцця падзей, занятую савецкім кіраўніцтвам у тыя дні, неабходна разглядаць толькі як выяву пэўнай тактыкі, звязанай з несупадзеннем мэтай СССР і Германіі ў вайне. Гітлеру не ўдалося ізаляваць Польшчу, у вайну ўступалі Францыя і Англія, таму яму было пільна патрэбна як найхутчэй разграміць свайго польскага праціўніка. Ваеннае ўзаемадзеянне Германіі з СССР аблегчыла б рашэнне гэтай задачы. Яно таксама дало б магчымасць раздзяліць з савецкім партнёрам палітычную і маральную адказнасць за ўчыненую агрэсію. Таму Германія пачала ціснуць на СССР ужо з 4 верасня, каб схіліць яго як найхутчэй заняць тэрыторыю Польшчы, аднесеную да савецкай сферы інтарэсаў [15, с. 34–35]. А Сталін

¹Вялікай з’яўляецца верагоднасць, што ён наогул не зрабіў бы яго, калі б ведаў, што дзевяццацца вясці вайну на два франты. Аднак разгляд гэтага пытання на аснове аналізу існуючых крыніц выходзіць за межы артыкула.

марудзіў, бо настроены быў на зацягванне вайны без удзелу СССР, каб праціўнікі “добра пабіліся” і стварылі для яго доўгачаканую магчымасць “кінуць вырашальную гіру на вагі”. Але ў гэтую свядомамарудлівую пазіцыю ўпісалася яго рашэнне задаволіць просьбу свайго германскага партнёра, каб часці вермахта ў ходзе аперацый супраць польскага войска пры неабходнасці заходзілі ў савецкую сферу інтарэсаў, вызначаную ў сакрэтным пратаколе [15, с. 35].

Гаворачы аб марудлівасці Сталіна на пачатку германскай агрэсіі супраць Польшчы, нельга не ўлічваць таксама і звычайную непадрыхтаванасць савецкай дзяржавы да такой маштабнай аперацыі, якая выявілася яшчэ да яе пачатку, у час мабілізацыі, ішоўшай з 7 верасня. Гаворка ідзе не толькі аб матэрыяльнай непадрыхтаванасці Чырвонай Арміі. Савецкаму кіраўніцтву даводзілася ўлічваць і псіхалагічную непадрыхтаванасць савецкага грамадства да ваенных дзеянняў, якія аб’ектыўна спрыялі фашысцкай Германіі, “галоўнаму падпальшчыку вайны”, як да таго часу яе кваліфікавала савецкая прапаганда. Неабходна было таксама даць час і насельніцтву Заходняй Беларусі, каб яно зарыентавалася ў намерах савецкага кіраўніцтва, што было няпроста пасля пяцігадовага маўчання Масквы наконт лёсу беларусаў у Польшчы і пасля разгрому па ініцыятыве Сталіна незадоўга да вайны Камуністычнай партыі Польшчы.

Рашэнне аб уводзе войск было прынята, перш за ўсё, з улікам гэтых фактараў не пазней 9 верасня. Акрамя прыведзенай вышэй спасылкі на дырэктывы Сталіна Камінтэрну, яшчэ адным, і досыць пераканаўчым аргументам на карысць гэтага сцверджання з’яўляецца варыянт дырэктывы наркама абароны К. Варашылава і начальніка генштаба РККА Б. Шапашнікава Ваеннаму савету БВА ад гэтай даты. Яна прадугледжвала ўвод савецкіх войск у Польшчу ўжо ў ноч з 12 на 13 верасня [16, с. 71–72].

З прыняццем гэтага рашэння давялося паспяшацца пасля атрымання 8 верасня паведамлення аб заняцці нямецкімі войскамі Варшавы – інфармацыі, якая пазней не спраўдзілася. 14 верасня дырэктыва была выпраўлена і “вызваленчы паход” пачаўся 17 верасня – тады, калі болей адцягваць яго было нельга, не рызыкуючы стварыць сітуацыю, у якой давялося б прымаць Заходнюю Беларусь і Заходнюю Украіну з рук Германіі. У выніку гэтага паходу беларускі і ўкраінскі народы былі аб’яднаныя – як ні прыкра гэта прызнаць, аб’яднаныя ў выніку змовы двух дыктатараў, Гітлера і Сталіна, менш за ўсё думаўшых аб інтарэсах народаў, якіх аб’ядноўвалі. Але Гісторыя на гэтым не спынілася, Яе Вялікасць пазней праявіць сваю здольнасць іранізаваць

над сваімі занадта самаўпэўненымі суб'ектамі, як гэта ёй даводзілася рабіць неаднойчы.

Як бачым, савецкія кіраўнікі дачакаліся сітуацыі, калі “ворагі сацыялізму” (якія атаясамліваліся з ворагамі СССР) пачалі біцца паміж сабой, а СССР атрымаў магчымасць заняцца вяртаннем тэрыторый, належаўшых Расійскай імперыі да Першай сусветнай вайны. Следам за далучэннем да СССР Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны наступіла чарга рэспублік Прыбалтыкі, Фінляндыі, затым Бесарабіі і Паўночнай Букавіны. На некаторы час у кіруючых вярхах савецкай дзяржавы запанавала эйфарыя ад дасягнутых поспехаў. Аднак цягнулася яна нядоўга. Атрымаўшы вольныя рукі для дзеянняў на Захадзе, гітлераўская Германія следам за Польшчай на працягу некалькіх тыдняў разграміла і яе саюзніцу Францыю. Імклівы разгром Францыі адкрыў, нарэшце, вочы маскоўскім стратэгам на тую вялізную небяспеку, якая насоўвалася на савецкую краіну. “Поди ж ты, знай, что Франция развалится за две недели”, – засмучаўся ўжо пасля вайны адзін з тых трыумфатараў 1939 года, сталінскі наркам Варашылаў [17]. За ўпартую прыхільнасць дзяржаўнага кіраўніцтва догме 1920 г. народам Савецкага Саюза давялося заплаціць трагічную цану.

Крыніцы і літаратура

1. Ленин, В. И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. / В. И. Ленин. – М. : «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 2000. – 607 с.
2. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. / В. И. Ленин. – М. : Издат. полит. литерат., 1981. – Т. 42.
3. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. – М. : РОССПЭН, 2001. – 748 с.
4. Сталин, И. В. Речь на пленуме ЦК РКП(б) 19 января 1925 г. / И. В. Сталин // Сочинения : 18 т. – М.: Госполитиздат, 1947. – Т. 7. – С. 11–14.
5. Документы внешней политики СССР : в 22 т. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 16. – 920 с.
6. Известия. – 1938. – 29 сентября.
7. Сидоров, А. Ю. История международных отношений. 1918–1939 гг. / А. Ю. Сидоров, Н. Е. Клейменова. – М. : Центрполиграф, 2006. – 640 с.
8. Год кризиса, 1938–1939 : Документы и материалы : в 2 т. – М.: Политиздат, 1990. – Т. 1: 29 сент. 1938 г. – 31 мая 1939 г. – 554 с.; Т. 2: 2 июня 1939 г. – 4 сент. 1939 г. – 986 с.
9. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 : в 2 т. – М. : Политиздат, 1981. – Т. 2: Январь – август 1939 г. – 415 с.

10. История России. XX век: учеб. пособие / О. А. Яновский [и др.]. – Мн. : РИВШ, 2005. – 702 с.
11. Archiwum Akt Nowych (Warszawa). – MSZ. Wydział Wschodni. – Sygn. 6652A.
12. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Междунар. отношения, 1992. – Т. 22. – Кн. 1. – 712 с.
13. Фирсов, Ф. И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. / Ф. И. Фирсов // Новая и новейшая история. – 1992. – № 6. – С. 12–35.
14. Молотов, В. М. О ратификации советско-германского договора о ненападении / В. М. Молотов // Большевик. – 1939. – № 15–16. – С. 7–13.
15. Случ, С. З. Советско-германские отношения в ходе польской кампании и вопрос о вступлении СССР во вторую мировую войну / С. З. Случ // Славяноведение. – 1999 – № 6. – С. 32–43.
16. Лебедева, Н. С. Польша между Германией и СССР в 1939 году / Н. С. Лебедева // Война и политика. 1939–1941 / Отв. ред. А. О. Чубарьян. – М. : «Наука», 1999. – С. 65–84.
17. У порога войны: беседа с д. и. н. В. М. Кулишем / Комсомольская правда. – 1988. – 24 августа.

УДК 930(476.2)«20»:94(47+57):94(430)«1939-1941»

С. Н. Рожкова

ГГУ имени Ф. Скорины, г. Гомель

ПЛАНЫ СССР И ГЕРМАНИИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье охарактеризована современная белорусская историография, раскрывающая советские и германские военно-политические планы накануне и в начальный период Великой Отечественной войны. Автор установил важнейшие положения и выводы, сделанные белорусскими историками постсоветского периода по данной проблематике, определил их научную обоснованность.

Самым тяжелым и наиболее напряженным в Великой Отечественной войне является ее начальный этап. В это время обе воюющие стороны, мобилизуя все силы и средства, стремятся нанести противнику максимальный урон, захватить стратегическую инициативу и достичь перелома в ходе войны в свою пользу. Обычно слабый противник не выдерживает напряжения этой борьбы и вскоре терпит поражение. На подобное развитие событий немецко-фашистское командование рассчитывало и при нападении на Советский Союз. Однако достигнуть этого гитлеровским войскам не удалось. Несмотря на неблагоприятно сложившуюся в начале войны обстановку, советские воины, проявляя мужество, отвагу и героизм, оказали упорное сопротивление противнику.

В белорусской постсоветской историографии историки активно изучают вопрос подготовки Советский Союза к войне с Германией. Белорусский исследователь А. М. Литвин по этому поводу отмечает, что уже с октября 1939 года началась разработка в СССР военных планов на случай войны с Германией. На сегодняшний день известно пять вариантов плана ведения военных действий против немецкого государства. Летом 1940 года был разработан новый план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на западе и востоке страны в 1940–1941 годы. А. М. Литвин считает, что советское военное руководство склонялось к первой версии плана, согласно которому немецкие армии развернут военные действия севернее р. Сан [1, с. 4].

С весны 1940 года началась подготовка высшего командного состава Красной Армии к войне. А. М. Литвин отмечает, что проводились армейские полевые поездки, где отрабатывались вопросы наступательных операций, но вопросам обороны уделялось мало внимания. Поэтому военное руководство СССР при нападении фашистской Германии не владело навыками оборонительных операций. После назначения в начале 1941 года на должность начальника Генштаба Г. Жукова был пересмотрен план ведения войны с Германией. Весной 1941 года военное руководство Советского Союза отказалось от северного варианта плана. А. М. Литвин делает вывод, что советское руководство, идя на сближение с Германией, исходило из интересов СССР. С начала Второй мировой войны СССР и БССР начали подготовку к войне, но к началу 1941 года не успели полностью подготовиться к ней. Советские армии по уровню боевой подготовки и управления войсками оказались недостаточно подготовленными к началу Великой Отечественной войны [1, с. 11].

Д. А. Мигун по вопросу подготовки СССР и Германии к Великой Отечественной войне делает вывод, что немецкое руководство планировало провести главные операции в начале войны к северу от

Припятских болотах. Одна группа армий должна была пройти через Прибалтику на Ленинград, другая – через Беларусь, чтобы затем выйти к Москве [2, с. 187]. Исследователь отметил, что Германия уже с 1939 года начала активно готовить агентов для внедрения на территорию СССР, в том числе и БССР, куда перебрасывались разведчики для сбора сведений о дислокации частей Красной Армии, о вооружении войск, размещении их штабов, об аэродромах, типах самолетов и пограничных укреплениях, наличии складов горючего и др. После проделанной работы они возвращались в Германию, передавали информацию, и получали новое задание [2, с. 200–201]. Историк акцентирует внимание на том, что в конце 1940 года советскому руководству стало известно о решении Гитлера ускорить подготовку Германии к войне против СССР [2, с. 206]. Начал осуществляться комплекс мероприятий по подготовке СССР к войне с Германией. Огромная работа проводилась в БССР. Укреплялась полоса прикрытия западной границы Беларуси [2, с. 212]. В городах строились бомбоубежища, создавались посты воздушного наблюдения.

Д. А. Мигун также определил причины плохой подготовки СССР к Великой Отечественной войне. Во-первых, решение любого вопроса по проведению подготовительных мероприятий на случай войны затягивалось, так как нужно было одобрение Сталина. Во-вторых, в результате реорганизации вооруженных сил значительная часть боеспособных соединений к началу войны оказалась расформированными. В-третьих, не хватало таких технических средств, как радио, автомобили, механические средства тяги для артиллерии, средства ремонта техники, транспортировки горючего [2, с. 215–216]. Исследователь резюмирует, что заключение советско-германского пакта о ненападении дало возможность СССР выиграть время для укрепления обороноспособности страны, а также препятствовало созданию единого антисоветского фронта. Историк отмечает, что оказалось очень мало времени на мероприятия по укреплению обороны страны. Следует обратить внимание на тот факт, указывает Д. А. Мигун, что на состоянии обороноспособности страны пагубно отразились репрессии, которые были проведены в среде командного состава [2, с. 217]. Ученый констатировал, что Сталин игнорировал предупреждения разведки о готовящемся нападении Германии на СССР. Он считал, что начало войны можно оттянуть. Но германская армия уже зимой 1941 сосредоточила войска у границы Советской Беларуси, поэтому нельзя было этого не заметить [2, с. 222]. От руководства Советского государства по-прежнему не было приказа о мобилизации в армию и о приведении в полную боевую готовность войск в западных приграничных округах [2, с. 225]. Немецкое

правительство предъявило советскому руководству обвинение в проведении антигерманской политики, а также в нарушении договора с Германией и намерении с тыла атаковать Германию, в то время как она борется за свое существование. Поэтому фюрер приказал противостоять этой угрозе всеми средствами. 22 июня 1941 года Германия напала на СССР [2, с. 228].

Современные белорусские историки изучают также планы Германии в отношении Советской Беларуси в начальный период Великой Отечественной войны. А. М. Бабков в этой связи отмечает, что Германия после начала Великой Отечественной войны против СССР отказалась от планов поддержки белорусской государственности. Автор резюмирует, что немецкое руководство использовало Беларусь в качестве объекта в своей литовской и украинской политике. В соответствии с германским планом территориально-административного устройства территории Беларуси Белостокская область, часть районов Брестской и Барановичской областей объединялись в округ «Белосток» и передавались Восточной Пруссии. Южные районы Полесской, Гомельской областей, часть районов Брестской области с городами Брестом, Пинском, Мозырем были включены в рейхкомиссариат «Украина». А. М. Бабков делает вывод, что целью данной немецкой политики было установление общей границы между Восточной Пруссией и Украиной [3, с. 62].

В. Е. Снапковский по данному вопросу констатирует, что генеральный округ «Беларусь» (третья часть территории БССР) был включен в рейхкомиссариат «Остланд» и присоединен к прибалтийским странам. По одной из немецких версий ослабления СССР территорию Беларуси предполагалось расширить на Восток за счет Великодержавии со столицей в Смоленске. В результате чего территория Беларуси приблизилась бы к Москве на 250 км. Но эту идею не поддержал Гитлер. К началу Великой Отечественной войны Гитлер отказался от образования в СССР административных единиц и решил колонизировать захваченные территории, так как рассчитывал на молниеносную войну [4, с. 81–82]. Согласно плану «Ост» на территории Беларуси предполагалось оставить лишь 25 % местного населения, остальные предполагалось переселить на Восток. В. И. Кузьменко обращает внимание на то, что только в первоначальном варианте плана «Ост» немецкие власти намеревались оставить лишь 25 % населения Беларуси, но потом в план были внесены изменения, по которому Беларусь вместе с Крымом, Литвой, Латвией, Эстонией и др. включалась в сферу “тотальной германизации” и “тотального заселения” немецкими колонистами [5, с. 37].

В. Е. Снапковский в своем исследовании также обращается к немецким планам относительно оккупированной территории Беларуси. Он констатирует, что деятельность немецкой администрации в лице В. Кубе была направлена на пропаганду отделения территории Беларуси от России, чтобы дать толчок к возрождению белорусского национального самосознания. Для этого предполагалось возродить белорусскую культуру, просвещение и образование. А также немцами была создана местная администрация, состоящая из белорусских эмигрантов, чтобы улучшить национальную пропаганду среди белорусов. Однако за первый год оккупации Германией территории Беларуси эта политика не принесла серьезных результатов [4, с. 83–84]. В. Е. Снапковский ссылается на то, что руководство Белорусской национальной самопомощи (БНС) в докладной записке А. Розенбергу указало на ошибки немецких властей по отношению к белорусскому народу: «В ней утверждалось, что белорусы – это естественные союзники немецкого народа, которые не могут строить своего сотрудничества с СССР и Россией, ибо там Беларусь была: а) экономически – колонией в полном значении этого слова; б) политически – БССР существовала де-факто только как административная единица неделимой России или СССР; в) в культурном отношении насаждались великорусы и еврейщина с допущением белорусского языка в минимальных размерах, и это для пропаганды за границей». В докладной записке указывалось также, что отдел пропаганды Генерального округа ведет свою работу на русском языке и запрещает белорусский. Руководство БНС предлагало включить в Генеральный комиссариат «Беларусь» все земли, где проживает большинство белорусского населения, а также ликвидировать недостатки в работе немецкой администрации, указанные в докладной записке. Как считает В. Е. Снапковский, немецкая оккупационная администрация реагировала на обращение БНС [4, с. 85]. Еще одним важным аспектом немецкой политики в Беларуси, было намерение ввести латинский шрифт, чтобы отделить белорусов от русских, но этот план не был реализован, так как немецкие лингвисты посчитали эту замену не обоснованной [4, с. 86–87]. В. Е. Снапковский резюмирует, что немецкое руководство стремилось к ослаблению России путем укрепления других национальных республик. В Беларуси немецкая администрация стремилась усилить белорусский национализм, чтобы ослабить русское влияние. К значительным преобразованиям немецкой администрации можно отнести изменение названия страны и народа (Вайсрутения и вайсрутены), введение новой символики, введение повсеместно белорусского языка и запрет русского, создание Белорусской автокефальной православной

церкви, независимой от Московского патриархата. Автор отмечает, что белорусские национальные силы, сотрудничали с оккупантами в надежде на возрождения белорусской государственности [4, с. 88–89].

Г. А. Болсун, изучая оккупационный режим в Советской Беларуси во время войны, отмечает, что с первых дней оккупации территории Беларуси, немецкие власти установили монополию на все средства массовой информации (запрещено было использование радиоприемников, фотоаппаратов, коммунистических книг). Большое внимание немецкие власти уделяли пропаганде освободительной миссии немецкой армии, спасающей страну от советского режима. Они пытались доказать, что советские солдаты защищают не свое Отечество, а интересы советского руководства. Таким образом, немецкое руководство хотело привлечь на свою сторону белорусское население [6, с. 3; 5].

С. Е. Новиков в своем исследовании показывает период немецкой оккупации Беларуси сквозь призму военно-экономического использования природных и людских ресурсов. Историк пишет, что военно-экономическая политика Германии на территории Беларуси была неотъемлемой частью военных, идеологических, политических и экономических планов по завоеванию «жизненного пространства» на востоке Европы за счет советской территории [7, с. 101–102]. К. И. Козак по этому поводу пишет, что немецкие оккупационные органы обогащались за счет белорусских ресурсов. Исследователь также отмечает, что германские оккупационные власти считали себя представителями господствующей расы и планировали увидеть в Беларуси примитивный народ, которым можно легко руководить [8, с. 141]. Близкую точку зрения по данному вопросу высказывает А. В. Беляев, который констатирует, что одной из важнейших целей войны Германии против СССР была экономическая эксплуатация оккупированных территорий. В первую очередь оккупанты запускали предприятия, обеспечивающие сельскохозяйственное производство, а затем снабжение армии вооружением [9, с. 67]. С. Л. Козлова, изучая политику землеустроиста во время оккупации Советской Беларуси, отмечает, что немецкое руководство рассчитывало на молниеносную войну, поэтому главной задачей для него было обеспечение сельско-хозяйственной продукцией рейха и немецкой армии. После изменения ситуации на фронтах немецкие власти сделали аграрную политику частью пропагандистской политики Германии [10, с. 121].

Таким образом, в белорусской постсоветской историографии можно выделить ряд проблем, которые привлекают ее наибольшее внимание. Современные белорусские историки активно изучают планы сторон

накануне Великой Отечественной войны, где показывают, что Германия и СССР готовились к войне. При этом ими выявлены многочисленные факты, свидетельствующие о низком уровне боевой готовности Красной Армии к моменту нападения Германии. В современной белорусской историографии особый акцент делается на изучение политики нацистской Германии, направленной на германизацию и колонизацию территории Беларуси. Главная экономическая цель нападения Германии на Советский Союз состояла в превращении СССР, в частности, БССР, в аграрно-сырьевой придаток, в источник дешевой рабочей силы, во внутреннюю колонию немецкого государства. В планах гитлеровцев по экономическому ограблению захваченных территорий Беларусь рассматривалась как один из важнейших источников снабжения сельскохозяйственной продукцией немецких армий и рейха. Но в экономическом плане они не получили даже минимального количества того, на что рассчитывали, так как вся Беларусь поднялась на борьбу с врагом. В качестве одной из целей германской политики белорусские историки отмечают стремление нацистов оторвать Беларусь от России, чему должна была способствовать демонстрация поддержки оккупационными властями белорусского национального движения. При этом подчеркивается, что данная политика не имела ничего общего с реальным созданием белорусского национального государства.

Источники и литература

1. Літвін, А. М. Напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны: планы, падрыхтоўка, грамадскія настроі / А. М. Літвін // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 6. – С. 3–12.

2. Мигун, Д. А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д. А. Мигун. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2013. – 303 с.

3. Бабков, А. М. Преемственность германских планов и политики в отношении Беларуси в период мировых войн / А. М. Бабков // Гомельщина в 1941 году. Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию начала Великой Отечественной войны. – Гомель : Изд. ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – С. 54–62.

4. Снапковский, В. Е. Особенности немецкой этнополитики в Беларуси (1941–1944) / В. Е. Снапковский // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі – Мінск, МДЛУ. – 2012. – С. 81–89.

5. Кузьменко, В. И. 1941 год в судьбе белорусского народа (к 65-летию со дня начала Великой Отечественной войны) /

В. И. Кузьменко // Гомельщина в 1941 году. Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию начала Великой Отечественной войны. – Гомель : Изд. ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – С. 33–39

6. Болсун, Г. А. Фашистская пропаганда на оккупированной территории Белоруссии (1941–1943) / Г. А. Болсун // Веснік БДУ. – 1997. – № 3. – С. 3–7.

7. Новікаў, С. Я. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: стан і перспектывы даследавання праблемы / С. Я. Новікаў // Матэрыялы круглага стала / рэдкал.: А. А. Каваленя, А. М. Літвін (адк. рэд.), інш. – Мн. : ДНУ Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2005. – С. 101–115.

8. Козак, К. И. Бытовые условия германских военных и гражданских оккупационных органов в Беларуси (1941–1944 гг.) / К. И. Козак // Матэрыялы круглага стала / рэдкал.: А. А. Каваленя, А. М. Літвін (адк. рэд.), інш. – Мн. : ДНУ Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2005. – С. 141–145.

9. Беляев, А. В. Промышленное производство на территории Беларуси в годы оккупации (1941–1944 г.) / А. В. Беляев // Гомельщина в 1941 году. Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию начала Великой Отечественной войны. – Гомель : Изд. ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – С. 67–78.

10. Казлова, С. Л. Палітыка нямецкага землеўпарадкавання ў Заходняй Беларусі ў 1941–1942 гг. / С. Л. Казлова // Матэрыялы круглага стала / рэдкал.: А. А. Каваленя, А. М. Літвін (адк. рэд.), інш. – Мн. : ДНУ Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2005. – С. 116–122.

УДК 94(476) «1920-е» : 352.075. 1

С. А. Елизаров

ГГТУ имени П. О. Сухого, г. Гомель

СССР И ЗАПАДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ: ВРЕМЯ ВЫБОРА

Статья посвящена вопросам национально-государственного строительства советской Беларуси в начале 1920-х гг. Отмечается, что партийно-советское руководство СССР пыталось использовать идею реорганизации административно-территориального деления советских

республик на основе принципов экономического районирования в целях возвращения восточнобелорусских земель в состав республики. В противовес «смоленскому» был разработан «белорусский» вариант, от которого пришлось быстро отказаться в пользу решения территориального вопроса вне рамок областного строительства.

Завершение польско-советской войны и неудача попытки советизации Польши, ход и результаты мирных переговоров в Риге актуализировали вопрос о будущем государственном статусе ССРБ. В 1921 г. Советская Белоруссия была меньше средней российской губернии и существование ее как отдельного государства необходимо было доказывать московскому руководству. В самом же руководстве РСФСР были сильны настроения решить белорусский вопрос в духе известной политики «автономизации», основываясь на господствовавшей в этот период теории экономического районирования советских республик.

Еще в декабре 1919 г. VII съезд Советов РСФСР поручил ВЦИК разработать вопрос о новом административно-хозяйственном делении Советской России с целью перехода от собственно административно-политического деления к делению, основанному на системе объективно существовавших экономических районов [1, с. 221]. Первым шагом стал план ГОЭЛРО, одобренный VIII Всероссийским съездом Советов в декабре 1920 г. В соответствии с ним выделялось 8 экономических районов, которые создавались без учета национально-государственных границ [2, с. 74–75]. Продолжили эту работу 2 комиссии – Комиссия Госплана РСФСР по районированию России и Комиссия ВЦИК по экономическому районированию.

В 1921 г. в Москве начинает обсуждаться вариант образования дополнительно еще одного экономического района – Западной области в составе ССРБ, Смоленской, Витебской и Гомельской губерний. Это предложение было рассмотрено 10 июня 1921 г. на заседании Центрального Бюро (ЦБ) Компартии Белоруссии. К этому времени в руководстве ССРБ определились с необходимостью ставить перед Москвой вопрос о возвращении белорусских земель в состав республики. Как в таких условиях относиться к проекту Западной экономической области? Вероятно, на первых порах партийно-советское руководство ССРБ оказалось в растерянности. Принципиальных возражений против образования Западной области не было, однако возникли разногласия по вопросу о центре новой экономической области – Минск, Смоленск либо Витебск, что было крайне важно с точки зрения сохранения республики и перспектив расширения ее территории на восток. Мнения разделились. Секретарь ЦБ В. Г. Кнорин

вполне приемлемым считал вариант с центром в Смоленске, резко против этого выступил председатель Совета профсоюзов Ш. Ш. Ходош (по его мнению, «если центр не будет в Минске, то мы потеряем власть»). В результате ЦБ КП(б)Б решил вопрос о центре области «оставить открытым». Но уже через месяц в Минске определили свое отношение к будущему центру новой области: на заседании ЦБ КП(б)Б 29 июля 1921 г. по предложению А.Г. Червякова было решено отстаивать Минск в качестве центра новой области [3, л. 72–73, 94].

3 августа 1921 г. ЦБ КП(б)Б постановило направить в Москву делегацию для решения вопроса «немедленной организации Областного объединения» с центром в Минске [3, л. 97]. Воспользовавшись тем, что Москва оставила за ССРБ свободу действий вплоть до существования в качестве отдельной экономической области, белорусское руководство предложило свой, белорусский вариант – создать Западную область как «одну хозяйственно-экономическую область с центром в Минске» в составе ССРБ, Витебской и Гомельской губерний, Мстиславского, Красненского и Поречского уездов Смоленской губернии [4, л. 15].

В белорусском проекте отсутствовали ссылки на этнический фактор единства планируемой Западной области. Вероятно, это было связано с противоречиями в руководстве ССРБ относительно «белорусского вопроса», необходимостью учета экономической детерминированности мышления значительной части московского руководства, а также противоречивостью результатов переписей населения 1897 и 1920 гг. относительно национального состава Гомельской, Витебской и Смоленской губерний. Однако можно утверждать, что целью национал-коммунистической части белорусских руководителей было политическое объединение как можно большей части этнических белорусских территорий в границах Советской Беларуси. Видный белорусский политический деятель того периода, ученый-историк В. М. Игнатовский в 1924 г. оценил эти усилия таким образом: «Постановка ЦБ КП(б)Б вопроса об образовании Западной области, сконцентрированной вокруг столицы Белоруссии Минска, имела важное значение не только с экономической, но и политической стороны. Это были первые шаги по пути образования расширенной Белоруссии, что вызывалось реальными условиями жизни как экономической, так и политической» [5, с. 234].

С этим материалом делегация ССРБ посетила в августе 1921 г. Москву. Несмотря на «определенное понимание» в Госплане РСФСР, делегация нигде открытой поддержки своего проекта не получила, а руководители Наркомата продовольствия и Наркомата труда РСФСР прямо выступили против него [3, л. 114]. Учитывая эти обстоятельства, состоявшийся в октябре 1921 г.

V съезд КП(б)Б (X партконференция) только в самых общих выражениях поддержал идею создания «Западной хозяйственной области», а ее возможный состав определил также неконкретно – «Белоруссия с родственными по хозяйству и социальному укладу губерниями» [6, с. 93].

В начале 1922 г. Комиссия ВЦИК РСФСР подготовила основные тезисы, одобренные Президиумом ВЦИК в апреле 1922 г., которые легли в основу дальнейшей работы по экономическому районированию. Предусматривалось всю территорию советских республик (а не только РСФСР) подразделить на экономические районы, каждый из которых виделся как «экономически законченная территория, которая, благодаря комбинациям природных особенностей, культурных накоплений прошлого и населения с его производственной подготовкой, представляла бы одно из общих звеньев общей цепи народного хозяйства» [7, с. 103]. Таким образом, среди основных при проведении экономического районирования выделялся принцип специализации экономических районов и их кооперации в общегосударственном масштабе.

Разработчикам госплановского плана районирования приходилось считаться с реалиями национально-государственного развития народов бывшей Российской империи. Первоначально проблемы экономического районирования рассматривались без учета национальных моментов. В частности, план ГОЭРЛО строился только на основе экономических принципов. Однако уже Административная комиссия ВЦИК среди базовых признаков при составлении проекта экономического районирования выделила «национальный состав населения» [7, с. 59].

Комиссией ВЦИК и Комиссией Госплана РСФСР уже признавалась необходимость учета национального фактора, но в разной степени. Позиция Госплана отражала популярные в то время идеи «автономизации», причем с выраженным уклоном в сторону «культурно-национальной автономии». Для руководителя госплановской комиссии И. Г. Александрова первостепенное значение имел принцип «целесообразного разделения государства... на основе рационально-экономической, а не на пережитках утраченных суверенных прав» [7, с. 72, 76, 90].

По схеме И. Г. Александрова «малые национальные образования» (Марийская, Вотская и другие национально-административные единицы) должны были войти в состав экономических областей как «самоуправляющиеся подрайоны», более крупные (Туркестан) могли создать особые области, а самые крупные (Украина, Киргизская республика) состояли бы из нескольких областей.

В соответствии с проектом Госплана РСФСР в европейской части планировалась организация 12 экономических областей, в азиатской – 9.

ССРБ вместе с Витебской, Смоленской, Гомельской, Брянской губерниями и некоторыми уездами Псковской, Тверской и Калужской губерний должна была войти в состав Западной области с административным центром в Смоленске [7, с. 104–105, 132–133].

В связи с явной ориентацией Госплана РСФСР на «смоленский вариант» руководство ССРБ с середины 1922 г. главной линией определило политическое расширение территории республики за счет населенных преимущественно белорусами территорий РСФСР – Витебской, Гомельской и части Смоленской губерний, одновременно формально отстаивая свой вариант Западной области. В Москве все больше склонялись к «смоленскому» варианту, который в 1923 г. и был взят за основу. Однако этот вариант вызывал несогласие не только в БССР: руководители Витебской губернии доказывали свое экономическое притяжение к Ленинграду, Брянской – к Москве, Гомельской – отвергали «смоленский» вариант как «надуманный», а «минский» – как «аннексионистский».

С августа 1923 г. в Смоленске начинают проводиться областные совещания по практической организации Западной области. Представители БССР участвовали в их работе весьма редко, да и только в качестве наблюдателей, так как уже летом 1923 г. выявилась реальная возможность значительного расширения территории республики вне проектов экономического районирования. В начале 1924 г. прошло первое возвращение части белорусских земель в состав БССР, что позволило белорусскому руководству заявить и о формальном отказе от участия в работе «смоленских» органов.

В связи с такой позицией ССРБ Госплан РСФСР изменил состав проектируемой Западной области – с 1924 г. упор делался на создании области в составе Смоленской, Брянской и Гомельской губерний. В 1925 – 1926 гг. были предприняты попытки привлечения к работе по созданию Западной области БССР, но они вновь завершились неудачно, т.к. вступили в противоречие со стремлением руководства БССР к дальнейшему расширению территории республики за счет этнически белорусских земель Западной России. В докладной записке Госплана БССР в высшие союзные органы (1926 г.) прямо отмечались: «1) нецелесообразность, как с точки зрения союзного хозяйства, так и с точки зрения экономического и культурно-национального развития БССР, образования проектируемого оргбюро (в Смоленске) Западной области; 2) необходимость включения Гомельской губернии в состав БССР и 3) возможность разрешения, путем присоединения к БССР Гомельской и части Смоленской и Псковской губерний, вопроса о районировании Западной части СССР» [8, с. 118].

В декабре 1926 г. к БССР были присоединены Гомельский и Речицкий уезды Гомельской губернии, а сама губерния ликвидировалась. Это еще более укрепило позиции БССР в ее противостоянии Смоленску, по-прежнему стремившемуся включить в состав Западной области соседнюю республику. Только в 1928–1929 гг., когда экономическое районирование охватило весь СССР, госплановский проект окончательно признал возможность разделить Западный экономический район по национально-политическим мотивам на БССР и Западную область как особые экономические единицы I пятилетнего плана.

Западная область была создана постановлением ВЦИК РСФСР от 14 января 1929 г. в составе Смоленской, Брянской, части Калужской и Тверской губерний, Великолуцкого округа Ленинградской области. Всего же в результате экономического районирования РСФСР была поделена на 13 экономических областей, 7 союзных республик – БССР, УССР, ТуркССР, УзбССР, ГрузССР, АзССР, АрмССР и КазАССР – образовали отдельные экономические области [7, с. 315, 319].

Таким образом, реализация идей и конкретных проектов экономического районирования начала 1920-х гг. для ССРБ-БССР могли иметь два различных последствия. При этом следует учитывать, что новое экономическое районирование предполагалось совместить с полным совпадением границ экономических и административных районов во главе с областными органами административно-хозяйственной власти. В связи с этим реализация «смоленского «варианта» грозила для ССРБ – БССР потерей статуса самостоятельной республики и практически возвращение на положение губерний в дореволюционной России с поправкой на «культурно-национальную» автономию. С другой стороны, реализация белорусского варианта Западной экономической области создавала перспективу значительного расширения территории белорусской республики за счет населенных преимущественно белорусами частей РСФСР. Однако довольно быстро, в середине 1922 г., белорусское партийно-советское руководство поняло, что их проект в Москве поддержки не получит, а руководство РСФСР использует его для поглощения белорусской республики. Был выбран иной путь укрепления белорусской советской государственности – возвращения этнически белорусских земель из состава РСФСР вне проектов организации Западной области, который в итоге и оказался успешным.

Источники и литература

1. История Советской конституции (в документах). 1917–1956 / сост.: А. А. Липатов [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1957. – 1046 с.

2. Алампиев, П. М. Экономическое районирование СССР / П. М. Алампиев. – М. : [б. и.], 1957. – 40 с.

3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 245.

4. НАРБ. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 23/а.

5. Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага ру-ху / пад агул. рэд. А. Сташэўскага, З. Жылуновіча, У. Ігнатоўскага. – Менск : Выд. ЦВК БССР, 1924. – 322 с.

6. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов: в 6 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Минск : Беларусь, 1983–1987. – Т. 1: 1918–1927. – 1983. – 527 с.

7. Вопросы экономического районирования СССР : сб. материалов и ст. (1917–1929 гг.) / под ред. Г. М. Кржижановского. – М. : Госполитиздат, 1957. – 343 с.

8. Савецкае будаўніцтва. – 1926. – № 7.

УДК 94 (476+470) – 053.2 / – 53.6 «193»

М. И. Старовойтов

ГГУ имени Ф. Скорины, г. Гомель

ДЕТИ И ПОДРОСТКИ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе оригинального архивного материала дана возрастная и социальная характеристика детей и подростков белорусско-российского пограничья накануне Второй мировой войны. Автор пришел к выводу, что этот демографический потенциал в последующие военные годы значительно уменьшился. Указаны причины, по которым в годы войны произошли самые большие потери, особенно, среди мужчин старшей возрастной группе 15–19 лет.

В результате форсированной советской модернизации всех сфер жизни общества в демографическом и социальном облике населения БССР и соседних российских приграничных территорий в конце 1930-х годов произошли существенные изменения. Адекватная оценка этих изменений возможна при учете региональных, национальных особенностей. Важное

значение для социальной характеристики населения имеет исследование его возрастного состава, особенно накануне Второй мировой войны. Последующие годы военного лихолетья отложили свой тяжелый отпечаток на все поколения людей. Особо тяжелые испытания выпали на долю детей и подростков в годы Великой Отечественной войны, в период послевоенного восстановления всей жизнедеятельности страны и регионов, особенно бывших под оккупацией. Предвоенные количественные данные о детях и подростках позволяют, на наш взгляд более достоверно, подсчитать реальные потери в военное время среди этой категории населения.

С учетом возможного объема публикации развернутые данные о годовом возрастном составе детей и подростков нами представлен только по двум областям. В эти таблицы включены и молодые люди/юноши и девушки 17–19 лет, т. к. они включены в сводных данных переписи 1939 г. во вторую возрастную группу 10–19 лет. Первую возрастную группу представляли дети 0–9 лет. В современной международной терминологии Фонда Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА) к подросткам отнесены лица в возрасте 10–19 лет (ранний подростковый возраст – 10–14 лет и поздний подростковый возраст – 15–19 лет). Таблицы составлены и проценты подсчитаны автором.

Важное значение для характеристики населения, тем более в предвоенный период, имеет его возрастной состав. Для данного конкретного случая нами представлена в таблицах 1 и 2 информация в годовом разрезе. Как видно из таблицы 1 [2, л. 1] уменьшение численности и доли в составе населения как города, так и деревни, приходится на 4–6-летних детей. Их рождение приходится на 1932–1934 гг. Это годы последствий голодной коллективизации, когда и рождаемость снизилась, и смертность детей до 4 лет была высокой. В Гомельской области гендерный дисбаланс в пользу мальчиков и юношей в возрастной группе 0–9 лет как в городе, так и в деревне был несколько выше, чем в возрастной группе 10–19 лет.

Из таблицы 2 [4, л. 1], видно, что, как и в Гомельской области, более заметным расхождением оказалось в возрастной группе 4–6 лет и в Орловской области. Дисбаланс по гендерному признаку в пользу мужчин был большим в сельской местности, чем в городской в возрастных группах 0–9 и 10–19 лет. Это связано с общей тенденцией, что мальчиков всегда рождается больше, чем девочек. Общая тенденция уменьшения мальчиков в БРП наблюдалась в основном с 15 лет. Устойчивое и более заметное уменьшение мужского населения в сельской местности обеих областей и в БРП начиналось с 18-летнего возраста. Это связано, в первую очередь, с призывом в ряды РККА, отъездом на учебу и работу в города.

Таблица 1 – Возрастной состав детей и подростков Гомельской области в 1939 г. (абс.)

Возраст	Городское население			Сельское население			в % к итогу город			в % к итогу село		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
До 1 года	3 830	3 541	7 371	11 076	10 465	21 541	3,09	2,74	2,91	3,51	3,08	3,29
1	3 504	3 310	6 814	9 211	8 911	18 122	2,83	2,56	2,69	2,92	2,63	2,77
2	2 708	2 524	5 232	9 044	8 954	17 998	2,18	1,95	2,06	2,86	2,64	2,75
3	2 318	2 190	4 508	8 232	8 070	16 302	1,87	1,69	1,78	2,60	2,38	2,49
4	1 724	1 583	3 307	6 965	6 916	13 881	1,39	1,22	1,31	2,21	2,04	2,12
5	1 544	1 478	3 022	6 580	6 527	13 107	1,25	1,14	1,19	2,08	1,92	2,00
6	1 997	1 889	3 886	7 953	7 824	15 777	1,61	1,46	1,53	2,52	2,31	2,41
7	2 115	2 096	4 211	9 388	9 457	18 845	1,71	1,62	1,66	2,97	2,79	2,88
8	2 308	2 452	4 760	9 985	9 874	19 859	1,86	1,89	1,88	3,16	2,91	3,03
9	2 185	2 178	4 363	7 645	7 700	15 345	1,76	1,68	1,72	2,42	2,27	2,34
0–9 лет	24 233	23 241	47 474	86 079	84 698	170 777	19,55	17,96	18,74	27,26	24,96	26,07
10	2 464	2 506	4 970	9 509	9 309	18 818	1,99	1,94	1,96	3,01	2,74	2,87
11	2 644	2 532	5 176	8 863	8 809	17 672	2,13	1,96	2,04	2,81	2,60	2,70
12	2 927	2 953	5 880	10 799	10 493	21 292	2,36	2,28	2,32	3,42	3,09	3,25
13	2 841	2 904	5 745	9 898	9 918	19 816	2,29	2,24	2,27	3,13	2,92	3,03
14	2 712	2 855	5 567	8 812	8 688	17 500	2,19	2,21	2,20	2,79	2,56	2,67
15	2 817	3 117	5 934	7 866	7 818	15 684	2,27	2,41	2,34	2,49	2,30	2,39
16	3 345	3 562	6 907	7 118	7 445	14 563	2,70	2,75	2,73	2,25	2,19	2,22
17	2 916	3 195	6 111	4 849	5 043	9 892	2,35	2,47	2,41	1,54	1,49	1,51
18	3 015	2 945	5 960	4 460	5 140	9 600	2,43	2,28	2,35	1,41	1,51	1,47
19	2 449	2 582	5 031	3 462	4 263	7 725	1,98	1,99	1,98	1,10	1,26	1,18
10–19 лет	28 130	29 151	57 281	75 636	76 926	152 562	22,69	22,53	22,61	23,95	22,67	23,29

Таблица 2 – Возрастной состав детей и подростков Орловской области в 1939 г. (абс.)

Возраст	Городское население			Сельское население			в % к итогу город			в % к итогу село		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	ВСЕГО
До 1 года	10 344	10 012	20 356	53 047	51 600	104 647	3,12	2,77	2,94	4,07	3,36	3,68
1	9 563	9 325	18 888	39 847	39 102	78 949	2,88	2,58	2,73	3,06	2,54	2,78
2	7 572	7 284	14 856	41 982	40 748	82 730	2,28	2,02	2,14	3,23	2,65	2,91
3	5 939	5 786	11 725	36 608	35 794	72 402	1,79	1,60	1,69	2,81	2,33	2,55
4	3 897	3 753	7 650	25 128	25 031	50 159	1,18	1,04	1,10	1,93	1,63	1,77
5	3 917	3 870	7 787	29 525	28 845	58 370	1,18	1,07	1,12	2,27	1,88	2,06
6	5 210	5 191	10 401	35 314	35 374	70 688	1,57	1,44	1,50	2,71	2,30	2,49
7	6 154	5 972	12 126	42 415	42 708	85 123	1,86	1,65	1,75	3,26	2,78	3,00
8	6 779	6 837	13 616	46 830	46 918	93 748	2,04	1,89	1,97	3,60	3,05	3,31
9	6 326	6 200	12 526	37 837	38 727	76 564	1,91	1,72	1,81	2,91	2,52	2,69
0–9 лет	65 701	64 230	129 931	388 533	384 847	773 380	19,82	17,78	18,76	29,84	25,02	27,23
10	7 219	7 464	14 683	45 383	46 086	91 469	2,18	2,07	2,12	3,48	3,00	3,22
11	7 589	7 541	15 130	42 626	43 080	85 706	2,29	2,09	2,18	3,27	2,80	3,02
12	8 655	8 597	17 252	49 167	48 762	97 929	2,61	2,38	2,49	3,78	3,17	3,45
13	8 206	8 501	16 707	44 405	43 594	87 999	2,48	2,35	2,41	3,41	2,84	3,10
14	7 878	8 328	16 206	41 053	40 938	81 991	2,38	2,31	2,34	3,15	2,66	2,89
15	8 643	8 962	17 605	37 517	37 706	75 223	2,61	2,48	2,54	2,88	2,45	2,65
16	10 067	10 190	20 257	34 789	35 011	69 800	3,04	2,82	2,92	2,67	2,28	2,46
17	9 121	8 783	17 904	19 742	20 661	40 403	2,75	2,43	2,58	1,52	1,34	1,42
18	8 074	7 724	15 798	15 987	20 341	36 328	2,44	2,14	2,28	1,23	1,32	1,28
19	6 322	6 248	12 570	13 542	18 758	32 300	1,91	1,73	1,81	1,04	1,22	1,14
10–19 лет	81 774	82 338	164 112	344 211	354 937	699 148	24,67	22,79	23,69	26,43	23,08	24,62

Абсолютное большинство детей и подростков было иждивенцами, о чем свидетельствуют данные, представленные в таблицах 3 [1, л. 12; 2, л. 12; 3, л. 12; 4, л. 13; 5, л. 12] и 4 [1, л. 15; 2, л. 15; 3, л. 15; 4, л. 16; 5, л. 15].

Таблица 3 – Распределение детей и подростков по социальным группам (1939 г. абс.)

Социальные группы	Число лиц по возрастам				Всего в группе
	До 7 лет	8 – 11 лет	12–14 лет	15–19 лет	
Витебская область					
Рабочие	53 468	24 308	19 185	10 022	319 031
Служащие	38 058	12 893	9 082	6 295	186 799
Колхозники	129 024	76 448	59 238	22 318	696 070
Кооп. кустари	4 224	2 434	2 129	1 264	26 532
Некооп. кустари	1 942	1 245	1 020	611	11 474
Единоличники	5 417	4 353	3 749	1 346	38 021
Гомельская область					
Рабочие	42 366	19 976	15 843	7 976	234 629
Служащие	27 513	11 137	8 437	5 604	139 595
Колхозники	88 033	47 966	35 327	11 367	437 918
Кооп. кустари	3 277	1 796	1 584	931	18 781
Некооп. кустари	1 143	775	606	343	7 076
Единоличники	10 980	8 206	6 756	2 195	68 620
Могилевская область					
Рабочие	49 563	21 860	17 169	9 435	273 434
Служащие	38 197	14 366	10 117	6 671	180 563
Колхозники	166 363	91 500	68 939	27 994	816 563
Кооп. кустари	4 859	2 691	2 279	1 409	28 437
Некооп. кустари	2 557	1 530	1 343	747	14 187
Единоличники	14 060	10 512	9 010	3 265	84 524
Орловская область					
Рабочие	154 249	77 080	59 004	28 590	780 482
Служащие	88 120	40 647	30 565	19 475	441 823
Колхозники	436 618	262 711	189 682	65 177	2 142 687
Кооп. кустари	8 295	4 801	4 142	2 331	51 019
Некооп. кустари	4 757	3 044	2 473	1 323	26 367
Единоличники	12 169	9 466	8 092	3 001	83 020
Смоленская область					
Рабочие	95 326	49 983	40 704	21 109	640 066
Служащие	67 789	29 858	22 795	16 545	343 475
Колхозники	308 979	197 477	157 402	57 755	1 680 898
Кооп. кустари	5 606	3 357	2 985	1 817	35 527
Некооп. кустари	2 645	1 767	1 516	836	18 204
Единоличники	8 007	6 564	5 877	2 294	60 570

Дети школьного возраста в абсолютном большинстве обучались в школе. Это результат целенаправленной государственной политики, в результате которой осуществлялся охват детей всеобучем.

Таблица 4 – Социальный состав детей и подростков в населении с семьями в 1939 г. (%)

Социальные группы	Доля лиц по возрастам				Всего к итогу
	До 7 лет	8 – 11 лет	12–14 лет	15–19 лет	
Витебская область					
Рабочие	16,76	7,62	6,01	3,14	33,53
Служащие	20,37	6,90	4,86	3,37	35,50
Колхозники	18,54	10,98	8,51	3,21	41,24
Кооп. кустари	15,92	9,17	8,02	4,76	37,87
Некооп. кустари	16,93	10,85	8,89	5,33	42,00
Единоличники	14,25	11,45	9,86	3,54	39,10
Гомельская область					
Рабочие	18,06	8,51	6,75	3,40	36,72
Служащие	19,71	7,98	6,04	4,01	37,74
Колхозники	20,10	10,95	8,07	2,60	41,72
Кооп. кустари	17,45	9,56	8,43	4,96	40,40
Некооп. кустари	16,15	10,95	8,56	4,85	40,51
Единоличники	16,00	11,96	9,85	3,20	41,01
Могилевская область					
Рабочие	18,13	7,99	6,28	3,45	35,85
Служащие	21,15	7,96	5,60	3,69	38,40
Колхозники	20,37	11,21	8,44	3,43	43,45
Кооп. кустари	17,09	9,46	8,01	4,95	39,51
Некооп. кустари	18,02	10,78	9,47	5,27	43,53
Единоличники	16,63	12,44	10,66	3,86	43,59
Орловская область					
Рабочие	19,76	9,88	7,56	3,66	40,86
Служащие	19,94	9,20	6,92	4,41	40,47
Колхозники	20,38	12,26	8,85	3,04	44,53
Кооп. кустари	16,26	9,41	8,12	4,57	38,36
Некооп. кустари	18,04	11,54	9,38	5,02	43,98
Единоличники	14,66	11,40	9,75	3,61	39,42
Смоленская область					
Рабочие	14,89	7,81	6,36	3,30	32,36
Служащие	19,74	8,69	6,64	4,82	39,89
Колхозники	18,38	11,75	9,36	3,44	42,93
Кооп. кустари	15,78	9,45	8,40	5,11	38,74
Некооп. кустари	14,53	9,71	8,33	4,59	37,16
Единоличники	13,22	10,84	9,70	3,79	37,55

Сравнивая третью и четвертую таблицы, мы видим, что абсолютное большинство детей и подростков проживало в семьях колхозников. Затем шли рабочие, служащие, единоличники и кустари. Это и отражение социального состава всего населения, степени урбанизации белорусско-русского пограничного региона.

Незначительная часть детей, по многим причинам, вынуждена была трудиться с раннего детства, т. е. заниматься не просто домашней работой, а непосредственно трудовой деятельностью. В основном это были дети колхозников и единоличников. Как видно из таблицы 5 [1, л. 13–14; 2, л. 13–14; 4, л. 14–15; 5, л. 13–14], ранняя трудовая социализация для детей в основном 12–14-летнего возраста характерна для всех общественных групп.

Таблица – 5 Возрастной состав детей и подростков в общественных группах

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ГРУППЫ	Пол, ВОЗРАСТ	ВИТЕБСКАЯ ОБЛАСТЬ			ГОМЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ		
		8–11	12–14	15–19	8–11	12–14	15–19
РАБОЧИЕ	МУЖ.	0,0	0,3	10,2	0,0	0,3	10,2
	ЖЕН.	0,0	0,9	17,4	0,0	1,0	16,7
СЛУЖАЩИЕ	МУЖ.		0,1	6,0		0,1	4,6
	ЖЕН.		0,1	17,7		0,1	17,5
КОЛХОЗНИКИ	МУЖ.	0,0	1,9	13,2	0,1	2,1	11,9
	ЖЕН.	0,0	1,4	11,1	0,0	2,1	12,7
КООПЕРИРОВАННЫЕ КУСТАРИ	МУЖ.		0,6	11,3		0,5	11,1
	ЖЕН.		0,5	14,6		0,6	16,4
НЕКООПЕРИРОВАН. КУСТАРИ	МУЖ.		0,3	2,5	0,0	0,3	3,1
	ЖЕН.		0,1	4,5		0,3	4,1
КРЕСТЬЯНЕ-ЕДИНОЛИЧНИКИ	МУЖ.	0,1	1,8	8,6	0,1	2,0	11,8
	ЖЕН.	0,1	1,7	8,5		2,2	11,3
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ГРУППЫ	Пол, ВОЗРАСТ	ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ			СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ		
		8–11	12–14	15–19	8–11	12–14	15–19
РАБОЧИЕ	МУЖ.	0,0	0,3	11,2	0,0	0,3	10,7
	ЖЕН.	0,0	0,7	16,4	0,0	0,8	15,5
СЛУЖАЩИЕ	МУЖ.		0,0	5,2		0,1	6,8
	ЖЕН.		0,1	16,4		0,1	17,7
КОЛХОЗНИКИ	МУЖ.	0,0	1,5	13,2	0,0	1,3	12,6
	ЖЕН.	0,0	1,4	12,7	0,0	1,0	10,5
КООПЕРИРОВАННЫЕ КУСТАРИ	МУЖ.		0,5	9,8		0,6	11,7
	ЖЕН.		0,5	11,6		0,4	16,8
НЕКООПЕРИРОВАН. КУСТАРИ	МУЖ.		0,2	3,1		0,2	3,4
	ЖЕН.		0,4	6,3		0,3	6,7
КРЕСТЬЯНЕ-ЕДИНОЛИЧНИКИ	МУЖ.	0,0	1,3	10,3	0,1	1,0	9,2
	ЖЕН.	0,0	0,9	8,5	0,0	0,7	6,8

Наибольшая доля детей, занятых трудовой деятельностью, была у колхозников и единоличников. По последним, особенно в областях БССР. Это связано с тем, что самые высокие показатели численности единоличников были в белорусских областях. Их относительная численность в составе населения была сомой высокой не только по сравнению с соседними областями РСФСР, но в целом по СССР, если сравнивать показатели по союзным республикам, о чем автор уже писал [См. подробнее 6]. Ранней трудовой деятельностью было занято около 2 % детей в возрасте 8–14 лет (в основном 12–14 лет). Сельским детям чаще других приходилось работать с раннего детства, бросать школу.

В связи с тем, что среди некооперированных кустарей и крестьян-единоличников преобладали лица старших возрастов, доля детей и подростков (12–19 лет), имеющих занятия в этих секторах, была несколько ниже по сравнению с другими секторами. Это, на наш взгляд, свидетельство трудовая деятельность кустарей и единоличников становилась менее престижной.

Из представленных данных мы видим, что дети, подростки, юноши и девушки до 19 лет в составе всего населения белорусско-российского пограничья в 1939 г. представляли огромный демографический потенциал. Эта часть населения понесла значительные потери в годы Великой Отечественной войны. Во-первых, перед войной и в начале войны призывались в армию юноши 1920–1922 годов рождения, т. е. возрастной группы 17–19 лет. В конце войны призывали в РККА лиц 1925–1926 гг. рождения, а эта возрастная группа 13–14 лет в 1939 г. Во-вторых, практически вся подростковая группа 10–19 лет оказалась в тяжелейших испытаниях военного времени. Часть из них боролась в партизанских отрядах и подполье в белорусско-российском пограничье, часть была угнана на работу в Германию, некоторая часть оказалась на службе оккупантов. В-третьих, потери понесла и возрастная группа 0–9 лет. Дети умирали от голода и болезней во время оккупации, гибли в ходе карательных акций. Необходимо, конечно, учитывать и миграцию за пределы своих областей в годы войны, в первое послевоенное десятилетие, естественную убыль.

Источники и литература

1. Витебская область / Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. – 1562. – Оп. 336. – Д. 547.
2. Гомельская область / РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 548.
3. Могилевская область / РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 551.

4. Орловская область / РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 489.

5. Смоленская область / РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 497.

6. Старовойтов, М. И. Кустари и крестьяне-единоличники БРУП в конце 1930-х годов (социокультурный аспект) / М. И. Старовойтов // Известия Гомельского госуниверситета имени Ф. Скорины. – 2011. – № 5. – С. 112–121.

УДК 94(4)“654”

А. П. Сальков

БГУ, г. Минск

ФАШИСТСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ ГРЕЦИИ В БАЛКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ СССР (ОКТАБРЬ 1940 – ИЮНЬ 1941 ГОДА)

Греческий вектор событий на фоне превращения Балкан в начальный период Второй мировой войны в кризисный регион стал важным фактором международной политики. Дипломатические поражения СССР 1940 г. на балканском направлении расширили возможности государств фашистской оси, что привело к их агрессии против Греции и Югославии, создав стратегический перевес на юге Европы.

Важным геополитическим аспектом начального периода Второй мировой войны явилась схватка великих держав за влияние на Балканах. Захват Италией Албании еще в апреле 1939 г. создал Риму плацдарм для балканской экспансии. Бурные события лета 1940 г. – присоединение к СССР Бессарабии и Северной Буковины (28 июня – 3 июля); германо-итальянский Второй Венский арбитраж 30 августа, присудивший Венгрии часть румынской Трансильвании; болгаро-румынские переговоры, завершившиеся Крайовским соглашением 7 сентября о передаче Болгарии Южной Добруджи – отразили диспозицию основных центров силы на северных подступах к Балканам. Советская балканская политика, кроме тактического бессарабского успеха, не была успешной – в июне сорвалось советско-итало-германское соглашение по проблемам Балкано-Дунайского бассейна, решения о Северной Трансильвании и Южной Добрудже были приняты без влияния Москвы, схватка за Болгарию (визит В. М. Молотова в Берлин 12–13 ноября, Соболевская акция 25 ноября)

была проиграна Берлину [1, с. 196–202, 508–515]. В этих условиях греческий вектор стал особо важным.

К октябрю 1940 г. итало-греческие отношения осложнились. Итальянская пресса писала о необходимости передачи в руки Албании (где находилось 125 тыс. итальянских войск) частей греческого Южного Эпира [2, с. 161]. Германия 10 октября ввела войска в Румынию, разместив их на нефтепромыслах, но не уведомила Рим. Возмущенный этим Б. Муссолини заявил: «На этот раз я намерен отплатить ему [Гитлеру. – А. С.] его же монетой. Он узнает из газет, что я оккупировал Грецию» [3, с. 342]. Интересно, что немецкий посол в Румынии (в 1944 г.) Карл Клодиус на допросах в советском плену почти текстуально подтвердил хлесткую фразу дуче о газетах: «Гитлер узнал об этом [нападении на Грецию. – А.С.] из специального выпуска газеты на вокзале в Болонье, когда он направлялся к Муссолини во Флоренцию» [4, с. 257]. Москва хорошо понимала возможности Италии для давления на Афины. Полпред СССР в Греции и Албании Н.И. Шаронов еще в марте 1938 г. сообщал в центр, что Додеканезы с их морскими базами и Адриатическое побережье Италии «являются тисками, зажавшими Грецию с двух сторон и держащими ее в страхе» [5, л. 48].

28 октября 1940 г. в 3 часа утра итальянский посланник в Афинах Эммануэле Грацци вручил генералу Иоаннису Метаксасу, главе «режима 4 августа» (установленная в 1936 г. в Греции авторитарная диктатура) трехчасовой ультиматум. Министр иностранных дел Италии Галеаццо Чиано так оценил его характер: «Само собой разумеется, что это – документ, не дающий Греции выхода. Она либо согласится на оккупацию, либо подвергнется нападению». По словам Грацци, «Метаксас, приняв наш ультиматум в одной сорочке и в халате, был готов уступить. Он стал неуступчив лишь после беседы с королем и после вмешательства английского посланника». Не выжидая трех часов, итальянские войска численностью 87 тыс. штыков вторглись в Грецию. Чиано записал в дневнике: «Дипломатическая реакция на Балканах пока что ограничена. Никто не пошевелился, чтобы защитить греков» [3, с. 346–347]. Есть другое мнение: «Ни у кого из историков не вызывает сомнения, что Метаксас отказался принять условия ультиматума сразу, без малейших колебаний, не обсуждая этот вопрос ни с кем из других высших должностных лиц государства». [6, с. 111]. В военной кампании принял участие 12-тысячный албанский контингент.

После начала Итало-греческой войны (28 октября 1940 – 6 апреля 1941 г.), в день 7 ноября, Чиано впервые посетил прием в посольстве СССР, что «вызвало огромную сенсацию в дипломатических кругах»

[3, с. 350]. Вскоре греческие войска перешли в контрнаступление с боями уже на территории Албании. Для Афин замаячила «Мегали Идэа» с присоединением Северного Эпира, о чем говорили действия Греции, где насаждалась концепция «Третьей эллинской цивилизации» [2, с. 150–151, 163–164]. Германии предстояло помочь своему союзнику. Переворот 27 марта 1941 г. в Югославии ускорил развитие событий. 6 апреля Германия напала не только на Грецию, но и на Югославию.

Греческая операция вермахта (6–30 апреля 1941 г.) через Болгарию открыла второй фронт против греков, чьи войска отступили из Албании. Так закончилась продолжавшаяся против Греции более семи месяцев кампания Италии и три недели – Германии. С оккупацией Греции и Югославии страны «оси» завершили целую полосу захватов в Европе. Капитулировавшая Греция (акт подписывался трижды – 20, 21 и 23 апреля ради амбиций Муссолини) была поделена на оккупационные зоны. Под власть итальянского наместника в Албании перешли Чамерия (Южный Эпир), часть Косово и Метохии, Западная Македония, части Черногории. Мечты албанских националистов, зревшие с конца XIX в., весьма прихотливым образом, но претворились в жизнь.

С начала 1941 г. СССР и Германия вступили в открытую политическую борьбу за Болгарию. Берлин обещал ей возврат Западной Фракии, утраченной в 1923 г. в пользу Греции. Заявление ТАСС 13 января 1941 г. по болгарским делам выдавало очевидный факт – Москва утратила позиции в этой стране и не влияла на события. Ближневосточный отдел НКВД подготовил постфактум две справки – «О Фракии» и «О взаимных территориальных претензиях балканских государств» [7, л. 4]. Советская дипломатия по инерции говорила, что Москве понятно желание Болгарии получить выход в Эгейское море [8, с. 402–403].

После ряда проволок София под натиском Берлина присоединилась 1 марта 1941 г. к Тройственному пакту, поставив условие, что ее армия не будет принимать участия в военных действиях, а партнеры по пакту поддержат ее стремление мирно получить участок эгейского побережья [9, с. 24–25, 28–29, 35]. 1–2 марта 680-тысячная армия фельдмаршала Вильгельма Листа вступила в Болгарию. Население восприняло это как реализацию идеала национального объединения, и встретило немецкие войска цветами и хлебом-солью.

6 апреля 1941 г. вермахт начал агрессию против Греции и Югославии. Уже 8 апреля София получила предложение Гитлера начать оккупацию Македонии и Западной Фракии с установлением там своей администрации. Царь с согласился, но отверг фразу «оккупация» в пользу формулировки «сохранение порядка и спокойствия на занятых

германцами территориях». 24 апреля скромная фигура в МИД Германии заместитель начальника торгово-политического отдела Карл Клодиус и глава болгарского МИД Иван Попов подписали соглашение. «Договор Клодиус-Попов» подчеркивал временный характер болгарской власти в ее новых землях, они не подлежали инкорпорации в состав царства, а определение их статуса откладывалось до окончания войны [10, с. 263]. Болгарские войска еще до капитуляции Греции начали вторжение (19 апреля – 9 мая). 23 апреля (в день капитуляции) Греция разорвала отношения с Софией [11, л. 11]. Болгары заняли район Западной Фракии, с запада ограниченный руслом р. Струмы, а с востока – линией Свиленград (*тур.* Мустафа-паша) – Кёпрюлю (*греч.* Велес) – Дедеагач. В Болгарии отвергается положение греческой историографии о болгарской оккупации региона и используется дефиниция «военно-политическое присутствие», трактуемое как право на ввод своих войск [12, с. 38–94].

В немецкую зону вошли стратегические районы – Салоники, часть Эгейского побережья и часть Западной Фракии вдоль турецкой границы. Болгария взяла под контроль Восточную Македонию и Западную Фракию, создав 23 мая Беломорскую область. Управляющим стал Илия Кожухаров, старавшийся унифицировать положение в области [13, с. 357]. Междуречье Струмы и Месты определялось как зона для расселения болгар. Греки из всех новых болгарских провинций переселяли в Старую Грецию [14, л. 22].

В северо-восточном углу Западной Фракии существовала с апреля 1941 г. по ноябрь 1944 г. демилитаризованная буферная зона (*болг.* Димотишка зона) вдоль греко-турецкой границы по р. Марице шириной в несколько километров. Здесь была сформирована «Марицкая префектура» с греческой администрацией под германским контролем [13, с. 355]. В болгарском обиходе имеется мнение о том, эта зона предназначалась Турции на случай ее присоединения к «оси».

Статистика захваченного «Беломорья», которое сравнивалось с хорватской Далмацией и итальянской Ривьерой, была приведена в статье «Болгарское "Белое море" в немецкой газете «Münchener Neueste Nachrichten» («Мюнхенские последние новости») за 25 сентября: Западная Фракия (между Марицей и Местой) занимала площадь 8 712 кв. км, Эгейская Македония (между Местой и Струмой) – 6 565 кв. км, эгейские острова Тасос и Самотраки – 565 кв. км. Итого 15 842 кв. км при общей численности разноплеменного населения свыше 600 тыс. человек [15, с. 196–197]. В современной болгарской историографии утвердилась цифра 14 168 кв. км [10, с. 264]. Причем сам характер болгарской власти

(вопреки положениям «договора Клодиус-Попов») оценивается как национальное объединение страны. Болгарское управление в Беломорье подается фактически как вполне стационарное [16, с. 59–75].

Отметим неразбериху в Москве касательно характера «Апрельской войны». Глава Коминтерна Г. Димитров и секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов 9 апреля решили не выступать с коминтерновским первомайским воззванием: «Делать подробный анализ – значит в некоторой степени раскрывать свои карты, дать повод для неблагоприятного использования врагам» [17, с. 107]. Вместо него были разработаны Директивы компартиям капстран о проведении 1 мая [18, с. 254–256]. 12 апреля за разъяснениями о характере войны обратилась редактор журнала «Коммунистический Интернационал» К. А. Самуйлович. Все это побудило Димитрова обсудить 18 апреля проблему с И.В. Сталиным. Он согласился считать войну Греции и Югославии против Германии справедливой, но являющейся частью мировой империалистической войны. Руководители болгарских коммунистов также запрашивала 4 мая совет об отношении к «освобождению» Фракии и Македонии [19, с. 524–525; 17, с. 110–111]. Однако неясность все равно оставалась, так как Москва избегала открыто и четко декларировать свою позицию. Берлин же, кроме дипломатического, провел и историко-документальное обоснование «Апрельской войны». МИД Германии издал сборник документов, в числе которых было 102 документа, касающихся захвата Югославии и 42 – Греции [20, л. 139–171].

Общественная эйфория в Болгарии по поводу национального объединения не позволяла осознать, что оно отчасти было фиктивным, так как болгарские войска и власти на присоединенных землях подчинялись германскому командованию. Советский посол в Софии А. А. Лаврищев направил в центр записку «Экономическое положение в Болгарии» от 30 сентября 1941 г. Комментируя оценки болгарской печати об экономическом значении в будущем полученных из немецких рук земель он сделал вывод: не известно «как будет выглядеть будущее», а в настоящий момент эти присоединения играют «скорее отрицательную роль в экономической жизни Болгарии» [7, л. 92–95].

Пресса стран «оси» отозвалась позитивными комментариями на выход Болгарии к Эгейскому морю. «DeutscheAllgemeineZeitung» отметила, что Фракия, старая болгарская земля, снова в руках Болгарии – «на этот раз окончательно» (12 мая); писала о лихорадочной подготовке в Болгарии к легализации присоединений (14 мая). «Salzburger Landes Zeitung» сделала вывод, что Македония является особой областью

с болгарским характером населения (20 апреля). Будапештская «PesterLloyd» говорила о 330-тысячном болгарском населении на присоединенных греческих областях (23 апреля). Венская «Neues Wiener Tagblatt» писала о славянском большинстве в Македонии, которое чувствует себя болгарским (25 апреля). Римский «Corriere della Sera» вопрошал, как Болгария могла «столь долго быть полностью отрезанной от Белого моря» (27 апреля). Берлинская «DasReich» считала, что сильная Болгария будет «гарантом европеизации Балкан» (15 июня). Загребский «Нови лист» поддерживал болгарский захват Македонии (15 июля). Германское телеграфное агентство цитировало Б. Муссолини, заявившего, что Западная Фракия – «бессмысленный и вредный коридор, который мешал Болгарии достичь Белого моря» (23 июля 1941 г.) [15, с. 169–172, 176–177, 181–186].

Германия принимала меры по включению Турции в фарватер своей политики. По сведениям НКГБ СССР из Берлина от 28 апреля 1941 г. немцы обещали Турции часть Западной Фракии и другие территории, которые возможно включали и районы советского Закавказья [21, с. 128]. Советскому полпредству в Румынии стали известны настроения турецкой миссии: боязнь, что немцы могут в два дня захватить Проливы, так как «Фракию [Восточную. – А.С.] туркам не удержать». В начале июня в Анкаре получили хождение слухи о том, что во время берлинских бесед В.М. Молотов требовал военных баз в Проливах и передачи Болгарии части турецкой Фракии. В этом выразилась попытка найти оправдание сближению с Германией [8, с. 615, 747–749]. 18 июня 1941 г. Турция подписала Договор о территориальной неприкосновенности и дружбе с Германией. Примечательно, что в первой половине июня в болгарской провинциальной прессе («Черно море», «Народна борба», «Вечерня бургаскапоща») распространялись идеи о намерении СССР выйти через Персидский залив в Индийский океан, отчего вопрос о Дарданеллах утратил бы свою болезненную актуальность [7, л. 170–172].

Источники и литература

1. Сальков, А. П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.) / А. П. Сальков. – Минск : БГУ, 2019. – 743 с.
2. Улунян, А. А. Политическая история современной Греции. Конец XVIII – 90-е гг. XX в. / А. А. Улунян. – М. : ИВИ РАН, 1998. – 331 с.
3. Чиано Галеаццо. Дневник фашиста, 1939–1943. / Г. Чиано. – М. : Плацъ. 2010. – 672 с.

4. Тайны дипломатии Третьего рейха. Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и политические атташе в советском плену. Документы из следственных дел, 1944–1955. – М. : МФД, 2011. – 880 с.

5. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). – Ф. 05. – Оп. 18. – П. 142. – Д. 62.

6. Квашнин, Ю. Д. Греция в международных отношениях (1936–1941). / Ю. Д. Квашнин. – М. : изд-во МГУ : Греческий культурный центр, 2011. – 216 с.

7. АВПРФ. – Ф. 74. – Оп. 23. – П. 12. – Д. 10.

8. Документы внешней политики : в 24 т. – М. : Междунар. отношения, 1998. – Т. 23, кн. 2: 1940 – 22 июня 1941. – 892 с.

9. България своенравният съюзник на Третия райх. Сб. док. – София : изд. «Св. Георги Победоносец», 1992. – 362 с.

10. Филчев, И. Тракий ският въпрос и тракийското движение в България / И. Филчев. – София : акад. изд. «Проф. Марин Дринов», 2007. – 363 с.

11. АВПРФ. – Ф. 74. – Оп. 25. – П. 14. – Д. 8.

12. Йончев, Д. България и Беломорието (октомври 1940 – 9 септември 1944 г.) / Д. Йончев. – Военнополитически аспекти. – София : Дирум, 1993. – 200 с.

13. Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи. 1878–1944 : в 4 т. – София : Македонски научен институт, 1994–2003. – Т. 4: 1919–1944. 2003. – 478 с.

14. АВПРФ. – Ф. 74. – Оп. 23. – П. 12. – Д. 8.

15. Райчевски, С. Българите в световните хроники 1939–1943 / С. Райчевски. – София : Българскибестселър, 2003. – 332 с.

16. Стоянова, В. Беломорието под българското управление през Втората световна война / В. Стоянова // Национално то обединение на България 1940–1944 г. : сборник доклади от националната научна конференция в Благоевград, 14–15 април. 2011 г. – София : Македонски научен институт, 2012. – С. 59–75.

17. Димитров, Г. Дневник, март 1933 – февруари 1949. Избрано / Г. Димитров. – София : «Изток-Запад», 2003. – 509 с.

18. Димитров и Сталин (1934–1943): писма от съветските архиви. – София : Прозорец, 2003. – 365 с.

19. Коминтерн и Вторая мировая война. [Документы] : в 2 ч. – М. : Памятники историч. мысли, 1994–1998. – Ч. 1: до 22 июня 1941 г. 1994. – 554 с.

20. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-9401. – Оп. – 2. – Д. 141.

21. 1941 год. [Документы] : в 2 кн. – М. : МФД, 1998. – Кн. 2. – 752 с.

УДК 947.53(476):093

П. Л. Жданович

*секретариат Палаты представителей Национального
Собрания Республики Беларусь, г. Минск*

ГОМЕЛЬСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЛЕТОМ 1941 ГОДА (ПО ДАННЫМ НЕМЕЦКИХ ИСТОЧНИКОВ)

Статья посвящена анализу хода боевых действий на гомельском направлении летом 1941 г. С привлечением ряда источников немецкого происхождения в ней охарактеризованы важнейшие решения командования вермахта, касающиеся ведения боевых действий на территории Юго-Восточной Беларуси. Показана роль оборонительных боёв Красной армии на гомельском направлении в срыве немецких планов безостановочного наступления на Москву.

В последние годы выявляется и вводится в научный оборот большой массив документов периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Это позволяет исследователям осуществить объективизацию многих военных событий и по-новому, более точно отразить страницы небывалых в истории сражений на советско-германском фронте. Особый интерес представляет наиболее трагический для советской стороны период – лето 1941 года. По известным причинам многие события не имеют достаточно полного документального отражения. А те, кто оставили после себя авторские записи, весьма скудно и неохотно отражают неудачи 1941 года. И это имеет свои обоснования.

Во многом военная историография, советского и постсоветского периодов, основывалась на оценках и взглядах, сложившихся в послевоенные годы, когда писалась история Великой Отечественной войны. Были живы прославленные военачальники, во главе государства стояло политическое руководство, которое обеспечило победу 1945 года, народ ликовал, документы открывались в основном те, которые отражали логику победителей и подтверждали обоснованность их решений и действий.

Немецкая же сторона долгое время пребывала в состоянии исследовательского молчания. Архивы фашистской Германии находились в разрозненном состоянии, многое было уничтожено, собрано и вывезено союзниками по антигитлеровской коалиции в свои страны. Спустя десятилетия после начала войны появляется все больше возможностей для сопоставления оценок участников тех событий на основе документальных свидетельств. Это касается и 1941 года. Нас особо интересуют события, которые происходили на гомельском направлении.

В отечественной историографии значение ожесточенных боев на юго-востоке Беларуси отмечается весьма скупо. В основном констатируются и описываются боевые действия, которые включаются в контекст Смоленского сражения и даже Киевской оборонительной операции. Хотя последнее происходило уже после боев на Гомельщине и стало во многом следствием переброски крупных сил немцев под Гомель с Московского направления. Объективный исторический анализ требует новых оценок значения противостояния советских и немецких вооруженных сил на гомельском направлении до самого первого изменения стратегического плана «Барбаросса» войны Германии против Советского Союза.

Для этого есть несколько причин:

- недооценка немецким командованием при разработке плана нападения на Советский Союз «Барбаросса» территории Полесья (основная его часть находилась в Беларуси). По мнению разработчиков плана – это была лесисто-болотистая местность с неразвитой сетью плохих дорог и непригодной для ведения современных военных действий;

- летом 1941 года был создан второй эшелон советской обороны с привлечением относительно свежих резервов по реке Днепр и Полесскому региону. Здесь в центре событий оказалась гомельское направление, куда устремились разбитые и неукомплектованные личным составом и техникой, отступающие части Красной армии. Тем более, что этот район находился в стороне от главного немецкого удара на Москву;

- из-за сильного сопротивления советских регулярных частей на Гомельском направлении произошло замедление темпа немецкого наступления;

- в ходе Смоленского сражения на его южном фланге образовался совершенно особый гомельский участок, выступающий на 100–120 км в западном направлении, что привело к обоснованной возможности южного флангового удара в тыл немецкой группы армий «Центр»;

- советское командование в сложившейся обстановке приняло решение об образовании нового – Центрального фронта со штабом в городе Гомель под командованием генерал-лейтенанта Ф. И. Кузнецова.

Целью данной статьи является отражение событий на Гомельском направлении летом 1941 года на основе немецких документов, опубликованных, а также выявленных нами в архиве.

Немцы предавали исключительное значение наступлению по линии Бобруйск – Рогачев. Уже на седьмой день войны Франц Гальдер подчеркивал, что Гудериан имеет возможность стремительным броском переправиться через Днепр у Могилева или Рогачева. «Это было бы решающим успехом» [1, с. 49]. Овладение в этом районе переправами через Днепр открывало бы дорогу на Смоленск и Москву [1, с. 52]. Но Гудериану это не удалось осуществить сходу, а только на тринадцатый день. 4 июля Гальдер делает явно ошибочный вывод: «В целом следует считать, что противник больше не располагает достаточными силами для серьезной обороны своего нового рубежа...». В том числе по Днепру и далее на юг [1, с. 82]. Однако, уже 5 июля он делает запись в своем дневнике: «... правое крыло танковой группы Гудериана удержало плацдарм в районе Рогачева» [1, с. 85]. 6 июля: «Вторая танковая группа ведет на правом фланге бои, противник оказывает сильное сопротивление, одновременно продолжаются контратаки от Гомеля...» [1, с. 96]. 8 июля Гитлер ставит задачу, в том числе и для «шустрого Гейнца», окружения Москвы. Необходимо отметить, что на юг была повернута вторая полевая армия фон Вейхса, передовые отряды которой 9 июля вошли в соприкосновение с частями 2-ой танковой группы. [1, с. 109]. 10 июля в состав 2 т. гр. прибыла 1-я кавалерийская дивизия, которая потом участвовала в боях под Гомелем. Ф. Гальдер в своем дневнике не дает комментария этому решению. Но очевидно, сил у Гудериана не хватало для быстрого решения Рогачевской проблемы. Тем более немцы с большим опозданием обнаружили в районе реки Сож оборонительные позиции войск Красной армии, в том числе большое скопление воинских железнодорожных составов в районе Гомеля [1, с. 124].

До середины июля 1941 года Гитлер ставил задачу быстрейшего наступления на Москву и Ленинград, как это следует из военного дневника Верховного командования вермахта [2, с. 268–272]. Однако в директиве № 33 «Дальнейшее ведение войны на Востоке» впервые отмечается проблема более тесного взаимодействия южного фланга группы армий «Центр» и северного фланга группы армий «Юг». Речь идет о юго-восточном регионе Беларуси – территории Гомельской, Полесской и части Могилевской областей. В частности, в директиве отмечается: «Одновременно с поворотом пехотных дивизий группы армий «Центр» в сражение вступают новые, прежде всего подвижные силы, после того, как они выполнят стоящие перед ними задачи, и после того, как будет

обеспечено их снабжение, а также прикрытие с Московского направления. Эти силы будут иметь задачей не допустить дальнейшего отхода на восток русских частей, переправившихся на восточный берег реки Днепр, и уничтожить их» [2, с. 274].

Напомним, что 13 июля войска 21-ой армии Западного фронта нанесли контрудар по правофланговым соединениям группы армий «Центр», при этом освободив города Жлобин и Рогачев и продвинулись на 25–30 км на бобруйском направлении. Для этого периода войны это был беспрецедентный пример контрнаступления красноармейских частей со всеми вытекающими последствиями – взятие немецких военнопленных, шок для германского командования, изменением ситуации на локальном участке фронта главного удара немецкой армии. Г. Гудериан отмечает: «13 июля начались ожесточенные контратаки русских. С направления Гомель на правый фланг танковой группы наступало около двадцати дивизий...» [3, с. 237].

В своем дневнике командующий группы армий «Центр» фельдмаршал Федор фон Бок в середине июля отмечает: «На южном фланге 2-ой армии (Вейхс) русские наглеют. Под Рогачевым и Жлобином переходят в наступление». 14 июля в дневнике появилась лаконичная запись: «На южном фланге появились первые признаки начинающегося контрудара силами выявленной нами Гомельской группировки противника». [4, с. 144]. Надо отметить, что в этот же день танки Гудериана достигли Смоленска. Немцы оценивали контрудар на свой правый фланг группы армий «Центр» силой до семи дивизий [4, с. 156]. Браухич отмечал, «...что группа Гомель», численность которой, по моим прикидкам, составляет около 10 дивизий, еще заявит о себе на правом фланге группы армий». 18 июля фон Бок пишет: «Сегодня обстановка на южном крыле 2-ой армии куда как серьезна» [4, с. 236].

Необходимо отметить, что немецкое командование не имело полного представления о возможностях Красной армии на гомельском направлении. Свидетельством тому может служить запись Ф. фон Бока, которая была сделана примерно 16 июля: «Авиационная разведка ни о чем существенном под Гомелем не сообщала» [4]. Большой интерес представляет немецкая оценка противника на уровне частей, участвовавших непосредственно в боевых действиях. Так 17 июля в сводке одного из немецких корпусов отмечается: «Враг и здесь (в районе Рогачева) сражался чрезвычайно упорно и ожесточенно. Так были найдены около 20 мертвых русских, перерезавших себе горло ножом, чтобы не попасть в плен. Битва на Днепре представляет собой хорошо продуманную, подготовленную «длинной рукой» операцию врага,

направленную против южного фланга нашей армии». В приказе № 155/41 по 181-ому пехотному полку отмечается 33 дневная битва за Рогачев. Штаб 2-й полевой немецкой армии в «Отчете о битве за Рогачев – Гомель» 15.09.1941 года отмечает, что по приказу группы армий «Центр» 2-я армия была переведена с оборонительной целью по линии Глуск – Паричи – Жлобин – Рогачев – Лазаревич – Большая Зимница – Пропойск – отрезок реки Сож до Кричева. Армия не могла начать наступление на Гомель до 12 августа, так как ждала подкрепления, особенно 2-ю танковую дивизию [5, с. 299].

Об интенсивности боев свидетельствует и немецкий военный обозреватель Г. Вандер: «Здесь под Рогачевом каждый день писались славные страницы германской пехоты. Большие жертвы, которые понесла пехота в этой оборонительной битве (подчеркнуто нами), не были напрасны. Каждый солдат знал важность этого сражения. Его героическую и полную самопожертвования борьбу можно причислить к величайшим подвигам этой войны. Только перед Рогачевом под огнем нашей пехоты и артиллерии было остановлено 140 советских наступлений (атак)».

В сложившейся обстановке (захват Смоленска и упорное сопротивление на гомельском направлении) в директиве группе армий «Центр» № 65 от 24 июля даются следующие указания: «2-я танковая группа и пехотные дивизии группы армий «Центр», передвинувшиеся из района южнее Могилева через Днепр, группируются таким образом, чтобы под общим руководством фельдмаршала фон Клюге начать наступательные действия в направлении Гомеля, Брянска совместно с группой армий «Юг» [2, с. 278–279]. Как видно из этого указания, задача ставится командующему 2-й танковой группы, которая в это время наступала на Москву, и впервые в этом документе речь идет об участии войск группы армий «Юг» в ликвидации гомельской проблемы.

В директиве № 34 от 30 июля Гитлер принимает неожиданное решение, предписывая группе армий «Центр» переход к обороне. Его беспокоили боевые действия на гомельско-бобруйском направлении [2, с. 280]. 12.08.1941 года в дополнение к директиве № 34 делается следующее предписание: «Центральный участок Восточного фронта. Первоочередная задача на данном участке фронта состоит в том, чтобы ликвидировать вклинившееся на запад фланговые позиции противника, сковывавшие довольно крупные силы пехоты группы армий «Центр». Также на гомельском направлении необходимо было «... особое внимание уделить организации взаимодействия по времени и направлениям смежных флангов групп армий «Центр» и «Юг» [2, с. 283].

23 июля и 4 августа Гитлер в своих указаниях на первое место ставит операцию в районе Гомеля. Операцию против Москвы на третье [2, с. 298]. 15 августа Ставка вермахта принимает знаковое решение: «Группе армий «Центр» дальнейшее наступление на Москву приостановить» [2, с. 284]. 25 июля генерал-фельдмаршал Кейтель в беседе с командующим группой армий «Центр» отметил: «Особую озабоченность фюрера вызывает в настоящее время район Мозыря, где по его оценке, создается новая группировка войск...» и далее «фюрер рекомендует повернуть значительную часть сил группы армий «Центр» на юг, чтобы обеспечить себя от этой группировки и уничтожить ее». 28 июля фюрер указал командующему сухопутными войсками, что важнейшей задачей является ликвидация угрозы на правом фланге группы армий «Центр» путем разгрома вражеской группировки, находящейся в районе Гомеле и севернее» [2, с. 299].

2-й танковой группе было предписано развернуться с московского направления и нанести удар в строго юго-западном направлении, на Гомель...» [2, с. 294]. Для решения этой задачи была создана «Армейская группа Гудериана», в состав которой вошли механизированные и пехотные соединения. Основные силы группы армий «Центр» – 12 пехотных и 6 подвижной дивизии были включены в южную фланговую ударную группировку. Для сравнения отметим, что на московском направлении (восточнее Смоленска) оставалось только 10 дивизий.

Конечно, такую силу войска Центрального фронта, измотанные в боях, сдержать не могли. 19–23 августа противник занял Гомель, а 30 августа была оккупирована вся территория области. Заметим, что в таком солидном издании как «Война и общество» отмечается, что к этому времени в руках немцев была вся Беларусь [6, с. 62]. Вместе с тем, надо отметить, что Гомельская область была занята немецкой армией только 30 августа. Для 1941 года такой временной разрыв и такая неточность имеют большое значение.

Следует обратить внимание на то, что на протяжении июля и вплоть до 21 августа 1941 года, практически, во всех важнейших документах верховного командования Германии фигурирует район Гомеля в качестве важнейшего военного направления действий немецких войск.

Основываясь на приведенных в статье немецких документах, можно сделать следующие выводы о значении боев на гомельском направлении летом 1941 года. Упорное сопротивление советских войск на юго-востоке Беларуси позволило задержать темпы немецкого наступления на главном московском направлении. На гомельском направлении немецкая армия

понесла значительные потери. Так, в донесениях командира 53-го армейского корпуса генерала Вайсенберга от 22 августа 1941 года о сражении на участке Рогачев – Гомель с 14 по 19 августа 1941 года отмечается, что за 5 дней боев корпус потерял 5562 человека, из них 205 офицеров. Согласно справке штаба Центрального фронта потери противника с 12 по 25 августа 1941 года составили:

-52-я пехотная дивизия – 80 % потерь личного состава;

-45-я пехотная дивизия – 80 %;

-293-я пехотная дивизия – 80 % ;

-17-я пехотная дивизия – 2000 человек при подходе к Гомелю, 7000 человек в бою за Гомель;

-134-я пехотная дивизия – 60 % потерь личного состава;

-112-я пехотная дивизия – 70 % [7, с. 202].

По нашему мнению, ожесточенные 50-дневные бои, их стратегическое значение для воюющих сторон, образование Центрального фронта со штабом в г. Гомель, а также оценки и действия немецкого верховного командования по корректировке планов ведения войны на Восточном фронте позволяет рассматривать гомельское направление в качестве важного и самостоятельного участка стратегической обороны в 1941 году. Ввиду этого имеются основания для того, чтобы дать новую интерпретацию Смоленского сражения. Возникает необходимость активизации исторических исследований по данной проблематике, поиск и публикации новых документов, в том числе и немецкого происхождения. Особенно это важно в преддверии 80-летия начала Великой Отечественной войны, когда появятся сенсационные публикации, в которых будут, без сомнения, искажены многие факты, в том числе в угоду побежденным. На примере боев на гомельском направлении достоверно можно утверждать, что Красная армия хотя и отступала, но делала это в ожесточенных, героических сражениях. Ценою больших потерь заставила скорректировать немецкие стратегические планы, заложив основу для будущей Великой Победы.

Источники и литература

1. Гальдер, Ф. Военный дневник, 1941–1942 / Ф. Гальдер. – М. : ООО «Издательство АСТ»; Спб. : TerraFantastica, 2003. – 893 с.

2. Дашичев, В. И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945: исторические очерки, документы и материалы : в 4 т. / В. И. Дашичев. – М. : Наука, 2005. – Т. 3: Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. – 607 с.

3. Гудериан, Г. Воспоминания солдата / Г. Гудериан; пер. с немецкого. – Смоленск : «Русич», 2003. – 656 с.

4. Бок фон, Ф. Дневники. 1939–1945 гг. / Ф. фон Бок. Пер. с нем. А. Уткина – Смоленск : «Русич», 2006. – 592 с.

5. Гомельщина в событиях 1917–1945 гг.: материалы науч.-практ. конф. / ред. кол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. – 304 с.

6. Война и общество, 1941–1945 : в 2-х кн. Кн. 1 / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – М. : Наука, 2004. – 2004. – 480 с.

7. Гомельская область в первые месяцы Великой Отечественной войны: документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев и др.; редкол.: В. И. Адамушко и др. – Минск : НАРБ, 2010. – 272 с.: ил.

УДК 94.476

И. М. Кутиков

ГГУ имени Ф. Скорины, г. Гомель

ГОМЕЛЬСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ В АВГУСТЕ 1941 ГОДА

В данной статье рассматривается проблема оборонительных боёв советских войск и народного ополчения в августе 1941 года на Гомельском направлении. В работе автор показывает основные аспекты обороны города Гомеля от немецко-фашистских захватчиков, а также в хронологической последовательности рассматривает ход Гомельской оборонительной операции в августе 1941 года. Раскрываются основные причины поражения советских войск и значение обороны Гомеля в деле срыва немецкой стратегии «блицкрига».

Геополитическое положение Беларуси способствовало тому, что её территория в разные годы своего существования становилась ареной ожесточённых боевых действий. В период новейшей истории, безусловно, самым трагическим событием в жизни белорусского народа стала Великая Отечественная война, в ходе которой погибло более 2,5 миллионов жителей БССР. Белорусские земли сыграли серьёзную роль в Великой Отечественной войне, и изучение этой проблемы требует исследования

многих вопросов. Одним из таких вопросов является Гомельская оборонительная операция в августе 1941 года.

В конце июля в Генеральном штабе вермахта появился своеобразный термин «гомельская колода». В ходе беседы, состоявшейся 25 июля 1941 года, начальник штаба генерал-фельдмаршал В. Кейтель сообщил командующему группой армий «Центр» Ф. фон Боку, что «фюрер рекомендует повернуть значительную часть сил группы армий «Центр» на юг, чтобы обеспечить себя от этой группировки и её уничтожить. Для этого 2-я танковая группа Г. Гудериана, получив необходимое пополнение, должна нанести удар из района Кричева и восточнее в строго юго-западном направлении на Гомель, чтобы не допустить отхода противника на восток или юг» [1, с. 279].

С целью проведения генерального в начале августа в район Гомеля были переброшены соединения вермахта: части 2-й полевой армии (генерал-полковник М. фон Вейхс) и части 2-й танковой группы (генерал-полковник Г. Гудериан). Всего на гомельском направлении было сосредоточено около 25 дивизий (из них 6 танковых и моторизованных). Им противостояли 23 советские дивизии (из них 17 стрелковых, 5 кавалерийских, 1 танковая).

8–10 августа в наступление на Новозыбков и Унечу, в обход Гомеля, перешли танковые соединения Г. Гудериана. Противник также прорвал оборону 21-й советской армии (28-й, 63-й, 67-й стрелковые корпуса) под командованием генерал-лейтенанта В. Гордова на линии Кричев – Пропойск – Речица и вышел непосредственно на подступы Гомелю. Командующий группой армий «Центр» Ф. фон Бок рассматривал это как возможность полного уничтожения советских войск в междуречье р. Сож и р. Днепр, выполнив широкий охват Гомеля танковыми колоннами Гудериана с северо-востока и 2-й армией Вейхса с северо-запада и запада [2, с. 500].

Утром 12 августа после артиллерийской и авиационной подготовки началось наступление немецкой 2-й армии на участках советской 13-й и 21-й армии: 12-й (генерал Шрот) и 13-й (генерал Фельбер) армейские корпуса немцев в составе 9 дивизий нанесли основной удар в междуречье рек Днепр и Сож. В результате дневного боя были отеснены с занимаемых позиций части 28-го и 20-го советских стрелковых корпусов. В ходе немецкого наступления фронт советской обороны оказался разорван. Расколов 21-ю армию, соединения 12-го и 13-го немецких армейских корпусов соединились с 267-й, 260-й и частью сил 134-й пехотных дивизий 43-го немецкого армейского корпуса, которые

выдвинулись в восточном направлении через р. Днепр. Только советской 61-й стрелковой дивизии удалось отбить в первый день все вражеские атаки в направлении Рогачёва. Соединения советского 21-го и 27-го корпусов отошли на юг.

К 13 августу на подступах к Гомелю сложилась крайне тяжёлая ситуация. Используя достигнутый накануне успех, немецкая армия развернула наступление по всему фронту. В самый критический момент штаб 21-й армии потерял связь с войсками 20-го и 67-го стрелковых корпусов и по существу не мог оказать никакого влияния на ход боев. 13-й армейский корпус, сломив заслоны войск 21-й армии, 13 августа дошёл до шоссе Довск – Гомель, овладев при этом Довском, а также занял станцию Уза и г. п. Уваровичи.

В результате двухдневных боев практически перестал существовать 67-й стрелковый корпус. Командир 67-го ск генерал-майор К. Галицкий тяжело ранен и эвакуирован, управление войсками корпуса нарушилось. К исходу дня немецкие части заняли д. Меркуловичи и продолжили наступление на Чечерск. На помощь частям 67 ск командование Центрального фронта вынуждено было направить полк народного ополчения (1353 бойца) и коммунистические отряды. Попытка советского командования нанести контрудар в районе д. Ректа силами переброшенной в его полосу 167-й стрелковой дивизией закончилась неудачей [3, с. 203–204]. В районе обороны 63-го корпуса начали наступления 53-й и 43-й армейские корпуса 2-й полевой армии вермахта. Отдельные части этих армейских корпусов ещё 13 августа подошли к Гомелю с северо-запада и запада. В целом к исходу 13 августа отразить атаки войск вермахта смогла только 61-я стрелковая дивизия. Но при этом один из полков дивизии, а также управление 63-го стрелкового корпуса с корпусными частями оказались в окружении в районе д. Святое.

В ночь на 14 августа противник нанёс массированный 3-х часовой авиаудар по Гомелю. Днём частям 2-й танковой группы удалось захватить Чечерск и форсировать Днепр возле Стрешина, а также овладеть железнодорожной станцией Буда-Кошелёво. В тот же день был захвачен Рогачёв. После того как противник нанёс поражение советским войскам в районе Жлобин – Рогачёв, а 2-я танковая группа начала наступление в район Новозыбкова. К 14 августа пехотные соединения Вейхса окружили большую часть 63-го и 67-го стрелковых корпусов 21-й армии. В общей сложности в кольцо окружения на восточном берегу р. Днепр северо-западнее Гомеля попали по меньшей мере 6 советских стрелковых дивизий. Бои за Гомель вступили в завершающую стадию.

Советское командование предприняло ряд мер для остановки наступления противника на гомельском направлении. 14 августа был образован Брянский фронт, командующим был назначен А. Ерёменко. В составе фронта находились 50-я (генерал-майор М. Петров) и 13-я армия (генерал-майор К. Голубев), ещё 3 стрелковых и 1 кавалерийская дивизия находились в резерве фронта (всего 24 дивизии, из них 19 стрелковых, 3 кавалерийских и 1 танковая). Принимая генерала Ерёменко в связи с назначением его командующим Брянским фронтом, И. Сталин поставил перед армиями фронта задачу разбить танковую группу Г. Гудериана. От того, выполнит ли Брянский фронт эту задачу во многом зависела судьба Гомеля. Исход боев за Гомель был тесно связан с битвой за Киев [4, с. 112].

15 августа части 43-го армейского корпуса, наступавшие из района д. Паричи подошли к Будо-Кошелёво, тем самым замкнув второе кольцо окружения частей 63-го корпуса. В результате наступления 43-го армейского корпуса в полном окружении восточнее Жлобина оказались пять стрелковых дивизий (63-й корпус: 61-я и 154-я; из состава 67-го корпуса: 102-я, 151-я и 167-я). Они были блокированы семью пехотными дивизиями 43-го, 53-го и 12-го армейских корпусов немцев. Связь Л. Петровского со штабом 21 армии была прервана. В связи с этим штаб Центрального фронта направил на помощь окружённым соединениям 266-ю и 227-ю дивизии, а также 10 стрелковых рот и несколько артиллерийских батальонов [1, с. 282].

К исходу 16 августа главные силы 2-й немецкой армии, продвинувшись к северным окраинам Гомеля, образовали своего рода «наковальню», по которой дивизии 24-го моторизованного корпуса генерала Г. фон Швеппенбурга могли наносить удары, чтобы окружить советские войска, занимающие глубокий выступ северо-восточнее и восточнее Гомеля. К этому времени 4-я танковая дивизия вермахта захватила д. Коммунары, в 115 км северо-восточнее города. Оказав ожесточённое сопротивление наступающим немецким войскам, командующий 13-армией генерал К. Голубев приказал остаткам своей армии отступить в юго-восточном направлении в район д. Унечи. В свою очередь командующий 21-й армией В. Гордов приказал остаткам своих соединений отходить на юг и занимать оборону вокруг Гомеля [5, с. 570].

16 августа Л. Петровским было принято решение пойти на прорыв из окружения и соединиться с советскими соединениями около Речицы. В 3.00 17 августа 154-я дивизия начала прорыв, за ней последовали остальные части 63-го стрелкового корпуса. При выходе из окружения в районе д. Скепня (20 км восточнее Жлобина) днём 17 августа погиб

в бою командир 63-го корпуса генерал-лейтенант Л. Петровский. Разгром частей 63-го стрелкового корпуса был существенной потерей для немногочисленных, практически потерявших боеспособность войск 21-й армии. В тот же день начальник советского Генерального штаба маршал Б. Шапошников и его заместитель генерал А. Василевский опять поставили перед Сталиным вопрос об отступлении за Днепр, но оно было отклонено Сталиным.

Во второй половине дня 17 августа 3-я танковая дивизия немцев захватила Унечу и тем самым перерезала железную дорогу Гомель – Брянск. 18 августа Гомельский рубеж обороны представлял собой дугу около 40 км, она упиралась флангами в деревни Красное и Поколюбичи. В эту «подкову» перебрасывались все боеспособные части. Особенно тяжёлый участок обороны держали бойцы особого коммунистического отряда подполковника А. Маневича. Они обороняли рубеж деревень Красное – Семёновка – Костюковка – Лопатино. Начальником Гомельского боевого участка был назначен генерал-майор П. Корзун. Особенно тяжёлые бои разгорелись в 15 км севернее города. Противник осуществил перегруппировку своих войск в результате чего 1-я кавалерийская дивизия начала наступление на Ветку. В течение одного дня данная дивизия форсировала р. Сож в районе Ветки, обойдя Гомель с востока. К исходу 18 августа Ветка была взята частями 1-й кавдивизии, для немецких войск открылось направление на Добруш [4, с. 114–115].

Утром 19 августа к Гомелю с севера подошли две немецкие пехотные дивизии: 17-я, 131-я. Одновременно частям вермахта удалось захватить переправу через р. Сож южнее Гомеля, в районе Новобелицы. В боях за д. Поколюбичи погиб командир полка народного ополчения Ф. Уткин. Днём танки Гудериана подошли к Унече и Стародубу. Над Гомельской группировкой советских армий нависла угроза окружения. Это, а также неудачи в боях за Рогачёв и Жлобин, вынудили 21-ю армию начать отход с занимаемых позиций. 19 августа в 17.00 в Генеральный штаб сухопутных сил вермахта пришло донесение о взятии Гомеля 2-й полевой армией. В 21.00 по приказу командования начался отвод войск на левый берег реки Сож, последним город покинул 636-й стрелковый полк и отдельная артиллерийская батарея старшего лейтенанта А. Свердлова, после их переправы мосты были взорваны. До 23.00 большая часть города была захвачена немцами. В докладе помощника начальника оперативного отдела Центрального фронта М. Ангарского говорилось: «С наступлением темноты противник открыл артиллерийский огонь по городу, причём его пехота по-прежнему находилась в 2–3 км от передовой линии наших войск... Ввиду того, что наши части сильно перемешались в темноте

и, опасаясь угрозы выхода противника на переправы, было решено ночью оставить г. Гомель, что и было выполнено по приказу Военного Совета фронта. В полночь эвакуация города была закончена, после чего сапёры под руководством генерал-майора Баранова взорвали мосты через р. Сож...». По приказу командования бойцы и командиры разных частей объединились в сводный полк 219-й моторизованной дивизии. В него вошли и гомельские ополченцы [2, с. 511].

Взять Новобелицу немецким войскам с ходу не удалось, мосты были взорваны и потребовалось время, чтобы наладить переправу. В течение 3-х суток артиллерийская батарея А. Свердлова и сводный полк 219-й моторизованной дивизии удерживали оборону. Лишь 23 августа в результате осуществления переправы через реку Сож южнее Новобелицы и захода танковых частей немцев с востока завершилась оборона Гомеля.

После взятия Гомеля 2-я немецкая армия М. фон Вейкса сообщила о захвате более чем 50.000 пленных, почти 500 орудий и более чем 100 танков. Потери самой немецкой армии за тот же период составили 5190 солдат и офицеров, в том числе 1823 безвозвратно.

Действия советских войск в ходе Гомельской оборонительной операции имели важное значение для начала сбоя немецкой стратегии «блицкрига». Около половины сил группы армий «Центр» до начала третьей декады августа были задействованы на гомельско-стародубском направлении, что помогло советскому Резервному фронту овладеть Ельней. Переброшенные из района Гомеля немецкие дивизии не успели принять участие в обороне города. Вместе с тем, в ходе августовских боёв войскам вермахта не удалось реализовать планы по окружению 21-й и 3-й армии Центрального фронта, а также выходу в тыл Киевской группировке советских войск [1, с. 283–285].

Можно выделить следующие причины поражения РККА в ходе Гомельской оборонительной операции: 1. Недооценка Ставкой ВГК немецкой угрозы на Гомельском направлении 2. Огромный просчёт и недооценка Генеральным штабом возможностей танковых соединений вермахта. 3. Отсутствие чёткого и непрерывного управления соединениями и частями при осуществлении оборонительных и наступательных действий. 4. Вводимые в сражение резервы вступали в бой разрозненно, зачастую без руководства вышестоящими штабами. 5. Приказ во что бы то ни стало удерживать занимаемые позиции, даже в условиях глубоких фланговых обходов противника, часто являлся причиной того, что крупные группировки советских войск

несвоевременно выводились из-под ударов врага, что заканчивалось для них тяжёлыми боями в окружении.

Источники и литература

1. Жданович, П. Л. Боевые действия 21-й армии на гомельском направлении в августе 1941 г. / П. Л. Жданович // Гомельщина в событиях 1917–1945 гг.: материалы научно-практической конференции / редколлегия: А. А. Коваленя [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. – С. 278–287.

2. Память: гісторыка-дакументальная хроніка Гомеля. У 2 кн. Кн. 1-я. – Мінск : БЕЛТА, 1998. – 608 с.

3. Гомельская область в первые месяцы Великой Отечественной войны : документы и материалы / Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь; составители: В. Д. Селеменёв (руководитель и др.)). – Минск : НАРБ, 2010. – 268 с.

4. Мязга, М. М. Гомельскі аператыўны напрамак у 1941 годзе / М. М. Мязга // Гомельщина ў Вялікай Айчыннай вайне: Матэрыялы навук. практ. канф., Гомель, 7–8 красавіка, 2005 г. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2005. – С. 108–119.

5. Glantz, David M. The Battle for Smolensk, 7 July – 10 September 1941 / David M. Glanz. – Carlisle, PA: Self-published, 2001. – 656 p.

УДК [94+355.425.4+356.15(=162.1)](476)

А. А. Крыварот

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, г. Мінск

УЗАЕМААДНОСІНЫ ПАРТЫЗАН БЕЛАРУСІ І ФАРМІРАВАННЯЎ АРМІІ КРАЁВАЙ: ГІСТОРЫЯ ПЫТАННЯ І ФАКТАРЫ ЎПЛЫВУ

У артыкуле асвятляюцца фактары, якія ўплывалі на ўзаемаадносінны партызанскіх фарміраванняў Беларусі з галоўнай сілай польскага ваеннага падполля на тэрыторыі Заходняй Беларусі – Арміяй Краёвай. Адзначана, такія стасункі найперш былі абумоўлены характарам адносін савецкага кіраўніцтва і польскага эмігранцкага ўрада. Паказаны некаторыя

сумесныя аперацыі беларускіх партызан і структур АК супраць германскіх акупантаў у перыяд з лета 1942 г. да лета 1943 г. Згадана, што пасля разрыву савецка-польскіх дыпламатычных адносін узаемадачыненні паміж беларускімі партызанамі і АК сталі насіць канфрантацыйны характар.

Адной з самых складаных і маладаследаваных праблем гісторыі антыгерманскага супраціўлення на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны з'ўляюцца ўзаемадачыненні паміж партызанамі Беларусі і польскім антысавецкім падполлем. На гэтыя кантакты ўплывалі многія фактары, аднак цэнтральнае месца займаў характар узаемаадносін кіраўніцтва СССР і польскага эмігранцкага ўрада У. Сікорскага.

Пры даследаванні праблемы важна асвятліць, што ўяўлялі сабой суб'екты ўзаемадачыненняў, г.зн. польскае падполле і савецкі партызанскі рух, на момант аднаўлення савецка-польскіх дыпламатычных адносін 30 ліпеня 1941 г. Польскі ваенны падпольны рух пачаў актыўна ўсталёўваць свае структуры на тэрыторыі Заходняй Беларусі пасля таго, як прэм'ер новага польскага ўрада генерал У. Сікорскі 13 лістапада 1939 г. аддаў загад аб стварэнні Саюза ўзброенай барацьбы (далей – СУБ). Польскае падполле на тэрыторыі Заходняй Беларусі разгортвалася як антысавецкае і было скіравана супраць структур савецкай улады і яе прадстаўнікоў. Польскі эмігранцкі ўрад і падначаленыя яму падпольныя структуры не прызнавалі легітымнасць дагавораў паміж СССР і Германіяй, падпісаных у жніўні і верасні 1939 г., а іх дзейнасць была скіравана на аднаўленне польскай дзяржавы ў межах да 1 верасня 1939 г. Таму польскае палітычнае і ваеннае падполле на тэрыторыі Заходняй Беларусі было аб'ектам актыўнага пераследу і рэпрэсій з боку органаў бяспекі СССР да самага пачатку нямецкай агрэсіі супраць Савецкага Саюза [1, с. 68; 2, с. 146, 150, 156–165; 3, с. 29–30].

З пачаткам вайны польскае падполле на тэрыторыі Заходняй Беларусі апынулася ў новай ваенна-палітычнай сітуацыі. Неабходна адзначыць, што да чэрвеня 1941 г. польскае падполле ў Заходняй Беларусі не ўяўляла сабой сілу, здольную аказаць належнае супраціўленне гітлераўцам, бо захавала толькі асобныя канспіратыўныя ячэйкі. Падпісанне дагавора ад 30 ліпеня 1941 г. у Лондане і савецка-польскай ваеннай дамовы ў Маскве 14 жніўня 1941 г. спрыяла разгортванню арганізацыйных структур і матэрыяльнай базы польскага ўзброенага падполля, якое стала праяўляць сябе больш антыгерманскім, чым антысавецкім. Пры гэтым, структурам СУБ ставіліся наступныя задачы: знаходзіцца ў падполлі, назапашваць зброю, праводзіць палітычную

і ваенную разведку, весці прапаганду і арганізоўваць сабатаж, быць у гатоўнасці для правядзення дыверсій і чакаць сігнала да ўсеагульнага паўстання, тэрміны якога не называліся. У жніўні 1941 г. польскім эміграцыйным урадам было прынята рашэнне аб стварэнні ў структуры СУБ спецыяльнага падраздзялення «Вахляж» для правядзення дыверсій і разведкі на акупаваных немцамі заходніх тэрыторыях СССР [2, с. 204; 3, с. 66; 4, с. 225; 6, с. 65].

Станаўленне савецкага партызанскага руху ў заходніх абласцях Беларусі адбывалася ва ўмовах хуткага прасоўвання войск вермахта на ўсход і жорсткага акупацыйнага рэжыму. Першыя падраздзяленні распачалі баявую дзейнасць супраць нямецкіх акупантаў ужо ў летнія месяцы 1941 г. Атрады і групы складаліся ў асноўным з партыйных, савецкіх і камсамольскіх актывістаў. У канцы чэрвеня 1941 г. свой першы бой з немцамі правёў атрад пад камандаваннем работніка Пінскага абкама КП(б)Б В.А. Каржа. Летам і восенню першага года вайны да партызанскіх метадаў барацьбы сталі пераходзіць ваеннаслужачыя Чырвонай арміі, якія былі вымушаны з розных прычынаў застацца ў тыле ворага. Разам з мясцовымі патрыётамі яны ў месцах свайго базіравання стваралі баявыя адзінкі. Акрамя таго, у 1941 г. акупіраваныя раёны Пінскай, Брэсцкай, Вілейскай і Баранавіцкай абласцей накіроўваліся атрады, арганізатарскія і дыверсійныя групы па лініі ЦК і абкамаў КП(б)Б, разведорганаў Чырвонай арміі. Аднак у 1941 г. савецкі партызанскі рух на тэрыторыі заходніх абласцей Беларусі быў яшчэ малаколькасны, слабы ў арганізацыйным плане, недастаткова ўзбраены, не меў сувязі з Цэнтрам [6, с. 112, 139; 7, с. 22, 96, 118, 599].

Падзеі канца 1941 – пачатку 1942 г. істотным чынам паўплывалі на далейшы ход развіцця антыгерманскага супраціўлення на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Перамога войск Чырвонай арміі пад Масквой дала моцны штуршок для пашырэння савецкага партызанскага руху. Назіралася тэндэнцыя да павелічэння колькасці партызанскіх падраздзяленняў у Баранавіцкай і Брэсцкай абласцях, дзе па стане на май 1942 г. налічвалася 33 атрады. У Вілейскай і Пінскай абласцях такіх адзінак мелася па тры, яшчэ адзін атрад дзейнічаў на Беласточчыне. З сярэдзіны вясны 1942 г. на тэрыторыю заходніх рэгіёнаў Беларусі сталі пранікаць разведпадраздзяленні Чырвонай арміі, якія мелі сувязь з Цэнтрам, аўтаматычную зброю, узрыўчатку і вопытных мінёраў. У маі – чэрвені такія атрады і групы прыбылі ў Баранавіцкую, Вілейскую, Пінскую вобласці і ўстанавілі сувязі з мясцовымі падпольнымі і партызанскімі аддзінкамі, дапамагалі ім у разгортванні баявой дзейнасці [7, с. 26, 98, 120, 164, 602; 8, с. 73–74, 77].

Польскі эмігранцкі ўрад У. Сікорскага актыўна выкарыстоўваў зніжэнне напружанасці з кіраўніцтвам СССР для разгортвання сеткі польскага падполля. Ажыццяўлялася перафарматаванне СУБ з кадравай арганізацыі ў масавую шляхам аб'яднання падпольных вайсковых структур і прытоку мясцовага насельніцтва. У лютым 1942 г адбылася знакавая падзея для польскага ваеннага падполля – на аснове СУБ была створана Армія Краёва (далей – АК), якая ўвабрала ў сябе раней створаныя ваенныя арганізацыі, што падтрымлівалі эмігранцкі ўрад. Структуру і дзейнасць АК даволі грунтоўна асвятліў у адной са сваіх навуковых публікацый вядомы беларускі гісторык А.М. Літвін, які са спасылкай на меркаванні польскіх ваенных гісторыкаў адзначаў, што структура АК найперш скіроўвалася на падрыхтоўку ўзброенага паўстання з мэтай захопу ўлады на ўсёй тэрыторыі былой Польшчы [1, с. 70–71; 3, с. 110].

Першыя групы і атрады «акаўцаў» у Заходняй Беларусі сталі стварацца летам 1942 г. у Навагрудскай і Палескай акругах АК. Нягледзячы на гэта, у адным з нямецкіх дакументаў было згадана, што прадстаўнікі савецкага і польскага падполля, не зважаючы на «светапоглядныя і палітычныя разыходжанні» ўзгаднілі свае дзеянні ўжо ў канцы 1941 – пачатку 1942 г. Першы час пасля аднаўлення дыпламатычных адносін Масква ў інтарэсах развіцця антыгерманскага супраціўлення не забараняла савецкім партызанам супольную работу з польскім падполлем, аднак у той самы час арыентавала на правядзенне разведвальных мерапрыемстваў у «акаўскіх» структурах. Аналагічныя ўказанні польскі эмігранцкі ўрад накіроўваў сваім структурам адносна стасункаў з беларускімі партызанамі і падпольшчыкамі [1, с. 71; 2, с. 217, 245–247].

У перыяд з 1942 г. і да лета 1943 г. паміж беларускімі партызанамі і АК хаця і мелі месца канфлікты, аднак яны не насілі адкрытай і жорсткай канфрантацыі. Гэта можна патлумачыць наступнымі прычынамі. Па-першае, сітуацыя на савецка-германскім фронце заставалася для Чырвонай арміі давалі цяжкай. Па-другое, палітычныя супярэчнасці паміж савецкім кіраўніцтвам і польскім эмігранцкім урадам У. Сікорскага не знаходзіліся ў крайне абвостраным стане. Па-трэцяе, савецкі партызанскі рух на тэрыторыі заходніх абласцей яшчэ не набыў масавага характару.

Узаемадачынненні паміж беларускімі і польскімі партызанамі праяўляліся ў наступных формах. Мелі месца абмен разведдадзенымі і інфармацыяй пра магчымыя нямецкія аблавы і арышты, узаемадапамога зброяй і боепрыпасамі, правядзенне сумесных баявых аперацый і інш. Вясной – летам 1942 г. у сувязі з антыпольскімі акцыямі, распачатымі

нямецкім акупацыйным рэжымам, удзельнікі АК былі вымушаны шукаць падтрымку ў беларускіх партызан. Найбольшая колькасць фактаў баявога ўзаемадзеяння беларускіх партызан і АК прыпадала на Баранавіцкую вобласць. Так, пры дапамозе АК з нямецкага лагера ваеннапалонных у г. Маладзечна былі вызвалены некалькі сотняў савецкіх ваеннаслужачых, якія затым уліліся ў беларускія партызанскія атрады ў Налібоцкай пушчы. У гэтым раёне ў жніўні 1942 г. беларускія партызаны і «акаўцы» правялі сумесна дзве баявыя аперацыі: была знішчана нямецкая калона на чале з навагрудскім гебіткамісарам і ажыццёўлены напад на атрад эсэсаўцаў. Мела месца баявое ўзаемадзеянне ў некаторых раёнах Брэсцкай вобласці. Аднак сумесныя аперацыі ў 1942 г. праводзіліся не толькі рэдка, але і насуперак інструкцыям камандавання АК і эміграцыйнага ўрада ў Лондане, якія ў якасці галоўнай задачы лічылі ўмацаванне структур для будучага паўстання [2, с. 147–149; 3, с. 152, 157, 163; 4, с. 225; 9, с. 282].

З другой паловы 1942 г. адносіны паміж кіраўніцтвам СССР і ўрадам У. Сікорскага пачалі пагаршацца. Так, армія У. Андэrsa, сфарміраваная на тэрыторыі Савецкага Саюза з польскіх ваеннапалонных, адмовілася змагацца сумесна з Чырвонай арміяй на савецка-германскім фронце і ў верасні 1942 г. была эвакуявана на тэрыторыю Ірана. У сувязі з пераломам у вайне на ўсходнім фронце ў пачатку 1943 г. на карысць Чырвонай арміі савецкае кіраўніцтва стала мяняць сваё стаўленне да польскага падполля. Напрыклад, у студзені 1943 г. П.К. Панамарэнка ў данясенні на адрас ЦК УКП(б) «О поведении поляков и некоторых наших задачах» прапанаваў зрабіць захады па распальванні ў Польшчы камуністычнага партызанскага супраціўлення. Ад гэтага часу распачалася актыўная дзейнасць ЦК КП(б)Б, ЦШПР і БШПР па забеспячэнні перавагі савецкіх партызанскіх структур над польскім антысавецкім падполлем. Так, на V Пленуме ЦК КП(б)Б (26–28 лютага 1943 г.) была падкрэслена важнасць уключэння ў партызанскую барацьбу шырокіх слаёў насельніцтва заходніх абласцей Беларусі. Вясной 1943 г. пачалі дзейнічаць Баранавіцкі (сакавік), Брэсцкі (красавік), Вілейскі (май – пачатак ліпеня) падпольныя абкамы КП(б)Б, а таксама Баранавіцкае і Брэсцкае партызанскія злучэнні. Са студзеня да чэрвеня 1943 г. колькасць атрадаў у заходніх абласцях Беларусі вырасла з 60 да 117. Па лініі ЦШПР на тэрыторыю Баранавіцкай вобласці былі накіраваны пяць сібірскіх партызанскіх падраздзяленняў. Да таго ж, Масква паступова згортвала супрацоўніцтва з эмігранцкім урадам У. Сікорскага і актывізавала дзейнасць па стварэнні структур польскіх камуністаў. Для гэтага 1 сакавіка 1943 г. у СССР быў арганізаваны Саюз польскіх патрыётаў, які

ініцыяваў у маі 1943 г. фарміраванне 1-й польскай пяхотнай дывізіі імя Т. Касцюшкі [7, с. 27, 99, 121, 165; 603; 8, с. 70, 72–73; 10, с. 60, 101, 123].

Фатальныя наступствы для адносін савецкага кіраўніцтва і эмігранцкага ўрада У. Сікорскага мела «Катынская справа», якая атрымала галоснаць у пачатку красавіка 1943 г. і прывяла да разрыву дыпламатычных адносін паміж СССР і польскім эмігранцкім урадам. Услед за гэтым Цэнтрам былі прыняты радыкальныя захады па ўмацаванні савецкага партызанскага руху ў заходніх абласцях Беларусі. Работа ў гэтым напрамку значна паскорылася пасля прыняцця ЦК КП(б)Б 22 чэрвеня 1943 г. пастановы «О мерах по дальнейшему развёртыванию партизанского движения в западных областях Белоруссии» і закрытага ліста «О военно-политической работе в западных областях БССР». На працягу другой паловы 1943 г. партызанскі рух у Заходняй Беларусі ўзняўся на якасна новую ступень. Колькасць атрадаў вырасла больш, чым у два разы, брыгад – у пяць разоў. Была завершана работа па стварэнні падпольных абкамаў КП(б)Б і разгортванні злучэнняў. Паводле плана ЦК КП(б)Б і БШПР з усходніх абласцей Беларусі на захад рэспублікі да зімы 1943/1944 г. прыбылі 16 буйных партызанскіх фарміраванняў, у тым ліку Беластоцкае злучэнне ў складзе 744 чалавек, восем брыгад, полк і шэсць асобных атрадаў – усяго амаль 8 тыс. вопытных байцоў. Агульная колькасць партызан у пяці заходніх абласцях Беларусі за 1943 г. павялічылася ў тры разы і склала 36 852 чалавекі [2, с. 250–253; 7, с. 14; 10, с. 82–83, 122, 123, 484; 11, с. 313, 328; 12, л. 2–6аб].

Захады па ўмацаванні савецкага партызанскага руху далі магчымасць распачаць у заходніх абласцях Беларусі баявыя аперацыі па раззбраенні і расейванні ваенных структур АК. Радавых «акаўцаў» рэкамандавалася, па магчымасці, уключаць пад савецкім кіраўніцтвам у барацьбу з немцамі. Месцамі баёў савецкіх партызан супраць падраздзяленняў АК былі ў Пінскай, Брэсцкай і Вілейскай абласцях. У сваю чаргу, з восені 1943 г. да красавіка 1944 г. мелі месца напады атрадаў АК Навагрудскай акругі на беларускіх партызан. Разам з тым былі асобныя выпадкі і ўзаемадзеяння, як падчас сумеснага разгрому гарнізона ў Івянцы ў чэрвені 1943 г.; таксама буйной карнай аперацыі немцаў «Герман» (1. 07–11. 08. 1943 г.) у раёне Налібоцкай пушчы, калі беларускія партызаны разам з «акаўцамі» адбівалі маштабнае наступленне германскіх акупантаў. Сярод заходніх абласцей Беларусі толькі на Беластоцчыне буйныя партызанскія савецкія фарміраванні не змаглі замацавацца і таму ў рэгіёне мела перавагу АК. Для расейвання структур польскага ваеннага падполля Беластоцкае партызанскае злучэнне не валодала дастатковай сілай і таму ў гэтым

рэгіёне не было вострай ўзброенай канфрантацыі [2, с. 256–257; 3, с. 160–162; 5, с. 67].

У цэлым супрацоўніцтва беларускіх партызан і структур АК на акупаванай немцамі тэрыторыі Заходняй Беларусі было выклікана неабходнасцю агульнага суіснавання, насіла нефармальны характар і адбывалася ў абмежаваных маштабах, а таксама шмат у чым была абумоўлена сіламі бакоў. Асноўным фактарам, які вызначаў характар гэтых кантактаў быў палітычны – адносіны да польскага эміграцыйнага ўрада ў Лондане з боку савецкага кіраўніцтва.

Крыніцы і літаратура

1. Літвін, А. Армія Краёва на Беларусі: да праблемы вывучэння / А. Літвін // Беларус. гіст. часоп. – 1994. – № 1. – С. 65–71.

2. Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954): монография / С. А. Ситкевич, С. А. Сильванович, В. В. Барабаш, Н. А. Рыбак. – Гродно : ГГАУ, 2004. – 345 с.

3. Сямашка Я. І. Армія Краёва на Беларусі / Я. І. Сямашка. – Мінск : «Хата», 1994. – 270 с.

4. Ахременко, Д. А. Польская Армия Крайова: невыполнимые цели и трагический финал / Д. А. Ахременко, В. В. Симиндей // Страна в огне : в 3 т. // Отв. ред. Литвин А. М., Мягков М. Ю.; отв. ред. Суржик Д. В. – М. : «Абрис», 2017. – Т. 3: Освобождение. 1944–1945 : в 2 кн. Кн. 1. Очерки С. 225–234.

5. Літвін, А. Армія Краёва на Беларусі: да праблемы вывучэння / А. Літвін // Беларускі гістарычны часопіс – 1994. – № 4. – С. 65–69.

6. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / Л. Аржаева [и др.] ; редкол.: А. Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – Т. 1 / редкол.: И. М. Игнатенко [и др.]. – 1983. – 591 с.

7. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личным составе / А. Л. Манаенков [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.

8. Крыварот, А. А. Узаемадзеянне партызанскіх фарміраванняў Беларусі і Расіі ў гады Вялікай Айчыннай вайны / А. А. Крыварот. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – 239 с.

9. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945/ А. А. Каваленя (руководитель авторского коллектива), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко и др. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.

10. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : энцыклапедыя / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1990. – 680 с.

11. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / Л. Аржаева [и др.] ; редкол.: А. Т. Кузьмин [и др.] – Минск : Беларусь, 1984. – Т. 2 / Л. В. Аржаева [и др.] ; редкол.: А. А. Филимонов [и др.]. – 551 с.

12. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь – Ф. 4п. – Воп. 33а. – Спр. 397.

УДК 94(438)

Л. В. Гавриловец

МГПУ имени И. П. Шамякина, г. Мозырь

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА ПОЛЬСКИХ ХАРЦЕРОВ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируется деятельность скаутских отрядов Польши в годы Второй мировой войны. Основным способом борьбы с германскими оккупантами являлся малый саботаж, который заключался в подрывной деятельности, направленной на разрушение экономики и структур оккупационного режима, установленного на территории Польши с сентября 1939 г. На протяжении 1939–1940 гг. было организовано подпольное молодежное харцерское движение, внесшее значительный вклад в борьбу с гитлеровцами. Была разработана программа действий харцеров на оккупированной территории, а также инструкция по проведению так называемых акций ненасильственного саботажа.

Среди молодежных организаций Польши, которые продолжают свою деятельность и на современном этапе развития молодежного движения необходимо отметить Союз польских харцеров. Про деятельность польской национальной скаутской организации известно еще, начиная с 1909 г. В 1910 г. на польских землях появляются первые скаутские отряды, когда польская молодежь познакомилась с работой «Скаутинг для мальчиков» британского военачальника, основателя скаутского движения Роберта Баден-Пауэлла. Кроме того, скаутингом заинтересовались также различные независимые организации, как «Антропологи» (академическая организация, готовившая молодежь к борьбе за независимость Польши),

«Сокол» (спортивное товарищество патриотического характера), «Элевсин» (католическая ассоциация воздержания). При львовском «Соколе» (на территории австрийской Галиции) возник первый союз скаутов, а Анджей Малковски в 1911 г. организовал первое скаутское движение. 22 мая 1911 г. Анджей Малковски официально провозгласил об образовании скаутской организации в составе первых четырех отрядов. Этот день теперь считается днем рождения Союза польских харцеров (СПХ) [1, s. 18–19].

Необходимо отметить, что, когда 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война и территория Польши была оккупирована германскими войсками члены СПХ приняли активное участие в защите своей родины. Еще до начала войны члены Союза польских харцеров проходили военную подготовку, в том числе были организованы отряды скаутов «скорой помощи». В сентябре 1939 г. скауты приняли активное участие в защите таких городов, как Варшава, Гдыня, Клецко, Катовице, Гродно и многие другие. После оккупации Польши фашистской Германией "Союз польских харцеров" перешел к подпольной деятельности. Скаутское движение Польши включало два типа организаций – мужские и женские. В годы Второй мировой войны мужская организация скаутов Польши действовала под кодовым названием «Серые шеренги». «Серые шеренги» были созданы 27 сентября 1939 г. и реализовывали воспитательную программу под названием «Сегодня – завтра – послезавтра». Ключевые слова скаутской программы обозначали: «сегодня» – вести текущую подпольную борьбу, «завтра» – организовать восстание против оккупантов, «послезавтра» – осуществить восстановление свободной независимой Польши. Руководителями «Серых шеренг» являлись Флориан Марциняк, Станислав Броневский, Леон Маршалек.

«Серые шеренги» в свою очередь делились на три организации по возрастам: «Завиша» – младшая харцерскаявозрастная группа, «боевые школы» – средняя группа и «штурмовые группы» – молодые люди уже призывного возраста. Младшие харцеры принимали участие в разведке и наблюдении за немцами, передаче корреспонденции. Харцеры среднего возраста участвовали в так называемых акциях «малого саботажа». Среди них акция «Работай медленно!», а также писали на стенах антинемецкие лозунги, вывешивали польские флаги, распространяли листовки, срывали демонстрацию немецких фильмов. Обязательным для харцеров данной возрастной группы являлось обучение боевому делу на специальных курсах. Непосредственно в боевых акциях участвовали «штурмовые группы».

Женская организация скаутов также не осталась в стороне от происходящих в стране событий и действовала под кодовым названием «Ассоциация клеверов». В 1943 г. она была переименована и получила название «Будь готов!». Необходимо отметить, что в наибольшей степени в разговорной речи она называлась «Женские серые шеренги». Девушки-скауты находились на вспомогательной военной службе (выполняли функции санитарок, связисток, разведчиц), а также в их обязанности входили уход за сиротами и заключенными, распространение подпольной прессы, тайное обучение. Командиром «Ассоциации клеверов» являлась Юзефина Лапинская. В ее обязанности также входила подготовка девушек-скаутов к решительным и оперативным действиям в условиях чрезвычайных ситуаций.

Скаутские инструкторы, сторонники католической ориентации в молодежном движении, в свою очередь создали подпольную организацию «Польский скаутинг». Организацию вначале возглавил Станислав Седлачек, а после его смерти в Освенциме Витольд Савицки. Среди крупномасштабных операций подпольной разведки скаутов было участие в Варшавском восстании (1 августа – 2 октября 1944 г.). В восстании активное участие приняли скаутские батальоны «Zośka» (Зоська), «Parasol» (Парасоль), «Wigry» (Вигры) и «Gustaw» (Густав). Инструкторы-скауты также управляли полевыми больницами, несли службу в качестве офицеров связи, являлись проводниками в тылу врага. Самые молодые инструкторы-скауты выполняли обязанности почтальонов Скаутской полевой почты [2].

Отдельно необходимо остановиться на личностях лидеров харцерского движения в Польше в годы Второй мировой войны. Среди них стоит отметить руководителя «Серых шеренг» Флориана Марциняка, более известного под псевдонимом Новак. Ф. Марциняк 6-ти лет состоял в харцерской организации, а позднее стал самым юным харцмистром Польши. Непосредственно перед войной он занимал должность заместителя директора Школы харцерских инструкторов, которую возглавлял Александр Каминский. А. Каминский являлся идеологом ненасильственного саботажа и автором инструкции по проведению таких акций, размещенной в подпольной листовке «Информационный бюллетень».

С началом Второй мировой войны Марциняк присоединился к отрядам «скорой харцерской помощи», которые участвовали в тушении пожаров, обеспечивали безопасность государственных учреждений. После эвакуации польской армии и правительственных учреждений из Познани 8 сентября 1939 г. Ф. Марциняк прибыл в Варшаву, где

совместно со столичными инструкторами организовал местный отряд «скорой харцерской помощи», который и возглавил. В конце сентября 1939 г. он принял участие в подпольном слёте харцерских инструкторов, на котором окончательно решилась судьба «Серых шеренг». Они стали полноценными подпольщиками и союзниками партизан, а впоследствии превратились в хорошо обученный и натренированный партизанский отряд специального назначения. Марциняк принял участие в планировании акции под Арсеналом в марте 1943 г. Это была первая вооруженная и самая дерзкая акция подпольной молодежной организации в Варшаве, в ходе которой 26 марта 1943 г. «Серым шеренгам» удалось освободить среди бела дня из гестапо 25 арестантов. Среди них были как подпольщики, так и простые польские граждане. Данная операция вошла в историю польского Сопротивления и была освещена на страницах работы А. Каминского «Камни из окопов». По мотивам этих событий в 1977 г. был снят кинофильм режиссера Я. Ломницкого «Акция под Арсеналом» [2].

6 мая 1943 г. Флориан Марциняк был арестован гестапо. На допросах руководитель «Серых шеренг» не выдал никого из своих соратников и воспитанников. Лидеры подпольного харцерского движения разработали план освобождения Марциняка. Особенно настаивал на этом Тадеуш Зоська-Завадский. Однако неоднократные попытки освободить «Фло» (позывной Марциняка) не увенчались успехом. Вечером 11 мая 1943 г. Ф. Марциняк был депортирован из столицы. Во время перевозки в Познань лидер харцеров попытался бежать, выпрыгнув на ходу из автомобиля. Попытка побега не удалась. После жестоких побоев Марциняк был брошен в форт № 7 в Познани, в камеру № 66. Это был нацистский концентрационный лагерь, находившийся на территории одного из 18 фортов Познанской крепости и действовавший с октября 1939 г. до весны 1944 г. Считается первым концентрационным лагерем, созданным нацистами на территории Польши после ее оккупации в сентябре 1939 г.

Интересен тот факт, что подпольщики и после этих событий не оставили своих планов освободить Марциняка, для чего была создана специальная группа, в которую входили Т. Зоська-Завадский, Станислав Броневский. Узнав о планах харцеров, немцы вывезли Флориана Марциняка в концлагерь Гросс-Розен, где он и был убит, предположительно 20 февраля 1944 г. Тело подпольщика так и не было найдено, так как немцы кремировали трупы своих узников. Урна с землей с места казни лидера харцерского движения после войны была торжественно захоронена в Крипте Заслуженных в церкви св. Войцеха

в Познани, а Указом Президента Польши Леха Качиньского от 11 ноября 2006 г. Флориан Марциняк посмертно был награжден большим крестом Ордена Возрождения Польши.

Таким образом, диверсионная деятельность молодежных харцерских отрядов, организация саботажа способствовали причинению значительного ущерба германским оккупантам, расшатывали экономику, авторитет и моральный дух противника.

Источники и литература

1. Rysak, L. Początki harcerstwa / L. Rysak // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. – 2010. – № 5–6 (114–115). – S. 18–28.

2. Związek Harcerstwa Polskiego [Electronic resource]. – Mode of access: <http://zhp.pl/ozhp/historia-harcerstwa/>. – Date of access: 24. 03. 2020.

УДК 94:323.12:321.64:329.17/.18(430)«93/194»

Б. Л. Хавкин
РГГУ, г. Москва

РАСИЗМ И АНТИСЕМИТИЗМ КАК ОСНОВЫ НАЦИСТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье раскрыта политика нацистского государства, в которой важнейшая роль принадлежала расизму и антисемитизму. Показано, что между «национально-социальным» государством Гитлера и преступной политикой нацистов существовала прямая связь. Расовая теория служила инструментом подготовки к войне. К началу Второй мировой войны антисемитизмом было пропитано всё германское общество. В условиях войны продолжением нацистской политики дискриминации евреев стало их уничтожение.

В гитлеровском рейхе расизм, т. е. учение о неравенстве человеческих рас, причем в наиболее примитивной его форме, стал не просто идеологией и политикой, но самой основой государства, целью которого было господство «высшей» арийской (нордической) расы. Согласно нацистской расовой доктрине, каждый немец имел врожденное предрасположение к тому, чтобы занимать главенствующую позицию по

отношению к другим, «низшим» типам людей, в жилах которых течет «худшая» кровь. Таким образом, расистские концепции становились «аргументами» в пользу господства немцев над миром. Любые ведущие к этой цели средства полностью оправдывались [1, с. 40–41]. На расовой основе шла консолидация «арийского народного сообщества». Нацистская идеология, подчеркивая различия вне нации, смягчала классовые противоречия внутри нее. Национальный социализм обеспечивал немцам социальную стабильность и рост уровня жизни. По этой причине нацистский режим поддерживали до 95 % немцев [2].

Между «национально-социальным» государством Гитлера и чудовищными преступлениями нацизма была прямая связь: это были две стороны одной медали. Расовая теория и практика национального социализма служила идейной подготовкой к «расовой» войне и обоснованием ненависти к «врагам высшей расы»; ограбление и массовое убийство «расовых врагов» поддерживало на плаву социальное государство Гитлера².

Расовыми вопросами в Третьем рейхе ведали: «генеалогическое бюро» при личном штабе рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, управление по расовым вопросам при центральном аппарате нацистской партии (НСДАП), соответствующий отдел главного управления имперской безопасности (РСХА), децернат (отдел) в составе гестапо. Всего в центральном аппарате нацистского государства, партии и СС «расовыми вопросами» занимались 124 подразделения [3].

Для национальной консолидации немцев по «чистоте крови» нацистам нужен был «вечный враг», в борьбе против которого следовало сплотиться. Роль «врагов высшей расы» отводилась евреям. Разумеется, антисемитские предрассудки возникли задолго до нацистского Третьего рейха. Они существовали столько веков, сколько евреи жили в Германии. Первые документальные сведения о поселениях евреев в Германии содержатся в указах древнеримского императора Константина Великого (321, 331 гг. н. э.) и относятся к еврейской общине Кёльна. С X в. евреи постоянно жили в стране «Ашкеназ», (так они на языке идиш называли Германию) в еврейских кварталах – гетто в Аахене, Кёльне, Майнце,

² На первый взгляд финансовые средства, влившиеся в военную кассу рейха в результате экспроприации европейских евреев (15–20 млрд. рейхсмарок, или 5 % военных расходов Германии), были не столь велики. Однако, поскольку эти расходы на 50 % финансировались за счет кредитов, добавочный доход расширял рамки кредитования на равную сумму. Эффект, таким образом, удваивался. Эти вливания в экономику рейха позволяли справляться с пиковыми нагрузками военного бюджета в кризисные моменты. Они позволяли руководству рейха щадить подавляющее большинство немецких налогоплательщиков, хорошо оплачивать военнослужащих, финансировать закупки оружия и военное строительство. Все это способствовало поддержанию внутренней стабильности в Германии, а также готовности к коллаборационизму в оккупированных странах.

Трире, Франкфурте, Шпейере, других немецких городах, осуществляли торговлю и финансовые операции между Северной и Южной Германией, а также между германскими землями и соседними странами. Это вызывало зависть и ненависть соседей-конкурентов. Свою роль в формировании антисемитских предрассудков сыграли и христианские церкви – как католическая, так и протестантские. В средние века в Германии периоды временного преуспеяния евреев в разных немецких городах сменялись их изгнанием и погромами.

В XVIII–XIX вв. эмансипация немецких евреев шла быстрыми темпами. 3 июля 1869 г. в Пруссии был принят закон об отмене «всех еще существующих ограничений в гражданских и политических правах, вытекающих из принадлежности к вероисповеданию» [4, с. 495]. Этот закон открыл евреям доступ к должностям в правительственных учреждениях, включая судебное ведомство, и к преподавательской деятельности во всех государственных учебных заведениях. В остальных немецких государствах закон вошел в силу после завершения объединения Германии в 1871 г. Евреи формально стали полноправными гражданами рейха, но антисемитские предрассудки еще долго были живы, даже в просвещенной академической среде. Однако в конце XIX – начале XX в. немецкие евреи добились религиозного, экономического и социально-политического равноправия.

В Веймарской республике «немцы Моисеевой веры», которые составляли менее 1 % населения Германии, насчитывавшего примерно 66 млн человек, были полноправными гражданами, полностью интегрированными во все сферы жизни общества и государства. Несмотря на столь малый процент населения, евреи до прихода нацистов к власти играли заметную роль в общественно-политической, экономической, финансовой, научной и культурной жизни страны. Немецкие граждане «Моисеевой веры» занимали 12 % должностей преподавателей университетов, еще 7 % преподавателей были крещёные евреи. Евреями были 5 % литераторов и редакторов. В 1933 г. в Германии 16 % адвокатов, 11 % врачей были евреями. Евреям принадлежало 20 % частных банков, 40 % торговли текстилем, 80 % универмагов [5, с. 28–41].

Среди наиболее известных в Германии и мире еврейских имен были промышленники Р. Геснер и Ф. Мандель, банкиры О. Вассерман и М. Варбург, философы Г. Коген и Э. Гуссерль, социолог Г. Зиммель, математики Г. Кантор, Г. Минковский, бактериолог П. Эрлих, химик Ф. Габер, физики А. Эйнштейн, М. Борн, Д. Франк, О. Штерн, Ф. Блох, О. Вигнер, Г. Бете, Д. Габор, Л. Силард, Э. Теллер, медики Б. Хаин и Г. Кребс, композитор Ф. Мендельсон, художник М. Либерман, писатели

Э. Людвиг, Л. Фейхтвангер, А. Цвейг, режиссеры М. Рейнхардт и Г. Фукс. Евреи были лидерами социал-демократов и коммунистов: К. Маркс, Э. Бернштейн, В. Адлер, Г. Хаазе, Э. Толлер, Р. Люксембург, К. Эйсер, Э. Левине. Евреи занимали видные посты в правительстве Веймарской республики и в правительствах германских земель: В. Ратенау, Г. Ландауэр, О. Ландсберг, Г. Пройс.

Политика дискриминации евреев началась сразу после прихода Гитлера к власти. С января 1933 г. до 1 сентября 1939 г. в Германии на государственном, земельном, коммунальном уровне было проведено 1448 антиеврейских акций, по 20 мероприятий каждый месяц [6, s. 200]. Этого было более чем достаточно, чтобы сделать немцев, в целом равнодушных к проблемам еврейского меньшинства, враждебными или недоброжелательными по отношению к евреям.

В апреле 1933 г. нацисты развернули кампанию бойкота против магазинов и лавок, принадлежавших евреям. В том же месяце был принят Закон о восстановлении профессионального чиновничества, преградивший «неарийцам» доступ на государственную службу: чиновники евреи подлежали увольнению или досрочному уходу на пенсию. Накладывались ограничения на адвокатов еврейского происхождения; началось изгнание евреев-профессоров из высших учебных заведений. Законом от 25 апреля 1933 г. «О переполнении немецких средних и высших учебных заведений» была установлена 1,5 % норма для учащихся-евреев. «С 1933 г. евреи в Германии подлежат государственно-правовым ограничениям как неарийцы», – разъяснялось в «Народном Брокгаузе» – словаре для школы и дома [7].

Степень расовой нетерпимости нацистов с годами все более нарастала: нацистский антисемитизм был не только религиозным, политическим или социально-бытовым, но и, прежде всего, расовым: еврейство определялось по крови. К евреям нацисты относили не только тех, чьи предки во втором колене исповедовали иудаизм или имели еврейских предков. К евреям приравнивали тысячи людей, отошедших от веры или перешедших из иудаизма в другую религию, вплоть до католических священников и монахинь, а также пасторов-протестантов, чьи предки во втором колене были евреями.

15 сентября 1935 г. на съезде НСДАП в Нюрнберге были провозглашены расовые законы – «О гражданстве рейха» и «Об охране германской крови и германской чести», единогласно принятые сессией рейхстага, специально созванной в Нюрнберге по случаю съезда нацистской партии. Согласно закону «О гражданстве рейха», гражданином мог быть лишь тот, кто обладает «германской или

родственной ей кровью и кто своим поведением доказывает желание и способность преданно служить германскому народу и рейху». Такая формулировка фактически означала лишение немецкого гражданства в первую очередь евреев и цыган. Закон «Об охране германской крови и германской чести» запрещал «осквернение расы» – брак и внебрачное сожитие между евреями и «гражданами германской или родственной ей крови», наём евреями домашней прислуги из женщин «германской или родственной ей крови» моложе 45 лет, а также вывешивание евреями национального или имперского флага и использование тканей сходной расцветки. Нарушение закона влекло уголовное преследование.

14 ноября 1935 г. была принята поправка к закону о гражданстве, где было определено, кого считать евреем, и установлены категории лиц с еврейской кровью: «Евреем считается тот, у кого трое из родителей его родителей были чистокровные евреи... Евреем считается также человек, родившийся в смешанном браке, поданный государства, происходящий от двух чистокровных евреев-родителей его родителей, если он а) в момент издания закона принадлежал к иудейской общине или был принят в нее позднее; б) в момент издания закона состоял в браке с евреем или вступил в такой брак позднее; г) является внебрачным ребенком, один из родителей которого был евреем» [8, s.113–120]. Потомки евреев, которые не считались евреями, были разделены на две категории «мишлингов», в первую входили те, у кого двое из дедушек и бабушек были евреями, а во вторую те, у кого только один из дедушек или одна из бабушек были евреями.

К началу Второй мировой войны евреи были отгорожены от так называемого «немецкого народного сообщества» сотнями законов и распоряжений, претворяемых в жизнь не только убежденными нацистами, но и большинством простых немцев – членов «народного сообщества», а также чиновниками, юристами, полицией, армией, прессой, школой и т. д. Евреи были лишены не только своих гражданских прав, но и, как правило, потеряли свои рабочие места и места на студенческой скамье. Евреи лишались большинства гражданских и имущественных прав, попали под надзор полиции, в их паспортах ставился красный штамп «J» («юде») и вписывалось второе принудительное имя: мужчинам – Израиль, женщинам – Сара. С 19 сентября 1941 г. все евреи были обязаны носить на одежде желтую шестиконечную звезду. Таким образом, все евреи были поставлены под непосредственный полицейский контроль; по отношению к ним гражданское право уже не действовало. По сообщениям СД, распоряжение о ношении евреями звезды Давида было признано немецкой

общественностью вполне своевременной мерой: все евреи теперь были на виду. Многие немцы стали с удивлением замечать, как много еще евреев в Германии: на 1 октября 1941 г. евреев в Германии было 163692, а к началу депортаций на Восток – 131823 [9, с. 76].

Евреев терроризировали как государство, так и отдельные нацисты. Большинство немецких христиан сторонились евреев, относились к ним с презрением и враждой. Значительная часть «простых немцев» писала доносы на своих соседей-евреев. К этому следует добавить многочисленные запреты: евреям запрещалось служить в госучреждениях, вступать в браки с «арийцами», посещать немецкие детские сады, школы, университеты, театры и кинотеатры, концерты, выставки, общественные парки, бани и бассейны, преподавать во всех видах учебных заведений (кроме еврейских), лечить и обсуживать не евреев, покупать газеты (кроме еврейских), работать в научных учреждениях, владеть автомобилями и ездить на них, иметь свои предприятия (кроме мелких семейных лавок и мастерских)³, владеть недвижимостью, наследовать от арийцев имущество, держать домашних животных, пользоваться общественными телефонами, владеть и пользоваться радиоприемниками и пишущими машинками; вводились ограничения на общественном транспорте. Нормы снабжения евреев по продуктовым карточкам были значительно ниже «арийских»; на «отоваривание» карточек отводился лишь один час – с 16 до 17 часов. За торговлю и обмен вещей на продукты на «черном рынке» полагался концлагерь.

В Третьем рейхе антисемитизм воспитывался с раннего детства. В 1936 г. в нацистском издательстве Юлиуса Штрейхера⁴ «Дер Штюрмер» была издана детская книжка-картинка 21-летней фройляйн Эльвиры Бауер, название которой можно перевести так: «Не верь лису, когда он крадется, не верь жиду, когда он клянется» [10]. Название книжки является аллюзией на памфлет Мартина Лютера «О евреях и их лжи» (1543 г.). Антисемитская поделка Эльвиры Бауэр имела огромную популярность не только в детских садах и подготовительных школах, но и среди взрослого населения Германии: ее тираж составил 100 000 экземпляров.

Журнал «Штурмовик» опубликовал восторженную рецензию на эту книжку: «Кто хочет говорить с детьми, тот должен знать детский язык и уметь воспитывать подрастающее поколение. Эльвира Бауер знает, что

³ 26 марта 1938 г. был принят декрет о запрете регистрации еврейской собственности на сумму более 5 тыс. марок. 12 ноября 1938 г. – декрет об исключении евреев из немецкой хозяйственной жизни. 3 декабря 1938 г. – закон об обязательной «ариизации» еврейских предприятий (т. е. продаже принадлежащих евреям предприятий немцам).

⁴ 16 октября 1946 г. Юлиус Штрейхер был повешен по приговору Нюрнбергского трибунала.

нужно сказать большим и маленьким. Дети будут благодарить её за то, что она написала свою первую и лучшую книгу, которую можно подарить в новом Рейхе на каждое Рождество... Но не только для маленьких детей Эльвира Бауер написала эту неповторимую книгу. Книга рассчитана и на больших, поскольку: покуда есть ещё люди, которые думают, что после крещения еврей становится не-евреем; покуда есть ещё люди, которые не видят в якобы «приличном еврее» жестокого дьявола; покуда есть ещё люди, которые принимают еврея за товарища; покуда есть ещё люди, которые думают, что благо идёт от еврейского народа; покуда есть ещё такие люди, для них и написала эту книгу Эльвира Бауер» [11].

В 1938 г. издательство «Дер Штюрмер» напечатало детскую книжку Эрнста Химера с рисунками Филиппа Руппрехта (псевдоним Фипс) «Поганка»⁵. Уже за первый год после публикации ее тираж достиг 60 000 экземпляров. Что увидели и прочли немецкие дети в этой книге? Сцена первая. Два колоритных еврея держат папки. Сзади запуганные мать с сыном. Подпись: «Ну, коллега Моргентау, мы сделали хорошее дело. Прекрасно, коллега Зильберштейн! Вот мы и отняли у гоев их деньги – положим эти деньги в наш мешок». Сцена вторая. Баварская семья смотрит на деревянный крест. «Если вы видите крест, тогда думайте о том, как евреи жестоко убили Христа». Сцена третья. Четверо евреев разрезают теленка. В окно подглядывают назойливые дети. Подпись: «Опять свалили животное. Оно медленно умирает. Евреи стоят рядом и смеются». Сцена четвертая. Сюжет из школьной жизни: «Как распознать еврея? 7-й класс мальчиков под руководством учителя Биркмана оживился. Учитель рассказывает о евреях... Дети тянут руки. Маленький Карл берет указку, идет к доске, чтобы объяснить рисунки. «Еврея можно распознать по его носу. Кончик еврейского носа немного изогнут. Поэтому он выглядит как шестерка. Но изогнутые носы бывают и у не-евреев. У таких людей нос изогнут не вниз, а вверх. Такой нос называют крючковатым или орлиным носом. Этот нос не имеет ничего общего с еврейским. «Правильно!» – говорит учитель – «но еврея можно распознать не только по носу». Мальчик говорит дальше: «Еврея можно распознать и по губам. Еврейские губы вздуты. Очень часто нижняя губа немного выдается вперед. Поэтому говорят: «висячка». Еврея можно распознать и по глазам. Его веки, как правило, толще и мясистее, чем наши. Взгляд еврея подстрекающий и колющий. Сразу видно, что он лжец. Другие ученики называют прочие свойства, из которых видно, что евреи – предатели, даже если еврея не сразу можно распознать по виду» [12].

⁵В 2013 г. министерство юстиции России внесло книжку «Поганка» в список экстремистских материалов.

Ядом расизма и антисемитизма было отравлено немецкое школьное образование. Учебный материал всех школьных предметов включал в себя пропаганду милитаризма, идей превосходства «арийской» расы и ненависти к евреям. Вводилось обязательное преподавание «расовой теории и гигиены» [13, с. 57]. Не только биология и история, но физика и математика преподавались с позиции расизма и антисемитизма. Например, школьникам предлагалось решить такую арифметическую задачу: «Евреи являются врагами Германии. В 1933 году население Третьего рейха составляло 66060000 жителей, из которых 499682 были евреями. Сколько процентов населения были нашими врагами?» [14].

Результаты нацификации образования и науки оказались катастрофическими. В учебниках и лекциях история фальсифицировалась до нелепости: Христос был объявлен «арийцем», а средневековая Священная Римская Империя германской нации – предтечей нацистского Третьего рейха. Расовые науки, провозглашавшие немцев высшей расой и клеймившие евреев как источник всех зол на земле, были еще более смешотворны. В одном только Берлинском университете новый ректор, в прошлом штурмовик, по профессии ветеринар, учредил 25 новых курсов по расовой науке, а ко времени, когда он по существу развалил университет, в нем велось преподавание 86 курсов, связанных с его профессией.

Преподавание естественных наук, чем в течение многих поколений славилась Германия, быстро пришло в упадок. Уволили или заставили уйти в отставку таких ученых, как физики Эйнштейн и Франк, химики Габер, Вильштеттер и Варбург. Из тех, кто остался, многие были заражены бредовой нацистской идеологией и пытались приложить ее к науке. Они стремились преподавать «немецкую физику», «немецкую химию» и «немецкую математику». В 1937 г. вышел в свет первый номер журнала «Немецкая математика». В редакционной статье провозглашалось: любая идея, утверждающая, что математика может рассматриваться вне расовой теории, «несет в себе зародыш гибели немецкой науки».

Директор института физики в Дрездене Рудольф Томашек, разоблачая «еврейскую физику», писал: «Современная физика есть орудие мирового еврейства, призванное уничтожить нордическую науку... Истинная физика есть создание немецкого духа... По существу, вся европейская наука есть плод арийской или, точнее, германской мысли». Профессор Вильгельм Мюллер из технического вуза в Ахене обнаружил всемирный заговор евреев с целью осквернить науку и тем самым уничтожить цивилизацию, о чем он поведал в книге под названием «Еврейство и наука». Теорию

Эйнштейна, на которой зиждется современная физика, нацистский профессор считал теорией, направленной «с самого начала и до конца на преобразование существующего, то есть нееврейского, мира». Всемирное признание теории относительности Эйнштейна, по мнению профессора Мюллера, явилось, по существу, «взрывом радости в предвкушении еврейского правления миром» [15, с. 289–290].

Антисемитизм производился в Третьем рейхе не только для внутреннего потребления, но и на экспорт. Современный немецкий историк Али Гётц пришел к выводу, что германское правительство преднамеренно занималось экспортом антисемитизма. Это доказывает, например, циркулярное письмо «Еврейский вопрос как фактор внешней политики в 1938 г.», направленное имперским министерством иностранных дел в зарубежные представительства рейха: «Выезда в 1938 г. из рейха (Германии и Австрии)⁶ 100000 евреев хватило для того, чтобы разбудить во многих странах ощущение, а то и осознание еврейской опасности. Полагаем, что еврейский вопрос тогда станет проблемой международной политики, когда большие массы евреев из Германии, Польши, Венгрии, Румынии придут в движение вследствие растущего давления на них народов стран, в которых евреи являются гостями» [16, с. 352].

В 1938 г. еврейский вопрос стал темой большой политики. На международной конференции, созванной по инициативе президента США Франклина Рузвельта 5–16 июля 1938 г. во французском курортном городе Эвиане, представители 32 государств обсуждали проблему эмиграции немецких и австрийских евреев. В Эвиане не было официальных делегаций СССР, а также Германии и ее союзников Италии, Венгрии и Японии. Однако в качестве «наблюдателей» на конференции присутствовали представители евреев Германии (руководитель делегации д-р Отто Хирш, д-р Пауль Эпштейн, д-р Вернер Розенберг, д-р Михаэль Трауб) и Австрии (руководитель делегации д-р Лёвенгерц, д-р Нойман и банкир Шторфер) [17, л. 11, 12, 25, 27]. Для Эвианской конференции был подготовлен план эмиграции из Германии 200 тыс. чел. в течение 4 лет. Автор плана – социолог и экономист, член правления «Имперского представительства немецких евреев» Пауль Эпштейн рассматривал Эвианскую конференцию как последний шанс немецких евреев эмигрировать из страны. Финансировать эмиграцию покидающие Германию евреи должны были за свой счет при поддержке благотворительных организаций: в Эвиане был сформулирован принцип

⁶После «аншлюса» Австрии 11–12 марта 1938 г. австрийские евреи подпадали под действие «Нюрнбергских законов» и других антисемитских актов Третьего рейха.

финансирования приема беженцев не государствами, а частными организациями. Но план Эпштейна принят не был: «В существующих условиях международные еврейские организации не в состоянии взять на себя общие расходы на переселение евреев из Германии» [18, л. 2–2об.], а государства-участники конференции не желали нести эти расходы. Конференция не была в состоянии обязать то или иное государство принять больше беженцев, чем это предусматривали правила каждой страны. Так что конкретные предложения потонули в общих разговорах.

Созданный по решению Эвианской конференции в Лондоне Межправительственный комитет по делам беженцев не получил ни достаточного финансирования, ни реальных полномочий. Комитет обращался к различным странам мира с призывом открыть границы перед еврейскими беженцами, чтобы эмиграция из Германии была организована в определенных рамках, а беженцам было позволено брать с собой хотя бы часть своей собственности. Однако большинство стран не желали пускать к себе преследуемых евреев. К тому же позиция Третьего рейха была непреклонной: «Всякое сотрудничество с исполнительным комитетом по вопросу немецких евреев для Германии принципиально исключается... Если будет поднят вопрос о содействии Германии в решении проблемы беженцев, я прошу по возможности не вступать по этому вопросу в дискуссию, чтобы ни в коем случае не пробуждать за рубежом надежду на участие Германии в трансфере еврейской собственности за границу», – подчеркивал начальник политического отдела имперского министерства иностранных дел (МИД) штандартенфюрер СС Эрнст Вёрман [17, л. 44–44об.]. В отношении проблемы беженцев государственная тайная полиция занимала аналогичную МИД позицию: «Речь идет о внутригерманской проблеме, стоящей вне всяких дискуссий. На вопрос, может ли Германия облегчить трансфер капитала, сосредоточенного в руках евреев, следует дать отрицательный ответ. Германия не может позволить вывоз за границу капитала, накопленного евреями в основном после войны. Поэтому сотрудничество Германии с представителями заседающих в Эвиане государств невозможно» [18, л. 101об.].

Еще осенью 1937 г. началась систематическая «ариизация», т. е. изъятие имущества и собственности немецких евреев. В 1938 г. власти Германии ввели новые принудительные меры против евреев, наложили на них «контрибуцию», а к 1939 г. завершили конфискацию «еврейских предприятий». 9 ноября 1938 г. настала «Хрустальная ночь» – общегерманский еврейский погром, ответственность за который нацисты возложили на его жертв. Нагнетание антисемитизма в Германии,

отказ от реальной помощи евреям со стороны мирового сообщества, а также развязанная гитлеровским рейхом Вторая мировая война сделали возможным нацистское «окончательное решение еврейского вопроса».

Физическому уничтожению нацистами евреев Европы предшествовала попытка их депортации в Африку. В мае 1940 года рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер в меморандуме на имя Гитлера подчеркивал: «Я надеюсь, что увижу, как само понятие “еврей” исчезнет после большой эмиграции всех евреев в Африку или в какую-либо другую колонию» [19, s. 197]. Летом 1940 г. в МИД Германии и в Главном управлении имперской безопасности (РСХА) был разработан план депортации европейских евреев на остров Мадагаскар. За 4 года гитлеровцы планировали отправить на Мадагаскар до 4 млн европейских евреев – по одному миллиону в год [20]. Об этом плане свидетельствуют документы «малых» Нюрнбергских процессов над нацистскими военными преступниками, которые проходили под эгидой США [21]. План «Мадагаскар» приводится в книге профессора Свободного университета в Брюсселе Ханса Янсена [22, s. 341–342].

Историк Герман Грамль (ФРГ) о «Плане Мадагаскар» писал: «О том, как усилилась тенденция к массовым убийствам, свидетельствует, не в последнюю очередь, “План Мадагаскар”, который летом 1940 г. детально разрабатывался РСХА и министерством иностранных дел. Этот план обычно оценивается как последнее проявление политики эмиграции евреев. На самом же деле этот план следует рассматривать как выражение политики, направленной на уничтожение евреев, но не оружием и газом, а силами природы. План исходил из очевидного ожидания, что европейские евреи – нацисты стремились распространить преследования евреев на весь континент – должны были умереть мучительной смертью, лишённые привычных условий жизни и труда, запертые на острове, климат которого был одним из самых нездоровых на земле» [23, s. 169]. Идею депортации евреев на Мадагаскар поддержал начальник внешнеполитического управления нацистской партии рейхсляйтер Альфред Розенберг [24].

24 июня 1940 г. начальник РСХА Р. Гейдрих направил рейхсминистру иностранных дел Й. фон Риббентропу письмо следующего содержания: «Со дня, когда мое ведомство занялось этой задачей, т. е. с 1 января 1939 года, и по сегодняшний день, территорию рейха покинули, в общей сложности, больше 200 000 евреев. Но проблема в целом – речь идет о почти 3¼ миллионах евреев на территориях, находящихся в настоящее время под немецким управлением – более не может быть решена путем эмиграции. Поэтому необходимо территориальное окончательное

решение» [25, вл. 9]. Так в нацистских документах применительно к «еврейскому вопросу» появился термин «окончательное решение», пока, правда, лишь территориальное.

В связи с неспособностью нанести поражение Великобритании, немецкое вторжение на Британские острова, как и «Проект Мадагаскар», были отложены на неопределенное время, а затем вовсе утратили актуальность. 10 февраля 1942 г. начальник «еврейского реферата» МИД Германии Ф. Радемахер в письме начальнику отдела Африки МИД Э. Бильфельду так объяснял причины отказа от «Плана Мадагаскар»: «В соответствии с этим планом фюрер поручил группенфюреру Гейдриху осуществить окончательное решение еврейского вопроса в Европе. Но... война с Советским Союзом предоставила возможность использовать для окончательного решения другие территории. В связи с этим фюрер решил высылать евреев не на Мадагаскар, а на восток. Потому Мадагаскар больше не следует рассматривать в качестве окончательного решения» [26, s. 403].

Новым планом «окончательного решения» еврейского вопроса, одобренным нацистами на Ванзейской конференции 20 января 1942 г., предписывалось депортировать евреев в гетто и лагеря смерти на востоке Европы, прежде всего – в Польше. Жертвой «окончательного решения» стала третья часть еврейского народа – 6 млн евреев Европы [27, с. 167]. Приказ об «окончательном решении еврейского вопроса» Гитлер отдал летом 1941 г. По свидетельству коменданта Освенцима Рудольфа Гёсса, его срочно вызвали к рейхсфюреру СС Гиммлеру, который сообщил Гёссу, что «фюрер приказал окончательно решить еврейский вопрос, мы – СС – должны выполнить этот приказ» [28, s. 153]. На вопрос, «что следует понимать под «окончательным решением еврейского вопроса», атташе полиции безопасности и СД «уполномоченный по делам евреев» при германском посольстве в Бухаресте штурмбанфюрер СС Густав Рихтер дал ясный и однозначный ответ: «Окончательное разрешение еврейского вопроса означало полное физическое истребление евреев во всех оккупированных германскими войсками странах Европы. Первое секретное распоряжение об уничтожении евреев было дано Герингом начальнику полиции безопасности и СД Германии Гейдриху 31 июля 1941 года. Это распоряжение я читал лично в Берлине, будучи на приеме у Эйхмана, который по поручению Гейдриха непосредственно руководил истреблением евреев» [29, л. 17–27].

Израильский историк Ицхак Арад приводит такие данные: до 1933 г. в Германии жили 566 тыс. евреев; 25–30 тыс. немецких евреев до начала Второй мировой войны эмигрировали в другие европейские страны

и были уничтожены вместе с местными евреями. Большинство оставшихся в живых эмигрировали до 23 октября 1941 г., когда еврейская эмиграция из рейха была запрещена. Отправка в лагеря смерти началась в октябре 1941 г., когда 20 тыс. немецких евреев, ранее вывезенных в Лодзинское гетто, были отправлены в лагерь уничтожения Хелмно. В это время верхушка СС пришла к выводу, что оккупированная территория СССР больше подходит для ликвидации евреев из Германии и Австрии. С ноября 1941 по декабрь 1942 года в Каунас, Ригу, Минск, где действовали эйнзацгруппы СС, прибыли транспорты с 60 тыс. депортированными немецкими евреями. Часть из них были убиты сразу, других отправили в Рижское и Минское гетто, где они были уничтожены вместе с местными евреями.

Историк из ФРГ Мартин Броскат подчеркивал, что «преступное массовое уничтожение евреев нельзя воспринимать как простое продолжение дискриминации евреев, основанной на законодательстве начиная с 1933 г. С точки зрения процедуры это был настоящий прорыв, который имел, таким образом иное качество, чем вся предыдущая практика. Предварительные законы и постановления, которые шаг за шагом продолжали дискриминировать евреев в Германии, поставили их в исключительное положение и сгоняли в общественное гетто, открыв, таким образом, путь для “окончательного решения”. Усилившийся процесс расщепления правового принципа мероприятиями, имеющими форму закона, в конечном итоге перешел в преступную акцию, абсолютно лишенную формы и законности» [30, с. 216].

Полигоном для «окончательного решения» нацисты избрали территорию Польши. Первоначальный приказ Гиммлера, изданный осенью 1941 г., требовал уничтожения всех евреев генерал-губернаторства (так нацисты называли Польшу) без исключения. Затем приказ был изменен: работоспособных евреев следовало направлять на предприятия военной промышленности, где «уничтожать путем работы» («Vernichtung durch die Arbeit») [31, s. 114–116]. Немецкие евреи «уничтожались путем работы» на военных предприятиях рейха, или отправлялись «для дальнейшего трудового использования» и уничтожения на восток Европы.

Нередкими были случаи, когда евреи всеми правдами и неправдами добывали себе новые, «арийские» документы, меняли фамилии, старались, чтобы спасти жизнь, стать, например, из полукровок четвертькровками – это давало шанс на спасение. Словом, многие пытались «улучшить» свою родословную хотя бы на одну ступеньку. Спасти от депортации могло заключение о «чистоте расы», выданное на основе экспертизы «генеалогического бюро» СС.

В 1943 г. в советский плен попал бывший офицер личного штаба Гиммлера гауптштурмфюрер СС Эрих Цильке – эксперт по вопросам «чистоты расы». Судьба сыграла с ним злую шутку. Эсэсовец, не лишенный плохо скрываемых гомосексуальных наклонностей, домогался сексуального расположения юноши, который был объектом его экспертизы. Дело получило огласку: Цильке был лишен эсэсовского чина, уволен со всех постов и в звании армейского капитана отправлен на Восточный фронт, где и попал в плен. В Суздальском лагере для военнопленных его допрашивал лейтенант Александр Бланк. После войны доктор исторических наук профессор А. С. Бланк стал одним из ведущих советских германистов, у которого автору этих строк посчастливилось учиться.

А. С. Бланк вспоминал: «Цильке служил под началом оберфюрера СС д-ра Вальтера Вюста в “генеалогическом бюро” при личном штабе рейхсфюрера СС и был экспертом по расовым вопросам. Функции его заключались в том, чтобы в спорных и недостаточно ясных случаях выносить окончательное решение. Но когда что-либо вызывало подозрение или следовал донос в гестапо (а ведь доносы на своего соседа, сослуживца, друга, собутыльника, конкурента, приятеля и т. д. принимали в нацистском рейхе гигантские масштабы), а документальные подтверждения подлога отсутствовали – словом, когда случай был запутанным и сложным, тогда призывали на экспертизу Эриха Цильке. Как же проводил Цильке свою экспертизу? Сначала он “заводил какую-нибудь живую беседу с проверяемым. Наблюдал за тем, как он смеется, реагирует на шутки, жестикулирует, насколько быстро входит в контакт, – одним словом, все его поведение во время живого, непринужденного и остроумного разговора без напряжения”. Это был первый этап проверки. На втором этапе проверяемого официально вызывали в гестапо, где измеряли расстояние между глазами, высоту лба, форму носа, длину шеи и т. д. Но самым главным показателем для Цильке были глаза. “Что-что, а глаза не могли обмануть меня никогда, – утверждал Цильке. – Заглянув в них, я видел “мировую скорбь” тысячелетий, если она там присутствовала”. По “формуле Цильке”, при одной восьмой и даже одной четвертой еврейской крови “мировая скорбь” не просматривалась, а при “чистокровности” и “полукровности” – непременно. На основании заключений, вынесенных Цильке, сотни людей были отправлены в лагеря уничтожения – в газовые камеры и печи крематориев»[32, с. 38–40].

Национал-социалистический режим планировал массовое истребление других «не арийских» европейских народов, в частности,

славян. Генеральный план «Ост» предусматривал порабощение, изгнание или уничтожение более 30 млн поляков, русских, украинцев, белорусов и поселение на землях «упраздненной» нацистами Польши и на европейской части Советского Союза 5 млн немцев [33, с. 222–251]. «Восток отныне принадлежит СС», – заявлял рейхсфюрер СС Г. Гиммлер [32, с. 38–40]. В 1938 г. развернулась массовая отправка в концлагеря цыган. В 1939 г. и особенно с началом Второй мировой войны нацистский расизм перешел от преследований меньшинств к их уничтожению. Уже в 1939–1940 гг. национал-социалисты приступили к депортациям и эпизодическим казням еврейского населения европейских стран: на территориях, оккупированных гитлеровскими войсками, создавались гетто, власти разрабатывали планы выселения евреев из Европы. Наконец, с 1941 г. после нападения Германии на СССР развернулось систематическое массовое уничтожение еврейского и цыганского населения. На Ваннзейской конференции 20 января 1942 г. был принят план «окончательного решения еврейского вопроса». Всего от нацистского расового террора погибли до 6 млн евреев и до 1,5 млн цыган [27, с. 167].

Источники и литература

1. Проэктор, Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели / Д. М. Проэктор. – М. : Наука, 1989. – 584 с.
2. Götz, A. Hitlers Volkstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus / A. Götz. – Frankfurt am Main : S. Fischer Verlag, 2005. – 480 s.
3. Хавкин, Б. Л. «Вечный враг арийской расы» / Б. Л. Хавкин // Независимое военное обозрение, 18. IX. 2015.
4. Очерки по истории еврейского народа. Под ред. проф. С. Эттингера. – Тель-Авив : Амовед, 1972. – 916 с.
5. Гутман, И. Катастрофа и память о ней / И. Гутман, Н. Галиль. – Иерусалим : Яд Вашем, 2008. – 298с.
6. Herbst, L. Das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945 / L. Herbst. – Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1996. – 494 s.
7. Der Volks-Brockhaus. Deutsches Sach- und Sprachwörterbuch für Schule und Haus. – Leipzig : Brockhaus F. A., 1938. – 705 s.
8. Verfolgung – Vertreibung – Vernichtung: Dokumente des faschistischen Antisemitismus: 1933–1942. – Leipzig : Verlag Philipp Reclam, 1987. – 365 s.
9. Пленков, О. Ю. Тайны Третьего Рейха. Рай для немцев / О. Ю. Пленков. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 480 с.

10. Trau keinem Fuchs auf grüner Heid und keinem Jud bei seinem Eid. Ein Bildbuch für Groß und Klein von Elvira Bauer. – Nürnberg: Verlag Stürmer, 1936. – 46 s.

11. DerStürmer – 1936. – № 48.

12. Der Giftpilz. Text von Ernst Hiemer, Zeichnungen „Fips“. – Nürnberg: Verlag Stürmer, 1938. – 55 s.

13. Германова, О. Е. Молодежная политика Третьего рейха / О. Е. Германова // Труды Псковского политехнического института. – Гуманитарные науки. – 2010. – № 12. – С. 55–58.

14. Уроки ненависти: как детей учили антисемитизму [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://bg.ru/society/uroki_nenavisti_kak_detej_uchili_nenavidet-22869. – Дата обращения 20. 01. 2020.

15. Ширер, У. Взлет и падение Третьего рейха : в 2 т. / У. Ширер. – М. : Воениздат, 1991. – Т. 1. – 653 с.

16. Götz, A. Europa gegen die Juden 1880–1945 / A. Götz. – Frankfurtam Main, S. Fischer, 2017. – 432 s.

17. Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 500. – Оп. 1. – Д. 612.

18. РГВА. – Ф. 500. – Оп. 1. – Д. 649.

19. Einige Gedanken über die Behandlung der Fremdvölkischen im Osten // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. – 5. Jg. – № 2. – April 1957.

20. NG-2586. Der "Madagaskar-Plan". SS-Obersturmführer Theo Dannecker Herrn Legationssekretär Rademacher. Berlin, den 15. August 1940. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ns-archiv.de/imt/ps2401-ps2600/2586-ps.php>. – Дата обращения 20. 01. 2020.

21. Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals. V. XIII. – Washington, 1949. – Dok. NG–2586, p. 154.

22. Jansen, H. Der Madagaskar-Plan. Die beabsichtige Deportation der europäischen Juden nach Madagaskar / H. Jansen. – München : Langen / Muller, 1997. – 591 s.

23. Graml, H. Zur Genesis der „Endlösung“ / H. Graml // Der Judenpogrom 1938. Von der „Reichskristallnacht“ zum Völkermord. – Frankfurt am Main: S Fischer, 1992. – S. 160–175.

24. Rosenberg, A. Juden auf Madagaskar. 30. X. 1940. (Неопубликованная рукопись) / A. Rosenberg // Centre de documentation juivecontemporaine. – Paris. – CXLVI–51.

25. Latvijas Valsts Vēsturesarhīvs. –P. 1026. – Op. 1. – B. 3. – Bl. 9.

26. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918–1945. Serie E: in 8 b. – Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht in Göttingen, 1969. – B. 1. – 582 s.

27. СС в действии. Документы о преступлениях СС. Перевод с немецкого. – М. : СВЕТОТОН, 2000. – 624 с.

28. Kommandantin Auschwitz. Autobiographische Aufzeichnungen von Rudolf Höß. – Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1958. – 296 s.

29. Из протокола допроса штурмбанфюрера СС Густава Рихтера от 5 октября 1947 г., Москва // Центральный Архив ФСБ России. Д. Н-21099.

30. Бросчат, М. Закат тысячелетнего рейха / М. Бросчат. – М. : ЭКСМО, 2005. – 288 с.

31. Kühnrich, H. Der KZ-Staat / H. Kühnrich. – Berlin : Dietz Verlag, 1983. – 231 s.

32. Хавкин, Б. Л. Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера / Б. Л. Хавкин. – М. : Алгоритм, 2014. – 224 с.

33. Пикер, Г. План «Ост» / Г. Пикер, С. Хаффнер. – М. : Алгоритм, 2011. – 256 с.

УДК 94(47+57)«1941/45»

Л. С. Скрябина

БелГут, г. Гомель

ВОЗДЕЙСТВИЕ НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И ПОЛИТИКИ НА НАСЕЛЕНИЕ ОККУПИРОВАННОЙ БЕЛАРУСИ (1941–1944)

В статье автор предпринял попытку проанализировать изменения в настроениях и поведении населения Беларуси в зависимости от фашистской пропаганды. Кроме того, показано влияние немецкой аграрной политики, вывоза на принудительные работы в Германию, ухудшения продовольственного и материального положения на настроение и поведение людей на оккупированной территории.

С первых дней войны фашистские захватчики, наряду с массовым террором и репрессиями против советских людей, разграблением и уничтожением материальных ценностей, стали подвергать население оккупированных районов идеологической обработке. Ведущее место в фашистской системе идеологической обработки населения отводилось пропаганде. Для этого существовал специальный аппарат во главе с министерством пропаганды, возглавляемым Й. Геббельсом.

Пропагандистский аппарат оккупантов всеми имеющимися в его распоряжении средствами – через газеты, радио, кино, лекторов – стремился искоренить сложившуюся систему ценностей и, прежде всего, “вылечить народ от большевизма”, дискредитировать партизанское движение, убить веру людей в победу Красной Армии, свернуть их с пути активной борьбы против захватчиков.

При этом нацистские пропагандистские материалы стремились убедить жителей Беларуси, что армия вермахта воюет не против русского народа, а против ненавистного сталинского режима, т. е. «доблестная армия» освобождает весь народ от большевизма. Поэтому от местного населения требовалось лишь спокойствие и экономическая поддержка. В этой связи следует отметить, что негативные явления, имевшие место в нашей стране – принудительная коллективизация, форсированные темпы индустриализации, политические репрессии дали благодатную почву для критики сталинского руководства и советского строя.

Однако Гитлер, делая ставку на недовольство сталинским режимом, не учел тот факт, что вера в идеалы, провозглашенные большевиками, к тому времени была впитана уже очень многими советскими людьми настолько, что значительная часть их была готова умереть за политические идеи. Поэтому неслучайно в Приложении к оперативной сводке № 10 отдела пропаганды «Остланд» от 31 декабря 1941 г. говорится: «Характерно, что население возлагает вину за последние годы жизни в нужде не на большевистскую систему, а лично на Сталина. Влияние коммунистических идей еще и сегодня нельзя недооценивать. Зачастую можно слышать высказывания: «если бы жил Ленин, все было бы иначе». Большевистская пропаганда, во всяком случае, сумела путем видных строек и ложной статистики, к тому же, исключая всякую возможность сравнения, создать у людей высокое мнение о силе и правильности коммунистических идей и воспитать их в духе высокомерия и известного чувства собственного достоинства» [1, л. 41].

Демагогия, грязная клевета и ложь составляли основы фашистской пропаганды. В этой связи уместно привести выдержку из разведывательной сводки НКВД БССР, где отмечалось, что «гитлеровская агитация распространяет в массовом масштабе самые нелепые и лживые слухи среди населения городов и, особенно, в деревнях о международном положении СССР и положении на фронтах. В оккупированных районах Могилевской и Полесской областей, распространяются слухи, что Ленинград немцами взят, а до Москвы осталось им пройти 30 км. Для того, чтобы убедить население, а также своих солдат в распространяемой клевете о том, что взята Москва, командование немецкой части,

расположенной в д. Читорынка и других деревнях Быховского района, 27. 07. 41 г. устроило для солдат попойку в честь взятия Москвы». В этом же документе констатировалось: «Распространяемые немецкой пропагандой слухи разлагают население, ложь принимается за истину, т. к. о действительном положении борьбы с фашизмом сведений население не имеет» [2, л. 89–90, 122].

Анализируя далее этот и другие документы, которые содержат фактологический материал о настроениях и поведении населения, необходимо отметить, что зачастую, особенно в начале войны, советская агитационно-пропагандистская работа почти отсутствовала или была недостаточна. В подтверждение этого, приведем выдержку из сообщений работников НКВД Грачева и Казбанова: «Среди оставленных на оккупированной территории советских граждан наша агитация отсутствует. На оккупированной территории наших листовок очень мало, а поэтому у населения, которое поневоле пользуется только лживой немецкой информацией, складываются совершенно ложные представления о положении на фронтах...» [2, л. 90].

Знакомство с архивными документами дает возможность проследить как менялись настроения и поведение людей в зависимости от фашистской пропаганды и недостатка нашей контрпропаганды. Недостаточная агитация с нашей стороны, которая рассеивала бы германскую ложь, приводила к тому, что в ряде оккупированных населенных пунктах, как подчеркивалось в одной из спецсводок НКВД БССР, «жители говорят: мы давно ожидаем немцев и наконец они пришли. Такие настроения распространены среди населения следующих оккупированных деревень: Качай-Болото, Ковчицы, Даниловка, Паричи, Скална, Суловица, Злудичи, Стужки, Чирковичи, Рудня, Шатилки, Якимовка, Слобода... В результате таких настроений часть населения облегчает немецкой разведке сбор необходимых сведений оборонного значения» [2, л. 122].

Изменения в настроениях и поведении населения происходили и в зависимости от политики оккупантов. Чтобы парализовать волю жителей оккупированных районов к сопротивлению, немецкие власти вынуждены были, как отмечает польский исследователь Ю. Туронак, начать деятельность, которая «была скіравана да здабыцця сіматый у насельніцтва шляхам ідэйных уступак у галіне культуры і палітыкі, а таксама гаспадарчай дзейнасці» [3, с. 51]. При этом гитлеровцы хорошо понимали, что перетянув местное население на сторону Германии, они, тем самым, вызовут массовое антибольшевистское движение. Обратим внимание на один из документов генерального комиссариата

«Белоруссия», где указывалось: «При проведении широкой непредвзятой, возможно даже сначала для пользы дела нечестной политики, которая обещала бы населению не только уничтожение большевизма, но и указывала бы сразу новые пути и определяла бы политические и экономические цели, при первоначальном отношении и поведении большинства населения на всей восточной территории (включая и Белоруссию) было бы легче мобилизовать армии против большевизма»[4, л. 121–122].

Большие надежды, в этой связи, оккупанты возлагали на провозглашенный в феврале 1942 г. «новый аграрный порядок». В то же время следует отметить, что в первые дни немцы забрасывали наши территории антиколхозными листовками с призывом разбирать колхозное имущество, разорять колхозы, прельщали жизнью на своем участке земли со своей лошадью, коровой, выдвигая при этом лозунги: «Долой стахановщину, долой колхозы», «Что заработаешь, что даст земля и труд, то и твое». Однако, как свидетельствуют архивные документы, «немцы столкнулись с упорным нежеланием колхозников ликвидировать колхозы и разбазаривать колхозное добро». Характерно, что немцы, столкнувшись с таким настроением колхозников, особенно сильно проявившимся на территории восточных областей, резко изменили тактику. «Теперь всюду заявляют: до осени работайте и убирайте колхозом, а распределим мы лучше, чем большевистские комиссары, а потом решите, как вам лучше», – констатировалось в одном из документальных источников [5, л. 64].

Известно, что в целях осуществления полного обеспечения продуктами германских войск и населения Германии за счет оккупированных областей, прежняя колхозная система была сохранена до весны 1942 г. В соответствии с Положением «Отмена колхозов и новый порядок землепользования», опубликованным в марте 1942 г., все колхозы и названия ликвидировались, превращались в «общинные хозяйства». Кроме того, часть колхозных земель передавалась крестьянам в единоличное землепользование. Каждый крестьянский двор получал по 3–4 га земли. «Роспуск колхозов, проведенный на 100 % на территории группы армий «Центр» и «Север» в апреле 1942 г., является единственной мерой, которая сначала дала сильный толчок в нашей работе на старой русской территории», – подчеркивалось в одном из немецких документов периода оккупации. Отмечалось также, что «широко задуманные и продуманные аграрно-политические мероприятия до восстановления частного землевладения не оставляют равнодушными имеющих право на

землю крестьян и в будущем представляют ключ к решению крестьянской проблемы на Востоке» [4, л. 120].

Между тем, документы свидетельствуют, что немецкие власти и не особенно стремились завоевать доверие к ним со стороны белорусских крестьян. Определяющим фактором было стремление нацистов максимально использовать жителей деревни как основных поставщиков сельскохозяйственной продукции для обеспечения вермахта и гражданского населения Германии. Реализация поставленных задач осуществлялась путем жесткой системы реквизиций и многочисленных натуральных налогов и сборов. И когда не срабатывал принцип добровольности, применялись карательные меры. Согласно отчету Готтберга от 10. 04. 1943 г. за время только одной карательной экспедиции было уничтожено 12 946 мирных граждан, отобрано у населения 22 504 головы крупного рогатого скота, 15 944 т хлеба, 15 432 т картофеля и другое имущество [6, с. 447]. Такое развитие событий воочию убеждало крестьян в истинных намерениях «доблестной армии».

В немецких отчетах отмечалось, что «применяемые нами методы вплоть до карательных мер – нужных результатов, или даже равноценных, не дают. Весенняя кампания, проведенная нами, привела к еще большему возмущению и переходу на сторону партизан». Далее подчеркивалось «особенно ожесточенный характер это имело место в Кличевском и Осиповичском районах. В этих районах дело дошло до массового ухода в партизаны целыми семьями...» [8, л. 62].

О масштабах преступлений германских оккупационных военно-хозяйственных органов свидетельствуют многие документы: в 1941–1944 гг. у населения Беларуси было реквизировано, убито и угнано крупного рогатого скота, лошадей, свиней, овец и коз – 5638 тыс. голов на общую сумму 4096 млн. руб., разграблено запасов зерна, муки, картофеля, овощей и фруктов – 5130 тыс. т. на сумму 3 100 млн. руб. [7, с.168].

В результате осуществления немецкой аграрной политики некоторая часть крестьянства «поддалась на удочку немецкой пропаганды и уже видела себя крепкими хозяевами, наделенными колхозной землей». Однако, провозглашенный новый аграрный порядок не вызвал ожидаемого подъема настроения у населения [9, л. 258].

Вот выдержка из немецкого документа, где указываются причины того, что германская аграрная политика на Востоке в полном смысле этого слова потеряла под собой почву:

1) «Действующие по указанию московского правительства организованные банды (партизаны – Л. С.) развернули, в особенности в восточных областях, повышенную активность, чтобы... воспрепятствовать предстоящему усмирению населения»;

2) «Молодое поколение, которое не знает частной собственности, относится к новому урегулированию землепользования и вытекающим из него задачам абьяково. Оно не подготовлено к этому, а потому ведет себя выжидательно и недоверчиво, а отчасти открыто отрицательно» [4, л. 13].

Коротко остановимся на таких факторах, влияющих на изменение позиции людей, как вывоз населения на принудительные работы в Германию, трудности продовольственного положения. Что касается вывоза населения, то, несмотря на то, что отрицательные последствия очень быстро дали о себе знать, насильственная мобилизация принимала все более грубые формы и превратилась в подлинную, постоянную охоту на людей. Сцены, которые разыгрывались при отправке составов с принудительно мобилизованными, зачастую не поддаются описанию. Волна страха и отвращения охватила русский, белорусский и украинский народы. При таких обстоятельствах насильственный угон белорусов в рейх лишал немецкую армию на Востоке последних остатков симпатии населения. Побег их в леса часто оставался последним выбираемым выходом. Из кругов доверенных лиц (агентуры) вермахта исходит оценка, которая подтверждает, что из прежних 94 % пронемецки настроенного украинского населения уже осенью 1942 г. 60 % ждали прихода Красной Армии как своей освободительницы [10, л. 218].

Анализ архивных документов показывает изменения настроений и поведения населения по мере ухудшения его продовольственного и материального положения. Так, в одном из документальных источников подчеркивалось: «Забота о насущном куске хлеба озлобляет горожан и вызывает нежелание трудиться». Между тем, оккупанты понимали, что усмирение страны будет иметь успех и принесет плоды только тогда, когда постепенно ощутимо будет улучшаться продовольственное и материальное положение граждан оккупированных районов. «И тогда все, распространяемые сейчас вражескими агентами и партизанами вредные, подрывные слухи, не будут иметь благоприятной почвы под ногами. Даже горожане, которые теперь не видят перспективы на улучшение продовольственного положения, добровольно пойдут на сотрудничество с нами», – говорилось в одном из немецких документов [11, л. 79].

Однако в городах, как показывает детальный анализ архивных документов, продовольственное положение с каждым днем ухудшалось.

Все больше рабочих оставляли свои рабочие места. Так, в частности, в одном из документальных источников отмечалось: «... в Могилевской области по-прежнему жалуются на крайне плохое снабжение населения продуктами питания. Хотя продукты для распределения и предусмотрены, но в действительности рабочий со своей семьей получает только хлеб. Картофеля и других продуктов питания действительно нет. Многочисленные жалобы имеются также по поводу питания рабочих в столовых предприятий. На металлообрабатывающем заводе, например, еда состоит из неопределенного супа с кусками черной замерзшей картошки» [12, л. 95]

Затяжной продовольственный кризис не мог быть устранен, значительная часть населения жила только за счет обменной торговли. Это, в свою очередь, не могло не влиять на ухудшение настроения населения. Гауляйтер Беларуси В. Кубе в декабре 1942 г. писал: «... настроение широких слоев населения, если не сказать на 100 % отрицательное, то по меньшей мере, холодное и безразличное. На некоторых предприятиях, в особенности на хлебозаводе «Автомат» и на обувной фабрике, среди рабочих растет коммунистическое влияние...» [10, л. 298].

Завершая в рамках данной статьи анализ вышеназванной проблемы, следует отметить, что фашистская пропаганда и проводимая политика оккупантов смогли оказать некоторое влияние на настроения и поведение части населения Беларуси. Нельзя не согласиться с утверждением белорусского исследователя В. И. Кузьменко: «На некоторое время, поверив в утверждение о «близком крахе» советской системы, наиболее неустойчивая часть жителей (особенно в западной Беларуси) склонна была приспособиться к новым условиям. И все же основную массу жителей оккупированных районов республики фашистской пропаганде так и не удалось сломить, подчинить своим установкам» [13, с. 109].

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4683. – Оп. 3. – Д. 931.
2. НАРБ – Ф. 4. – Оп. 33а. – Д. 22.
3. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй: манаграфія / Ю. Туронак. – Мінск : Беларусь, 1993. – 236 с.
4. НАРБ – Ф. 4683. – Оп. 3. – Д. 932.
5. НАРБ – Ф. 4. – Оп. 33а. – Д. 6.

6. Болсун, Г. А. Противоборство советской и немецкой пропаганды на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.) / Г. А. Болсун // Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Пам'ять : в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; редкол. : А. А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2010. – Кн. 1. – С. 432–451.

7. Новиков, С. Е. Трудовые ресурсы как стратегический фактор германской оккупационной политики в Беларуси (1941–1944) / С. Е. Новиков // Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Пам'ять: в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; редкол. : А. А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2010. – Кн. 1. – С. 149–180.

8. НАРБ – Ф. 4 – Оп. 33а. – Д. 24.

9. НАРБ – Ф. 4. – Оп. 33а. – Д. 25.

10. НАРБ – Ф. 4683. – Оп. 3. – Д. 921.

11. НАРБ – Ф. 4683. – Оп. 3. – Д. 936.

12. НАРБ – Ф. 4683. – Оп. 3. – Д. 913.

13. Кузьменко, В. И. Пропагандистское обеспечение оккупационного режима в Беларуси и особенности культурной политики нацистов (1941-1944 гг.) / В. И. Кузьменко // Беларусь и Германия: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 16 мая 2003 г. ; гал. рэд. А. А. Коваленя. – Мінск : МДЛУ, 2003. – С. 104–110.

УДК 94(476.6)''1941/1945''

Н. А. Стурейко

ГрГУ имени Я. Купалы, г. Гродно

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Мало, какая страница истории прошлого века вызывает такие противоречия, как коллаборационизм. Проблема сотрудничества белорусского населения оккупированных нацистами территорий с врагом в годы Великой Отечественной войны до сих пор является полем для рассуждений и фальсификаций. В историографии эта тема освещена недостаточно, при этом данное явление трактовалось однозначно как предательство и с явно выраженным негативным эмоциональным оттенком. В статье предпринята попытка более всесторонне взглянуть на явление коллаборационизма.

Такой термин как «коллорабационизм» в годы Второй мировой войны приобрел нарицательное значение, он стал синонимом предательства и сотрудничества с нацистским оккупантам, потому что в государствах Европы, которые были захвачены Германией, его стали использовать при характеристике активного сотрудничества с фашистскими оккупантами. Коллорабационизм превратился в новое общественно-политическое явление благодаря огромным масштабам измены и предательства, которые в большом количестве использовали нацистские спецслужбы, когда формировали свои «пятые колонны». Что же касается именно Белорусского коллорабационизма, то его можно описать как военное, политическое и экономическое сотрудничество с оккупационными немецкими властями во время Второй мировой войны на территории Беларуси.

Идея применения коллорабационизма в войне против СССР у лидеров и идеологов нацистской Германии начала осуществляться еще задолго до начала Великой Отечественной войны [1]. Сотрудничество отдельных представителей белорусского политического актива с гитлеровской Германией началась еще приблизительно в середине 1930-х гг. В конце 1939 г. в Министерстве внутренних дел Германии было создано Белорусское представительство – сперва в Берлине, а впоследствии и в различных городах Германии. Данное представительство занималось выявлением и вербовкой людей, которые желают оказать помощь Германии в белорусских вопросах. Помимо того, был создан Белорусский комитет самопомощи – это организация, которая активно вербовала людей среди белорусов, которые проживают в Германии. В 1940 г. руководством «правой белорусской эмиграции» немецкому руководству поступило предложение организовать деятельность белорусских национал-социалистов, а также, провести подготовку диверсионных кадров из числа пленных солдат Войска Польского в целях их заброски на территорию Советского Союза. В начале весны 1941 г. началось формирование первого белорусского подразделения. В задачи диверсантов входили: проведение различных диверсий в советском тылу, физическое ликвидация командного и начальствующего состава Красной Армии, передача различной разведывательной информации по радио.

Вместе с наступающими частями германской армии на территорию Беларуси приехали из эмиграции Ф. Акинчиц, В. Козловский, активисты БНСП, И. Ермаченко, Р. Островский и другие коллорабационисты. В самый начальный период войны продвижение политической и военной коллорабации проходило достаточно небольшими темпами, что можно

объяснить победами гитлеровцев на фронте и отсутствием для них потребности развития коллаборационистских структур. Немецкие руководители рассчитывали на достаточно быструю победу в войне и скептически воспринимали возможности белорусского населения к национально-государственному построению из-за причины слабости этнического самосознания. Действия коллаборационистов в данный период сводились в своей основе к работе различных неполитических структур, крупнейшей из которых являлась Белорусская народная самопомощь, которая была созданная 22 октября 1941 г., Ее целью провозглашалась забота о здравоохранении, вопросы образования и культуры.

При содействии белорусских коллаборационистов германские власти пытались задействовать для своих целей научные кадры, которые оказались на оккупированной территории. В июне 1942 г. ими было создано «Белорусское научное общество». Президентом данного общества стал гауляйтер Беларуси В. Кубе. Тем не менее, белорусские учёные бойкотировали работу данного общества, и оно существовало всего лишь на бумаге [2]. Кроме того, были созданы и другие неполитические коллаборационистские организации, например, «Женская лига», различные профсоюзы и др. В то же время, попытки создания белорусского Вольного корпуса самообороны оказались неудачными из-за причины противодействия военных властей и СС. О его создании было провозглашено в июне 1942 г. в количестве 3 дивизий. Организовано было, однако, примерно 20 батальонов, которым так и не решились выдать оружие, а уже весной 1943 г. было принято решение о роспуске. Также неудачной попыткой оказалась создание белорусской автокефалии, для того, чтобы оторвать белорусских верующих от Московского Патриархата.

Обстановка, которая сложилась к 1943 г., вынудила немецкое командование изменить своё отношение к коллаборационистскому движению. В главной степени это произошло с помощью усилий министра восточных оккупированных территорий А. Розенберга, который был сторонником образования коллаборационистских администраций. 22 июня 1943 г. был формально создан Союз белорусской молодёжи (СБМ), ставший аналогом гитлерюгенда в Белоруссии. Союз белорусской молодёжи являлся молодежной организацией на оккупированной территории Беларуси. Высшим органом являлся Руководящий штаб во главе с М. Ганько, Н. Абрамовой, который состоял из ряда таких отделов как: пропаганда, пресса, культура; социальные работы, охрана здоровья и физического воспитания, а также школьного отдела. С июля 1944 г.

Руководящий штаб находился уже в Берлине и подчинялся Белорусской центральной раде. В СБМ входила белорусская молодежь в возрасте от 10 до 20 лет. Одной из главных целей СБМ являлась объединение белорусской молодежи, воспитание в ней национального самосознания, готовности сражаться за Беларусь, которая будет «восстановлена» благодаря нацистской Германии. По состоянию на 1 июля 1944 г. структуры СБМ действовали в 16 округах и более чем 60 поветах, в них находилось более 12 600 человек. Деятельность СБМ продолжалась на территории Германии до весны 1945 г. [3].

По требованию В. Кубе 27 июня 1943 г. было принято решение о создании Рады доверия при Генеральном комиссариате Белоруссия. Белорусская рада доверия являлась совещательным органом из представителей белорусской общественности. Председатель рады являлся В. Ивановский. В основе своей деятельности являлся сбор и обработка различных предложений и пожеланий, которые были адресованы оккупационным властям. Данный орган представлял из себя административную комиссию, единственной задачей которой была отработка и представление оккупационным властям различной информации от населения [3].

21 декабря 1943 г. вместо Рады доверия по инициативе К. Готберга, который стал Генеральным комиссаром после убийства партизанами В. Кубе, была образована Белорусская центральная рада (БЦР). Белорусская центральная рада была совещательным органом и центральной инстанцией белорусской администрации на оккупированной нацистами территории. Президент БЦР являлся начальник управы Минского округа Р. Островский. В ее основе лежали такие функции, как руководство школьным делом, культурой, социальной опекой. Рада имела свои представительства в большом количестве округов. В подчинении Рады находились созданные ранее БНС, СБМ, Белорусское научное общество и т. д. БЦР формально подчинялась формированию Белорусской краевой обороны. Деятельность БЦР была фактически прекращена на Втором Всебелорусском конгрессе 27 июня 1944 г. [2]. Можно сказать, что работа Рады не была эффективной, так как Рада не имела реальной политической власти (только в вопросах социальной опеки, культуры и образования имела право на относительно самостоятельные решения), а у её членов были различные взгляды на будущее Беларуси и зачастую не знали местных условий. Поэтому, она не могла иметь авторитета среди местного населения. Рада косвенно была связана с серьезными военными преступлениями – в том числе, с проведением этнических чисток против польского населения [4].

На территории оккупированной Беларуси издавалось множество различных коллаборационистских газет и журналов: «Беларуская газета», «Пагоня», «Biełaruskihołas», «Новы шлях» и многие другие. Эти издания были направлены на антисемитскую, антисоветскую и профашистскую пропаганду.

23 февраля 1944 г. К. Готберг издал приказ о создании Белорусской краевой обороны (БКО). Белорусская краевая оборона было военизированным формированием коллаборационистов. Во главе Главного командования БКО был майор Ф. Кушаль. Главными задачами БКО были борьба против партизан, Красной Армии и польской Армии Крайовой. Основной состав БКО составляло принудительно мобилизованное мужское население 1908–1924 годов рождения. За годы своего существования было мобилизовано приблизительно 25 тыс. человек, из которых к середине апреля 1944 г. создано 36 пехотных и 6 саперных батальонов. В активных боевых действиях БКО не принимала участие, лишь в некоторых местах были созданы вооруженные отряды, которые принимали активное участие в борьбе против партизанского населения. В основе своей, формирования БКО использовались с целью сельскохозяйственных работ, охраны некоторых зданий и складов. Массовый характер имело дезертирство и переход на сторону партизан. Постепенно в ее рядах снижалась их дисциплина, не хватало офицеров. Одними из самых важных направлений деятельности БЦР на финальном этапе войны стали реорганизация частей БКО и пополнение белорусских военных формирований за счёт вербовки новых людей, создание вспомогательных контингентов для использования их в системе обороны Германии, организация антисоветского партизанского движения на территории Беларуси. Изначально рассчитывалось переформировать БКО в Белорусский легион. Для этой реорганизации в сентябре 1944 г. в Берлине был создан первый кадровый батальон БКО (422 человека) под командованием капитана П. Касацкого, который стал резервом и школой офицерских кадров для будущих частей. В тот же момент из числа завербованных «Союза Белорусской Молодежи» в качестве «помощников ПВО» (от 2,5 до 5 тыс. человек) были отобраны группы людей для обучения в зенитно-артиллерийской школе. После окончания курса учёбы их включили в состав частей противовоздушной обороны Берлина [5].

27 июня 1944 г. в Минске был проведен Второй Всебелорусский конгресс, в котором приняли участие большое количество активных лидеров коллаборационистов. Конгресс проходил в условиях приближения к Минску Красной Армии, которая проводила крупную

наступательную операцию в Беларуси. На данном конгрессе было принято решение, что БЦР является единственным законным правительством Беларуси, а также была выражена полная поддержка Германии. Были также разработаны планы антисоветских диверсионных и партизанских операций в Беларуси, в случае полного отступления германских войск с её территории.

Не закончив свою работу, «конгрессмены» вынуждены были бежать в Кёнигсберг, а затем перебраться в Берлин. Оказавшись на Западе, многие из них активно принимали участие в немецких воинских формированиях и вели борьбу против Красной Армии.

Таким образом, основу активных коллаборационистов составили белорусы-эмигранты, которые давно покинули территорию Беларуси и являвшиеся носителями антисоветской и антирусской идеологии, польские активисты, стремившиеся вернуть Западнобелорусские земли в состав польского государства, а также немцы-«фольксдойче». Основная же масса белорусов воевала за освобождение своей большой Родины (СССР) и малой (БССР) на военных фронтах, в рядах партизан и подпольщиков и не рассматривали коллаборационистов как своих представителей.

Источники и литература

1. Местные «патриоты» третьего рейха [Электронный ресурс] // Издательский дом «Беларусь сегодня». – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/mestnye-patrioty-tretego-reykha.html>. – Дата доступа: 05. 03. 2020.

2. Борисевич, Н. А. Военные судьбы: Сотрудники АН Беларуси – участники Великой Отечественной войны / Н. А. Борисевич. – Мн. : Навука і тэхніка. – 1995. – С. 89.

3. Структуры белорусской коллаборации [Электронный ресурс] // Белорусский научно-исследовательский центр электронной документации. – Режим доступа: <https://archives.gov.by/index.php?id=717212>. – Дата доступа: 07. 03. 2020.

4. Будни за линией фронта. Оккупация, коллаборационизм и Сопротивление в Белоруссии 1941–1944 [Электронный ресурс] // Израильский портал «Союз». – Режим доступа: https://souz.co.il/clubs/read.html?article=3152&Club_ID=1_Рогачевский. – Дата доступа: 05. 03. 2020.

5. Белорусский коллаборационизм в годы Второй мировой войны и проблема фальсификации истории [Электронный ресурс] //

Информационный портал «Западная Русь». – Режим доступа: <https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2014-g/instrumenty-tsivilizatsionnoj-vojny/1174-belorusskij-kollaboratsionizm-v-gody-vtoroj-mirovoj-vojny-i-problema-falsifikatsii-istorii.html>. – Дата доступа: 09. 03. 2020.

УДК 947(476)

Н. П. Галимова

БрГУ имени А. С. Пушкина, г. Брест

СОБЫТИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье анализируются особенности развития событий Великой Отечественной войны на территории Брестской области на примере Брестского, Березовского, Ганцевичского, Дрогиченского районов. Показаны трудности становления и развития партизанского и подпольного движения. Обобщены и проанализированы основные элементы оккупационного режима, указаны потери в Великой Отечественной войне данных районов. Показана роль местного населения в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Брестчина первой приняла бой в июне 1941 г. На территории Брестского района летом 1941 г. дислоцировались войска 4-й армии Западной особой военной округа, которые прикрывали границу в 150 км шириной на Брестско-Минском направлении. Соединения армии находились на значительном отдалении (от 30 до 75 км) от рубежей, предназначенных для занятия обороны. Боевая тревога была объявлена самостоятельно командирами частей уже после начала артиллерийской подготовки и авиационного налёта противника. Немцы нанесли удар на участке Янов Подляский – Славотычи, захватив практически весь Брестский район. Под давлением превышающих сил противника наши части отошли на восток, а отдельные группы воинов, которые остались в окружении, прорывались через боевые порядки противника к линии фронта. Установился жёсткий оккупационный режим, продолжавшийся с июня 1941 по август 1944 г. С 1 сентября 1941 г. Брест и Брестская область вошли в состав рейхскомиссариата «Украина» во главе с генеральным комиссаром гауляйтером Эриком Кохом. Созданная Брест-Литовская округа делилась на 5 районов: Брестский сельский,

Домачевский, Малоритский, Мотыкальский и Жабинковский [1, л. 100]. Территория современного Брестского района входила в состав Брестского сельского, Домачевского и Мотыкальского районов. Районы в свою очередь состояли из волостей. Волости были небольшие: количество жителей в каждой была около 4 000 человек. Все административные немецкие власти находились в Бресте.

С первых дней оккупации началось методичное порабощение сельских хозяйств Брестского района. Уже в сентябре 1941 г. немцы вывезли 4 453 667 т зерна, 2 818 голов крупного рогатого скота, 3 603 овечки, 1 244 553 л молока. Но уже в начале 1943 г. организованному порабощению стали мешать партизаны, которые уничтожили все государственные имения в Малоритском и Домачевском районах. Из 46 созданных в 1941 г. государственных поместий в 1943 г. действовало 29 [1, л. 38]. Население голодало. Для борьбы с партизанами в ноябре 1942 г. были ликвидированы хутора: население переселили в соседние деревни, а постройки сожгли [1, л. 141]. В январе – феврале 1944 г. власти объявили эвакуацию Брестской округи. Всего было отправлено 138 вагонов с тракторами, зерновыми запасами, семенным материалом и молодыми кобылицами [1, л. 142]. Всё это было отправлено в Германию. Осуществлялся и вывоз населения в Германию, пик которого пришелся на 1943–1944 гг. Осуществлены были 3 акции по мобилизации трудовой силы. Оккупанты захватили и отправили в Германию 1 043 человека.

Согласно признанию немецких властей, отсутствие мыла и ужасные условия жизни населения Брест-Литовской округи привели к эпидемии сыпного тифа. Немцы пытались обеспечить элементарное медицинское обеспечение районов. С марта 1942 г. начали действовать 165 школ, в том числе и школа «фольксдойче» в колонии Нейдорф под контролем оккупационного комиссара. Однако многие школы существовали только в рапортах окружного комиссара.

С первых дней оккупации стали проводиться карательные операции. 15 августа 1942 г. 3-й батальон 15-го полицейского полка в составе 9, 10 и 11-й рот прибыл в Брест для борьбы с партизанами в округе [2, л. 768]. 5 сентября 1942 г. батальон начал операцию «Треугольник» на территории Брестского, Кобринского, Малоритского и Жабинковского районов. Роты батальонов заняли деревни Радваничи, Подлесье-Каменецкое Брестского района. 11 сентября 1942 г. в деревне Радваничи за помощь партизанам сожгли 2 крестьянские усадьбы и расстреляли одну женщину [2, л. 77]. 20 сентября 1942 г. партизаны осуществили диверсию на железной дороге около станции Полесье-Радовицкое. После этого в разных деревнях было арестовано много людей, 55 человек расстреляли. 21 сентября

было расстреляно 30 человек, 6 октября – 86 человек в деревне Камяница-Жировецкая и 17 человек на 1 км на север от этой деревни. 22 октября около деревни Франополь расстреляли 43 еврея. В деревне Леплевка гитлеровцы расстреляли 54 ребёнка и воспитательницу Домачевского детского дома.

В 1942 г. на территории Брестского района был создан лагерь, где держали в основном людей, предназначенных для отправки в Германию. Был также «пересыльный лагерь» и лагерь для цыган. Судьба узников этих лагерей неизвестна. Скорее всего, их расстреляли.

На территории Брестского района действовало также и гетто для еврейского населения. Наиболее крупными были Домачевское и Томашовское. 19 и 20 сентября 1942 г. в Домачево и Томашовке зондеркоманда СС вместе с кавалерийским эскадроном жандармерии и полицией провела «еврейскую акцию», в ходе которой было расстреляно около 2 900 человек [1, л. 133]. 15 и 16 ноября 1942 г. было уничтожено Брестское гетто.

Всего за годы оккупации на территории Брестского района (не считая Домачево и Томашовки) было расстреляно 6 610 человек, в том числе 1 257 женщин и 1 239 детей; убито 7 202 военнопленных, 1 060 человек вывезено в Германию, от бомбёжек погиб 81 человек, всего – 14 453 жителя района [3, с. 184].

Для борьбы с немецкими оккупантами на территории Брестского района 2 апреля 1942 г. был создан антифашистский комитет во главе с Иваном Васильевичем Салейко. Кроме широкой поддержки партизанам, совет оказывал материальную и денежную поддержку людям, оставшимся без жилья и средств к существованию, срывал мобилизацию советских людей в Германию, спасал патриотов и мирных жителей, собирал оружие, боеприпасы и медикаменты для партизанских отрядов. С весны 1942 г. партизанское движение стало набирать силу. Были разгромлены здания волосной управы в Камянице-Жировецкой, торфяной завод в Тельмах, усадьба в Ямно, кирпичный завод в Герсонах. На боевые акции партизан немцы ответили репрессиями. В первой половине 1942 г. в районе было арестовано более 50 партийно-советских активистов. Многие из них были расстреляны. Однако это не остановило массового партизанского движения. Для оперативного командования движением в конце апреля 1943 г. был создан штаб партизанских отрядов. Началась практическая работа по организации партизанского соединения области.

Брестский район был освобождён в ходе Люблинско-Брестской наступательной операции, которую осуществляли войска 1-го Белорусского

фронта с 18 июля по 2 августа 1944 г. До 30 июля 1944 г. район был освобождён от немецко-фашистских захватчиков.

Оккупанты нанесли экономике огромные убытки. В Брестском районе было разрушено и испорчено основных средств производства на общую сумму 2 947 800 рублей. Из 13 предприятий райпромкомбината было разрушено и уничтожено 12. Из 10 мельниц разрушены 3 (деревни Лыщицы, Страдичи, Вистычи). За годы войны уничтожено 1 490 крестьянских домов и 2 292 хозяйственные постройки.

Большинство школ района превратились в руины. Среди них неполные средние школы в Страдечском, Гершоновском и Козловском сельсоветах. В Каменец-Жировецком, Тельмовском, Чернавчицком, Червеньском и Берёзовском сельсоветах оккупанты сожгли и уничтожили 11 начальных школ.

За годы войны были уничтожены здания врачебного участка, больница, фельдшерско-акушерские пункты частично разрушены, а медицинские здания в Лыщицах и Страдечах сожжены. Были уничтожены или вывезены в Германию 3 802 коней, 6 610 коров, 4 582 свиньи. Урон, нанесённый народному хозяйству района, превысил 1,4 млрд. рублей в довоенных ценах [3, с. 455].

Во время Великой Отечественной войны на территории Березовского района действовали четыре партизанские бригады, базировались штаб Брестского партизанского соединения, Брестский подпольный обком КП(б) во главе с С. И. Сикорским. Славной страницей в летопись партизанской войны в Беларуси вошла «Здитовская оборона», когда против партизан фашисты бросили свои фронтовые части. С 3 по 11 апреля 1944 года здесь шли упорные бои, партизаны заняли оборону вдоль реки Дорогобуж, немцы предпринимали по несколько атак в день, используя авиацию, артиллерию и минометы. Но партизаны не сдавались, а когда у них стали заканчиваться боеприпасы, отошли на вторую линию обороны вглубь болот, куда фашисты побоялись сунуться. В партизанской землянке 23 января 1944 г. вышел первый номер Березовской районной газеты «Пламя» – ныне «Маяк».

Березовский район был освобожден 48 гвардейской стрелковой дивизией 28 армии 1-го Белорусского фронта 16 июля 1944 г.

На девятый день войны Ганцевичский район был оккупирован фашистскими войсками. В райцентре разместился крупный фашистский гарнизон, который насчитывал 2 000 солдат. В бывшем райцентре оккупанты создали один из десяти в генеральной округе «Беларусь» областной комиссариат. Население района поднялось на вооружённую борьбу с завоевателями. В период Великой Отечественной войны на

территории района действовало более тридцати партизанских отрядов и соединений, крупнейшим из которых являлась партизанская бригада имени Ленина под командованием бывшего офицера Красной армии В.А. Васильева, насчитывавшая 1 067 бойцов, из которых 667 были белорусами. Большой вклад в победу над врагом внёс и диверсионный отряд КГБ СССР «Соколы», которым командовал К. П. Орловский.

Тяжёлую цену за победу над гитлеровскими захватчиками заплатили ганцевчане. Более 5 000 человек боролись с врагом на фронтах и в партизанских отрядах, 1 300 из них погибли в боях. Общие потери жителей района за три года оккупации составили более 10 000 человек, 8 725 из которых были расстреляны фашистами, а 505 угнаны в немецкое рабство. Многие деревни были сожжены, а их жители расстреляны карателями. Ужасная судьба Хатыни постигла деревню Задубье, которую гитлеровцы сожгли в январе 1943 г. с большей частью жителей. Память об этой деревне теперь увековечена в мемориальном комплексе «Хатынь».

Но время освобождения пришло. Общими усилиями партизан бригады имени Ленина и воинам 89-го стрелкового корпуса 61-й армии 1-го Белорусского фронта Ганцевичский район был освобождён 8 июля 1944 года. Многие партизаны влились в армейские ряды и продолжили победоносный поход на запад, а большая часть осталась на освобождённой территории и принялась за восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Плоды их труда видны и сегодня: Ганцевичи и район из когда-то глухого местечка превратились в цветущий край.

Мирная жизнь жителей Дрогичинского района была нарушена фашистской Германией, которая на рассвете 22 июня 1941 г., нарушив договор о ненападении, напала на СССР. Несмотря на внезапность удара, советские воины проявили исключительный героизм и стойкость, на многих участках они сражались до последнего патрона, но силы были далеко не равными, и части 4-й Армии под командованием генерал-майора А. А. Коробкова вынуждены были с тяжёлыми боями отступить. 25 июня 1941 г. последние подразделения Красной Армии оставили Дрогичинский район и он был оккупирован гитлеровскими захватчиками.

С первых дней оккупации местные жители ощутили на себе так называемый «новый порядок». Фашисты начали уничтожать еврейское население, расстреливать коммунистов, комсомольцев, депутатов, а также окруженцев – красноармейцев, которые временно нашли себе приют у местного населения. Только за один день в августе 1941 г. каратели уничтожили в д. Хомск около двух тысяч евреев. Ужасным днем вошло в историю района 1 января 1942 г., когда в трескучий мороз фашистские

палачи согнали на рыночную площадь население Дрогичина и на глазах людей подвергли издевательствам семь военнопленных, а затем убили их.

В обстоятельствах кровавого оккупационного режима росло стремление людей к борьбе с гитлеровскими захватчиками. Местные патриоты вместе с убежавшими военнопленными и военнослужащими, которые во время оборонительных боев отстали от своих частей и остались в окружающих деревнях, объединялись в едином желании бороться с врагом. Первые партизанские группы и небольшие отряды из местного населения и красноармейцев начали оформляться в конце 1941 г. – начале 1942 г. С течением времени эти группы росли и представляли собой довольно боевые, грозные для врагов партизанские формирования. В ноябре 1942 г. было сформировано и создано Пинское партизанское соединение во главе с В. С. Коржом, в состав которого вошли в том числе и партизаны, действовавшие в Дрогичинском районе. В это время не было единого управления партизанскими группами, и чтобы решить эту проблему 1 января 1943 г. в районе Иваново-Дрогичин для централизованного руководства отрядами был создан межрайонный штаб во главе с уполномоченным штаба соединения Ф. С. Куньковым. 4 апреля 1943 г. по решению Ивановского подпольного РК КП(б) Б и приказом по Пинскому соединению отряды имени М. Т. Шиша, А. В. Суворова, С. Г. Лазо и М. И. Кутузова были объединены в партизанскую бригаду имени В. М. Молотова. Командиром ее был назначен М. И. Герасимов, ранее командовавший отрядом имени М. Т. Шиша.

Большую роль в борьбе с фашистскими захватчиками оказывал Дрогичинский подпольный райком КП(б) Б, который был сформирован 26 июня 1943 г. и райком комсомола, который был организован в октябре 1943 г. Подпольщики проводили политическую работу среди населения, укрепляли связи с подпольем, организовывали распространение газет и листовок. Большим спросом среди партизан и населения Дрогичинского района пользовались газеты «Партизан Полесья» – орган Ивановского подпольного РК КП(б) Б и «Красная заря» – орган Дрогичинского РК КП(б) Б.

Дальнейшее развертывание партизанского движения, стремительный рост отрядов за счет местного населения потребовали расширения связи Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) с партизанскими формированиями юго-западной зоны, которая простиралась за Днепро–Бугским каналом. Весной 1943 г. в бригаду имени В. М. Молотова прибыли радистки с рацией, через которых и шел обмен радиограмм с БШПД и штабом Пинского соединения. Связь партизан с Большой землей была также налажена и при помощи авиации. Для приема

самолетов около д. Сварынь, находившейся в глубине партизанской зоны, силами народных мстителей Брестского и Пинского соединений был построен аэродром. Советские самолеты доставляли оружие, а назад, за линию фронта, переправляли раненых, денежные средства и ценности, которые были собраны населением в фонд обороны страны, а также разведданные о противнике.

Значительный вклад внесла бригада имени В. М. Молотова в борьбе с фашистскими захватчиками в период так называемой «Рельсовой войны», которую партизаны этого формирования вели с 1 сентября по 1 ноября 1943 г. В результате этого противник потерял 2 400 рельсов на участке Антополь – Дрогичин – Иваново, что составляло 24 тыс. метров рельсов или 24 км, в результате этого дорога простояла в течение 2 месяцев.

Самой большой битвой, за все годы партизанского движения в зоне Днепро-Бугского канала, было сражение за овладение этой водной артерией в феврале – марте 1944 г. За месяц боёв с 21 февраля по 21 марта 1944 г. бригада имени В. М. Молотова под командованием М.И. Герасимова отбила 40 атак 8-й мадьярской дивизии, пустила под откос 9 эшелонов, уничтожила 1 танк, 6 автомашин с живой силой, 2 самоходные пушки. За это время противник потерял убитыми 1 431, пораненными 697 солдат и офицеров и это только за месяц боёв. Сорок дней и ночей народные мстители держали оборону на Днепро-Бугском канале, превративши её в самый настоящий партизанский фронт. Партизаны не давали врагу форсировать водный рубеж и выйти к линии фронта – это было реальной помощью 70-й и 61-й советским армиям, которые вели здесь наступление.

Ночью 16 июля 1944 г. войска 61-й армии 1-го Белорусского фронта вступили на территорию Дрогичинского района, а на рассвете 17 июля части 669-го стрелкового полка 212-й стрелковой дивизии после короткого, но жестокого боя освободили г. п. Дрогичин. Таким образом закончились годы страдания и унижения местных жителей. За годы оккупации фашисты уничтожили в Дрогичинском районе 6 269 жителей, в том числе 1213 женщин и свыше 2 000 детей, 65 мужчин, 25 женщин и 115 детей были сожжены живыми, 1770 человек были вывезены в фашистское рабство, среди них 705 молодых женщин и девушек-подростков. Карательными отрядами гитлеровских головорезов были уничтожены целые деревни, особенно пострадали от рук фашистов деревни Сварынь, Сорацни, Хомск и многие другие населённые пункты. Были разграблены, разрушены и сожжены почти все промышленные предприятия, а также советские и культурные учреждения, уничтожены

2 086 жилых домов и хозяйственных построек. Гитлеровцы нанесли большой урон сельскому хозяйству, было вывезено в Германию огромное количество лошадей, свиней, крупного рогатого скота, овец, коз, домашней птицы. Восстанавливать народное хозяйство было чрезвычайно трудно еще и потому, что основную часть уцелевшего населения составляли женщины, подростки и престарелые люди.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4683. – Оп. 3. – Д. 1043.
2. НАРБ. – Ф. 4683. – Оп. 3. – Д. 941.
3. Памяць: Гіст.-дакум. Хроніка Брэсцкага раёна / уклад. Г. К. Кісялёў [і інш] ; падрэд. Г. К. Кісялёва. – Мінск : БЕЛТА, 1998. – 574 с.

УДК 94(47+57)«1941-1945»:929*К. Ф. Михаленко

О. Ю. Лабович

Гомельский областной музей военной славы, г. Гомель

РАТНЫЙ ПУТЬ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА К. Ф. МИХАЛЕНКО

В статье представлен очерк жизненного, ратного и профессионального пути Героя Советского Союза, Почетного полярника СССР К.Ф. Михаленко. Оценен его вклад в Победу в Великой Отечественной войне. Представлен перечень живописных работ, посвященных войне.

Константин Фомич Михаленко родился 26 февраля 1920 г. в Москве. В 1922 г. его семья переехала в Гомель, где и начался путь Константина Фомича в авиации. В Гомеле он окончил «Гомельский аэроклуб ОСОАВИАХИМА», в котором учился с Галиной Докутович и Полиной Гельман – известными лётчицами в годы Великой Отечественной войны, получивших прозвище «ночные ведьмы» [1, с. 9].

После окончания аэроклуба, Михаленко принял решение поступить в военное авиационное училище, чтобы стать лётчиком-истребителем. Однако, он не получил одобрения у отчима, забыв тем самым, свое

обещание покойной матери: «...поступить в медицинский институт, стать врачом...» [1, с. 9].

Константин Фомич сдал все вступительные экзамены и был зачислен на первый курс Белорусского государственного медицинского института. Несмотря на изучение предметов по специальности, в свободное от учебы время он продолжал заниматься плаванием, акробатикой, лыжами и планеризмом. Участвовал в спортивных студенческих соревнованиях по планеризму, где установил республиканский рекорд [1, с. 10]. После чего Михаленко вызвали в ЦК комсомола Беларуси и по комсомольской путевке направили в Оршу, где формировался добровольческий лыжный батальон. Это соединение сразу же перебросили на Северо-Западный фронт, на войну с Финляндией. Батальон прибыл на Петрозаводское направление, два взвода вступили в бой, а третий, в котором находился Константин Михаленко, остался при штабе – в резерве. Участвовать в боевых действиях ему не пришлось, так как вскоре война с Финляндией закончилась [2].

Михаленко вернулся в институт, но закончить его так и не смог (окончил только 3 курса). Его вызвали в райком и вновь вручили комсомольскую путевку – в Харьковское военно-авиационное училище штурманов [1, с. 10]. В райкоме вспомнили, что Константин Фомич выпускник планерной школы и, в свое время занял призовое место на планерных соревнованиях.

В 1941 г. К. Ф. Михаленко окончил Харьковское военно-авиационное училище, после чего был направлен на фронт. Штурман Михаленко в числе двенадцати отличников учебы был направлен в Омск, к месту формирования 680-го ночного легкомобардировочного полка в составе 43-й армии.

Первым боевым заданием полка стало уничтожение бомбардировщиков противника на аэродроме у деревни Кувшиново близ Малоярославца. Задание было выполнено успешно, свой боевой вылет Михаленко совершил в качестве штурмана самолёта По-2. В последующих вылетах полк наносил удары по переднему краю противника и его ближним тылам. Спустя время стала ощущаться нехватка летчиков. После 33-х боевых вылетов К. Ф. Михаленко будучи штурманом прошел переподготовку и с весны 1942 г. вылетал на боевые задания уже в качестве пилота.

В конце сентября 1942 г. 680-й полк перебазировался под Сталинград, где вошел в состав Сталинградского фронта. Генерал армии Ф. Паулюс и его 6-я армия вермахта прилагала все усилия, чтобы взять город, и работа предстояла напряженная.

С аэродромов подскока, совершая до 10 вылетов за ночь, экипажи полка, где служил К. Ф. Михаленко, бомбили немецкие войска и железнодорожные станции. После выполнения боевых заданий под Сталинградом 680-й авиационный бомбардировочный полк был переименован в 45-й гвардейский ночной бомбардировочный авиаполк [1, с. 61].

Необходимо отметить, что помимо осуществления боевых вылетов Михаленко занимался фоторазведкой. В разведывательных полетах, благодаря фотосъемке командование узнавало об определении направления и интенсивности передвижения войск противника, изучало систему противовоздушной обороны, выясняло места концентрации техники и живой силы, расположение артиллерийских батарей на переднем крае. Отдельные фотоснимки и разведданные, сообщенные экипажами, суммировались затем в разведотделе фронта и, дополненные данными, полученными другими видами разведки, со временем представляли цельную и развернутую картину дислокации вражеских войск и характеристику их огневой мощи, что в свою очередь помогало раскрыть командованию замыслы противника и его возможности [1, с. 63–64].

В июне 1943 г. Константин Михаленко в одном экипаже с Николаем Пивенем, в числе других летчиков полка, вылетавших на фоторазведку, наблюдали необычное оживление в районе станций Поныри и Змиевка: «Вспышки ФОТАБов (фотоосветительная авиабомба – Авт.) на миг выхватывают из темноты белые стационарные постройки и красные коробки двух эшелонов...» [1, с. 73]. Автотранспорт противника с приглушенным светом большими колоннами двигался к фронту: «Подтягивают технику и резервы, а в тылы гонят порожняк. Очень торопятся немцы. Потому и не маскируют порожний транспорт» [1, с. 73]. Разгружаясь у станции, грузовики разворачивались и на максимальной скорости с включенными фарами мчались в тыл. Командованию Центрального фронта (командующий – К. К. Рокоссовский) по полученным данным стало ясно, что противник концентрирует здесь силы для наступательной операции. Были приняты необходимые меры для усиления обороны.

Особое место в биографии К. Ф. Михаленко занимает освобождение Беларуси, в частности г. Гомеля. После освобождения Карачева, Брянска, Смоленска, звено, в котором находился Константин Фомич, было откомандировано в распоряжение штаба 16-й воздушной армии. Передовые части уже форсировали Днепр в районе Лоева и, постепенно наращивая силы, расширяли плацдарм. Истребительный корпус генерала Е. Е. Ерлыкина, в котором был Михаленко, прикрывал плацдарм и переправы. Летчики постоянно находились в воздухе, лишь, когда

заканчивалось горючее или боеприпасы, они возвращались на аэродром, чтобы заправить машины и пополнить боекомплект.

От командования Константин Фомич получил боевое задание – бомбить укрепления противника в Гомеле. Михаленко вспоминал: «Я бомбил укрепления фашистов в Ржеве и Вязьме, в Смоленске, Орле и Сталинграде – повсюду, куда только посылали полк. Но Гомель!.. Это же город моего детства и юности, город самых теплых воспоминаний и надежд, растоптанных войной... Цель – это враг. Враг, которого надо уничтожить. Враг, которого я ненавижу всеми клетками тела, умом и сердцем. Но Гомель!.. Бомбы должны угодить только в укрепления врага, только в доты и блиндажи!.. Веду самолет со снижением на город, в тыл немцам, пытаюсь по очертаниям определить названия улиц...» [1, с. 89–94]. Совместными усилиями артиллеристов, пехоты и авиации 26 ноября 1943 г. Гомель был освобождён.

«...Мы идем по Советской. Прыгаем через воронки, взбираемся на груды битого кирпича. Уже связисты тянут провода к каким-то штабам, уже появились на улице первые горожане, и пылят кирпичной пылью грузовики мимо стоящей на перекрестке девушки-регулировщицы. Мы ступаем по сорванной со стены ненавистной надписи готикой «Гебитскомиссариат», по валяющейся в дорожной пыли ядовито-желтой табличке с названием улицы – «Гитлерштрассе». Черта с два, окончилась «штрассе» – мы идем по Советской!...» [3, с. 180].

Константин Фомич освобождал Польшу, советская авиация, в частности, 9 Гвардейская авиадивизия, активно помогала польским повстанцам в Варшаве, доставляла им оружие, боеприпасы. Самым опасным моментом в этих вылетах было снижение перед сбросом грузов или десантированием связистов. Город горел, дым застилал улицы, мешая различать район выброски. Михаленко неоднократно вылетал на выполнение подобных заданий. В сентябре 1944 г. он доставил в Варшаву связника-офицера Генштаба Красной Армии [3, с. 264–270].

Довелось К. Ф. Михаленко принимать самое деятельное участие в осаде крепости Познань. После штурма городских укреплений советские войска подошли к цитадели. Бомбардировка ее большими силами дала ощутимые результаты, но погода ухудшилась, и тогда вся нагрузка боевой работы легла на 9-ю Гвардейскую авиадивизию. Входивший, в эту дивизию 45-й Гвардейский полк приземлился на аэродроме Беднары. Совершив 5 ночных боевых вылетов, стали летать на бомбардировки и днем, так как Познань находилась уже в тылу советских войск, и опасность атаки По-2 немецкими истребителями была минимальной [3, с. 282–287].

19 февраля 1945 г. одна из немецких частей, находившихся в крепости, пошла на прорыв. Положение усугублялось тем, что в этом районе еще не было сильных гарнизонов советских войск. Двигаясь лесами, немецкая часть вышла к аэродрому, где стоял 45-й Гвардейский полк. Не имевшие для отпора противнику тяжелого артвооружения, ночники мобилизовали все свои ресурсы. Вылетая на боевые задания по бомбардировке Познани, летчики полка сбрасывали бомбы на лес, где концентрировались подразделения противника, затем совершали посадку и, после повторной подготовки самолета к боевому вылету, вылетали уже на бомбометание по крепости. К исходу вторых суток немцы отказались от мысли взять аэродром «в лоб» и пошли в обход его. Экипажи 45-го полка продолжали атаковать их с воздуха. За трое суток интенсивных боев с наземным противником Михаленко совершил 28 боевых вылетов на бомбардировку крепости; при этом «подскоки» для сброса бомб на немецкие войска в районе аэродрома – в 2,5 км от полосы – длились 2-3 минуты и за боевые вылеты не считались [3, с. 289–291].

В апреле 1945 г. 45-й Гвардейский полк бомбил Берлин. Целью экипажа Михаленко стал мост через реку Шпрее. С подобной трудной целью ему пришлось иметь дело еще в Беларуси, когда потребовалось разбить мост через Днепр в районе Жлобина. Поскольку поразить его даже для По-2 с его малой скоростью полета было весьма проблематично, летчик предложил связать тросом две бомбы ФАБ-50 и сбрасывать их на цель в такой связке. Решение вызвало протест, но мнение К.Ф. Михаленко победило. Бомбометание по мосту фугасками, соединенными друг с другом стальным тросом, оказалось весьма эффективным [3, с. 303–307]. Последний боевой вылет в ходе Великой Отечественной экипаж К. Ф. Михаленко совершил 30 апреля 1945 года.

Гвардии старший лейтенант К. Ф. Михаленко к маю 1945 г. совершил 997 только подтвержденных боевых вылетов на разведку, бомбардировку живой силы и техники противника, транспортировку боеприпасов советским войскам и эвакуацию раненых, и при этом остался в живых. Уничтожил 5 вражеских самолётов, 2 железнодорожных эшелона, 2 склада с горючим и боеприпасами, несколько крупных огневых точек противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм гвардии старшему лейтенанту Михаленко Константину Фомичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№8965) [4].

С окончанием боевых действий Михаленко стал добиваться своей демобилизации. Ему в этом отказывали, упорно уговаривая остаться в военной авиации. У командования полка и дивизии были на то причины: летчик имел значительный боевой опыт и огромный налет. Но Константин Фомич все же добился своего и в 1946 г. демобилизовался.

Сначала вернулся в Минск и попытался завершить обучение в мединституте. Затем решил воспользоваться своими навыками в летной профессии и поехал в Москву в Управление гражданского воздушного флота. Константину Фомичу повезло: внимание кадровика ГВФ привлек его налет – более 2000 часов, в основном ночью, в том числе в плохих метеоусловиях. Как раз такие пилоты и нужны были гражданской авиации [2]. Таким образом, К.Ф. Михаленко продолжил лётную деятельность в полярной авиации. Выполнял полёты на разведку ледовой обстановки, по снабжению и эвакуации экипажей арктических станций. Всего за годы работы в полярной авиации налетал более 23 тысяч часов. Удостоен звания «Почётный полярник СССР».

С 1973 г. работал в Научно-исследовательском институте в Москве. Скончался 4 декабря 2011 г. и похоронен на Быковском кладбище в г. Жуковский Московской области. В Москве, на доме, в котором он жил, и на здании ДОСААФ в г. Гомель установлены мемориальные доски [4].

К. Ф. Михаленко стал увлекаться живописью во фронтовые годы. Делал зарисовки по «горячим следам», создавая тем самым документальную летопись Великой Отечественной войны. Как отмечал Константин Фомич, никаких дневников, он никогда не вел – просто рисовал. Рисунки и были его дневником.

Во фронтовые годы приказом начальника политотдела Константин Михаленко с боевым товарищем Николаем Кисляковым были включены в бригаду самодеятельных художников и литераторов, которой было поручено создание истории их дивизии. Бумагу и краски (коробка «Виндзора») [3, с. 260] они раздобыли в Люблине, которыми и были созданы графические рисунки, предстоящих художественных полотен. Некоторые из них вошли в рукописную книгу «История 45-го гвардейского Краснознаменного ордена Суворова Варшавского авиационного полка». Среди его работ, созданных в 1940-е гг., стоит отметить картины «Над Сталинградом», «Полк готовится к ночному вылету», «Под Бобруйском. 1944», «Уничтожение переправы под Бобруйском», «Пламя Варшавы», «Над Берлином» и другие, написанные в технике акварель, отражающие достоверные события (освобождение данных территорий), в которых принимал участие непосредственно сам Михаленко.

В условиях боевых действий на фронтах очень трудно сберечь графические работы, но К. Ф. Михаленко удалось их сохранить. Сегодня его работы воспринимаются как бесценные художественные документы того времени, как уникальные произведения репортажной графики военного времени. Значительную часть своих работ К. Ф. Михаленко посвятил Полярной авиации. Его работы хранятся в музейных учреждениях Российской Федерации и Республики Беларусь, в частности в «Гомельском областном музее военной славы».

Источники и литература

1. Михаленко, К. Ф. Служу небу. Второе, переработанное и дополненное издание / К. Ф. Михаленко. – Минск : «Беларусь», 1973. – 368 с. с ил.

2. Раткин, В. Герой Советского Союза Константин Фомич Михаленко [Электронный ресурс] / В. Раткин // Мир Авиации – 2000 01. – Москва, 2019. – Режим доступа: <https://tech.wikireading.ru/15102> – Дата доступа: 06. 03. 2020.

3. Михаленко, К. Ф. 1000 ночных вылетов / К. Ф. Михаленко. – Москва : «Яуза», «Эксмо», 2008. – 320 с.

4. Михаленко Константин Фомич [Электронный ресурс] / Герои страны. – 2019. – Режим доступа: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=8764 Дата доступа: 06. 03. 2020.

УДК 94(476) “1943/1944”

С. Я. Новікаў

МДЛУ, г. Мінск

ВЫЗВАЛЕННЕ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ Ў КАНТЭКСЦЕ НОВЫХ НЯМЕЦКІХ АРХІЎНЫХ ДАКУМЕНТАЎ (КАНЕЦ 1943 – ПАЧАТАК 1944 ГОДА)

У артыкуле разглядаюцца малавядомыя аспекты, якім мелі месца ў гісторыі вызвалення Гомельшчыны ў канцы 1943 – пачатку 1944 гг. Аўтар упершыню ўводзіць у навуковы зварот нямецкія дакументы з калекцыі “Александрыйскія мікрафільмы”, на падставе якіх прыходзіць да важнай высновы, што ў беларускай гістарыяграфіі на цяперашні час адсутнічае спецыяльнае навуковае даследаванне, прысвечанае

непасрэднаму ўдзелу штрафных рот Чырвонай арміі ў вызваленчых баях за Гомель, Жлобін, Рагачоў і іншыя гарады паўднёвай Беларусі.

Вызваленне Гомельшчыны ўвосень 1943 – пачатку 1944 года, паспяхова праведзенае Чырвонай арміяй у ходзе наступальных аперацый (Гомельска-Рэчыцкай, 10–30. 11. 1943 г.; Калінкавіцка-Мазырская, 8–30. 01. 1944 г.; Рагачоўска-Жлобінскай, 21–26. 02. 1944 г.; Палеская, 15.03– 4. 04. 1944 г.) пераконвае ўдзельнікаў чытача ў тым, што нягледзячы на з’яўленне ў апошнія гады грунтоўных навуковых прац [1; 2; 3; 4], пакуль што гэта праблематыка застаецца з асобнымі “белымі плямамі” у сучаснай беларускай і расійскай гістарыяграфіі [5; 6]. На наш погляд, у іх пераліку без належнага асвятлення дагэтуль застаецца не толькі трагедыя мірных жыхароў, большасць з якіх былі дзеці, у вёсцы Ола Светлагорскага раёна 14 студзеня 1944 г., але вельмі складанае і супярэчлівае гістарычнае пытанне аб фактычным удзеле штрафных рот Чырвонай арміі, якія дзейнічалі, як правіла, у агульных баявых парадках пры вызваленні Беларусі: гэта значыць, у вырашэнні апэратыўна асабліва важных ці надзвычай цяжкіх баявых задач па разведцы боем, штурму і заняцці абарончых пазіцый праціўніка, прарыву ўзмоцненых рубяжоў для забеспячэння наступлення разам з іншымі савецкімі часцямі і інш.

Адразу ж зададзімся пытаннем адносна таго, а ці даследавалася гэтая тэматыка айчыннай гістарычнай навукай увогуле і ў якой ступені згаданыя гістарычныя з’явы вядомы шырокаму беларускаму чытачу калектывных даследаванняў ці аўтарскіх манаграфій у прыватнасці? З айчыннай літаратуры больш менш у апошні час стала вядомай тэма аб афіцэрскіх штрафных батальёнах – гэтак званых штрафбатах [7; 8; 9; 10, 11], якія, як вядома з загада Наркама абароны СССР № 227 ад 28. 07. 1942 г. (у літаратуры вядомы пад назвай “Ні кроку назад!”), фарміраваліся на кожным фронце ў залежнасці ад баявых абставін у колькасці ад адной да трох адзінак. У іх склад накіроўваліся сярэднія і старэйшыя камандзіры і палітработнікі, абвінавачаныя ў “парушэннях дысцыпліны”. Такія суровыя пакаранні выносілі камандуючыя і ваенныя саветы франтоў у дачыненні да камандзіраў рот, батальёнаў, палкоў, камісараў і палітработнікаў, якія адступілі без загаду зверху, таму аб’яўляліся “зброднікамі Радзімы”. Адзіным шляхам да зняцця такога пакарання было сплочванне крывёю абавязку перад Радзімай. Пасля чаго ім вярталіся ранейшыя воінскія званні, узнагароды, правы, а для праходжання далейшай службы яны маглі быць накіраваны ў іншыя часці.

У ліку важных пытанняў можна згадаць таксама тое, а наколькі беларускі чытач здолее самастойна разабрацца ў такіх складаных

і супярэчлівых аспектах праблемы, асабліва ва ўмовах захавання ў грамадстве ў дачыненні да штрафных рот выключна ідэалагічных ацэнак, калянавуковых стэрэатыпаў і адсутнасці пры гэтым спецыяльных навуковых даследаванняў. Адразу ж нагадаем, што ў канцы нулявых гадоў пабачыла свет праца, прысвечаная толькі аднаму са штрафбатаў, які прымаў удзел у вызваленні Лоева, Гомеля, Рагачова і Жлобіна ў складзе 1-га Беларускага фронту [10]. Гэта гісторыка-дакументальнае выданне было прысвечана 8-му асобнаму штрафному батальёну, аўтарам якога з'яўляўся адзін з яго непасрэдных удзельнікаў – камандзір роты аўтаматчыкаў, потым адной з рот гэтага батальёна лейтэнант Пыльцын А. В. Як ён сам адзначае ў прадмове да кнігі, успаміны паказваюць толькі некаторыя баявыя эпізоды гісторыі батальёна, якія ўдалося аднавіць для чытача дзякуючы не толькі ўласным успамінам, але ў значнай меры чаргу працы аўтара з дакументамі Падольскага ваеннага архіва. Баявы афіцэр звяртае ўвагу на тое, што ў 1944 г. сярэднямесячныя страты пераменнага складу забітымі, памерлымі, раненымі і хворымі перавышалі ў 3–6 разоў узровень страт асабовага складу звычайных войскаў [10, с. 425].

Аднак Пыльцын А. В. пакідае ў сваёй кнізе без аніякай увагі большасць з акрэсленых вышэй аспектаў гэтай складанай тэмы, засяроджваючы ўвагу толькі на асобных старонках гісторыі ўдзелу 8-га штрафнога батальёна ў баях за вызваленне Беларусі. Пасля знаёмства з выданнем у чытача застануцца шматлікія пытанні аб падобных па сваім найменні баявых падраздзяленнях Чырвонай арміі – штрафных ротах? Галоўным з іх з'яўляецца наступнае: наколькі масавай з'явай у Чырвонай арміі былі штрафнікі? Колькі салдат, сяржантаў і афіцэраў (пастаяннага і зменнага складу) прайшлі праз такія вайсковыя падраздзяленні ў ходзе вызвалення Беларусі? У чым вызначаліся асаблівасці выкарыстання сяржанцка-салдацкіх і афіцэрскіх штрафных рот пры вырашэнні баявых задач? Як вызначалася аснова для камплектавання штатнага складу савецкіх падраздзяленняў падобнага роду? Чаму да гэтага часу не апублікаваны ўспаміны хоць кагосьці з тых, хто ваяваў у штрафных ротах, здолеў выжыць у баях, але так і не распавёў пра гэта на старонках газет, часопісаў ці кніг? Няўжо ніхто не хацеў расказаць праўду аб такіх франтавіках? Ці ёсць таму іншыя прычыны, чаму не знайшоўся ніхто, хто б з апорай на ўспаміны ці малавядомыя факты, якія мелі месца ў гісторыі, здолеў бы паведаць нашчадкам аб такіх унікальных падраздзяленнях Чырвонай арміі, якія змагаліся за вызваленне Беларусі.

У гэтай сувязі ўзнікае галоўнае пытанне – чаму гэта тэма да цяперашняга часу не знайшла свайго даследчыка ў сучаснай беларускай

гістарыяграфіі, не стала прадметам даследавання ў навуковых працах, чаму застаецца без крытычнага аналізу. Нагадаем чытачу, што ў савецкі час тэма штрафных рот наўмысна замоўчвалася як у літаратуры, так і ў друку, а таксама ў сродках масавай інфармацыі. Ці такое замоўчванне працягваецца і надалей па той простае прычыне, што гэтая катэгорыя удзельнікаў баявых дзеянняў не знаходзіла свайго замацавання ў савецкай канцэпцыі Вялікай Перамогі? Звернемся да прававых асноў фарміравання штрафных падраздзяленняў. Паводле загаду № 227, дзе ў якасці штрафніка разглядаліся “вінаватыя ў парушэнні дысцыпліны па баязлівасці або няўстойлівасці”, а таксама тыя чырвонаармейцы, хто наўмысна на невыкананне загаду, членашкодніцтва, уцякаў з поля бою ці спрабаваў перайсці да ворага. Таму штрафнікі ставіліся на больш цяжкія ўчасткі арміі, каб даць ім магчымасць сплаціць крывёю свае злачынствы перад Радзімай [12, с. 251].

Зразумела, што для паказу гэтай складанай і надзвычай супярэчлівай праблемы прафесійнымі гісторыкамі асабліваю каштоўнасць будуць уяўляць дакументальныя крыніцы, якія могуць утрымліваюць звесткі аб такіх малавядомых вайсковых падраздзяленнях, іх асабістым і колькасным складзе, узросце, падрыхтоўцы, узбраенні, нацыянальнасці і г.д. Асабліва важным фактарам для вывучэння гэтай тэматыкі можна назваць увядзенне ў шырокі ўжытак новых крыніц, якія ўтрымліваюць звесткі аб штрафных ротах. Мажліва, што для напісання іх усебаковай гісторыі пакуль недастаткова не толькі дакументальных крыніц, але і гістарычных звестак.

Таму аўтара гэтых радкоў прапануе разгляд некалькіх даволі важных аспектаў для даследавання гісторыі штрафных рот у ходзе вызвалення Беларусі ўвосень 1943 – пачатку 1944 г. У нашым выпадку размова вядзецца пра нямецкія дакументы, якія ўяўляюць сабой рэгулярныя данясенні аддзела выведкі і контрвыведкі штаба 9-й нямецкай палявой арміі. Перш-наперш звернем увагу чытача на тое, што дзякуючы іх увядзенню ў навуковы зварот практычна ўпершыню ў беларускай гістарыяграфіі размова будзе весціся пра шматлікія прыклады фактычнага ўдзелу радавых, сяржантаў і афіцэраў у баях за вызваленне канкрэтных беларускіх населеных пунктаў, дзе побач з гераічнай і трагічнай тэматыкай гістарычнымі фактамі вайны была такая няпростая з’ява, як штрафныя роты, штрафнікі і гісторыя іх баявой дзейнасці. Апроч таго, за рамкамі гэтай гісторыі застаюцца не менш важныя жыццёвыя аспекты ваеннага мінулага, звязанага не толькі з гібеллю саміх штрафнікоў, але і з надзвычай цяжкім лёсам іх сямей, не ў першую чаргу жанчын ці бязвінных удоў, якія пасля вайны неслі крыж матуль ці жонак здраднікаў

Радзімы. Пра такія гістарычныя сюжэты айчынная гістарыёграфы ці літаратары пакуль што маўчаць.

Таксама нагадаем, што на лініі наступлення Беларускага фронту рубеж абароны трымала 9-я нямецкая палявая армія, якая знаходзілася на правым крыле групы армій “Цэнтр” і з канца 1943 г. і ў пачатку 1944 г. адказвала за ўтрыманне абароны на даволі знаным участку ад Новага Быхава на поўначы да Жыткавіч на поўдні. Гэтая лінія пастаянна змянялася на асобных участках фронту ў напрамку на захад, што было вынікам паспяховага наступлення сіл Беларускага фронту (з красавіка 1944 г. – 1-га Беларускага фронту). Паводле нямецкіх звестак, на участку абароны 9-й германскай палявой арміі колькасць савецкіх дзеючых стралковых дывізій дасягала 39 з 11, 48, 50, 61, 65 і 63 армій [13, S. 529].

Паводле загада № 227, правам на фактычнае стварэнне штрафных рот надзяляліся ваенныя саветы армій і перш за ўсё камандуючыя арміямі, якія маглі сфарміраваць на рубяжы дзейнасці арміі ад пяці да дзесяці (гледзячы на абставіны) штрафных рот (ад 150 да 200 чалавек у кожнай), куды накіраваць радавых байцоў і малодшых камандзіраў, якія правінаваціліся ў парушэнні дысцыпліны па баязлівасці ці няўстойлівасці, і паставіць іх на цяжкія ўчасткі арміі, каб даць ім магчымасць сплаціць крывёю свае злачынствы перад Радзімай [12, с. 251]. Нагадаем, што ў плане аператыўнага падпарадкавання штрафныя роты былі прыдадзены палкам, якія забяспечвалі штрафнікоў усім неабходным, выдавалі ўзбраенне, боезапасы, вызначалі канкрэтнае заданне.

Крыніцазнаўчы аналіз нямецкіх архіўных матэрыялаў дазваляе даць адказ на пастаўленыя вышэй пытанні толькі ў некаторай ступені. У нашым выпадку размова вядзецца пра трафейную калекцыю “Александрыйскіх мікрафільмаў” [14, с. 60–69], у якіх захаваліся данясенні аддзела выведкі і контрвыведкі, падрыхтаваныя штабам 9-й нямецкай палявой арміі. Аснову данясенняў складалі звесткі, атрыманыя ў ходзе допытаў савецкіх ваеннапалонных і перабежчыкаў па некалькіх важных пазіцыях, звязаных з: 1) баявымі часцямі (іх баяздольнасцю, баявой моцы, складам, узбраеннямі, стратамі); 2) папаўненнем (адукацыяй, узростам, нацыянальным паходжаннем); 3) выкарыстаннем на вайскавай службе жанчын; 4) санітарным станам і ўмовамі гігіены; 5) газавай вайной; 6) савецкімі ўзбраеннямі і тэхнічным забеспячэннем; 7) уздзеяннем нямецкай зброі; 8) настроем у савецкіх вайсковых падраздзяленнях; 9) настроем і становішчам у тыле; 10) прапагандай і абслугоўваннем часцей; 11) падставамі для пераходу да немцаў; 12) умовамі харчавання і забеспячэння; 13) транспартам; 14) эканомікай і прамысловасцю; 15) абыходжаннем з нямецкімі

ваеннапалоннымі; 16) рознымі пытаннямі; 17) нумарам палявой пошты [15, К. 7915486, 7915538, 7915607, 7915640, 7915662, 7915689, 7915724, 7915847, 7915945, 7915994, 7916040, 7916135, 7916140, 7916182, 7916186, 7916202, 7916227, 7916245, 7916272, 7916286, 7916310, 7916328].

На цяперашні час аўтарам выяўлена і апрацаваны матэрыялы 23 данясенняў, якія ахопліваюць перыяд ад 2 лютага па 9 чэрвеня 1944 г., і былі датаваны: 2. 01. 44, 11. 01. 44, 18. 01. 44, 23. 01. 44, 28. 01. 44, 4. 02. 44, 12. 02. 44, 23. 02. 44, 7. 03. 44, 12. 03. 44, 17. 03. 44, 24. 03. 44, 28. 03. 44, 31. 03. 44, 6. 04. 44, 13. 04. 44, 21. 04. 44, 27. 04. 44, 11. 05. 44, 21. 05. 44, 1. 06. 44, 9. 06. 44, 22. 06. 44. Як бачна, гэта былі данясенні, якія рэгулярна (раз на 5, 10 і 15 дзён) рыхтаваліся афіцэрамі армейскага штабнага аддзела выведкі і контрвыведкі на падставе атрыманых звестак. Кожнае з такіх данясенняў дасягала даволі значных тэкставых памераў: данясенне № 21 ад 21.05. 1944 г. мела самы меншы памер толькі ў 13 старонак, тады як першае вясновае данясенне № 9 ад 7. 03. 1944 г. утрымлівала матэрыял на 72 старонках. У іх змяшчаліся самыя розныя звесткі, тэматычна падзеленыя паводле прыведзеных вышэй крытэрыяў, а таксама факты, якія не сустракаюцца ў існуючым на цяперашні час гістарычным наратыве: або размова ідзе пра сістэматызаваныя звесткі пра назвы вайсковых часцей, нумароў дывізіяў, палкоў, батальёнаў і рот, або даецца характарыстыка ўкамплектавання ўзбраеннямі канкрэтнага падраздзялення з прывядзеннем іх колькасных даных, або прыводзіцца падрабязная геаграфія перамяшчэння вайсковых часцей, згадваюцца імёны асобных камандзіраў батальёнаў, палкоў, дывізіяў і г. д. Адным з самых сур'ёзных недахопаў нямецкіх дакументаў для даследчыка можна назваць амаль поўную адсутнасць імёнаў і прозвішчаў радавых, сяржантаў і малодшага афіцэрскага складу, нягледзячы на тое, што даюцца звесткі пра ўзрост і вайсковую часць, у якой чырвонаармеец праходзіў вайсковую службу на момант палону ці наўмыснага пакідання сваіх баявых пазіцый з мэтай пераходу да ворага.

Прывядзём кароткі крыніцазнаўчы аналіз зместу данясенняў у аспекце паказу некаторых фактаў вайскавай паўсядзённасці, якая па цяперашні час у такім вымярэнні практычна застаецца па-за межамі навуковых даследаванняў.

Перш за ўсё прывядзём агульную колькасць тых, хто ў канцы 1943 – першай палове 1944 г. стаў аб'ектам практычнай дзейнасці нямецкай выведкі і контрвыведкі. З данясенняў вынікае, што за крыху больш чым за паўгода праз армейскі штабны аддзел прайшлі звесткі на 1960 чырвонаармейцаў розных вайсковых званняў, пачынаючы ад радавога без імя і прозвішча, але са звесткамі пра год нараджэння,

прыналежнасць да вайсковай часці, данымі пра ўзбраенне, і завяршаючы маёрам, камандзірам палка 110-й гвардзейскай стралковай дывізіі. Менавіта такая колькасць савецкіх радавых ва ўзросце ад 1893 да 1925 гадоў нараджэння, сяржантаў (2 яфрэйтараў, 9 малодшых сяржантаў, 16 сяржантаў і 10 старшых сяржантаў і 2 старшын) і афіцэраў (11 малодшых лейтэнантаў, 17 лейтэнантаў, 10 старшых лейтэнантаў і 1 капітана) патрапіла ў нямецкі палон. Адзначым, што данясенні ўтрымліваюць звесткі, якія раскрываюць агульную карціну палону чырвонаармейцаў на працягу гэтага часу, адпаведна: у студзені ў палон патравілі 300 чалавек, у лютым – 359, сакавіку – 907, красавіку – 30, маі – 1 і ў чэрвені – 17. У той жа час з 23 данясенняў толькі 16 утрымліваюць звесткі пра штрафнікоў, пачынаючы з першага данясення ад 2. 01. 1944 і завяршаючы апошнім данясеннем № 24 ад 22. 06. 1944 г. За гэты ж час пакінулі свае баявыя пазіцыі і перабеглі да праціўніка, г. зн. дэзерціраваў 161 чырвонаармеец ці 8,2 %, з якіх: у студзені – 25 чалавек, у лютым – 36, у сакавіку – 58; красавіку – 27, у маі – 4, у чэрвені – 14 чалавек.

У прыведзеную лічбу ўваходзяць таксама 109 ці 4,37 % штрафнікоў, з якіх 102 служылі ў штрафных ротам, а 7 з'яўляліся афіцэрамі асобных штрафных батальёнаў, якія ўдзельнічалі ў вызваленні Беларусі ў пачатку 1944 г. [15, К. 7915486–5502, 7915538–5549, 7915607–5616, 7915640–5645, 7915662–5671, 7915689–5699, 7915724–5737, 7915772–5790, 7915847–5870, 7915945–5962, 7915994–6007, 7916040–6058, 7916109–6113, 7916163–6168, 7916187–6189, 7916203–6206, 791628–6231, 7916227–6231, 7916246–6247, 7916273–6276, 7916287–6290, 7916311–6313, 7916328–6332].

Паводле нямецкіх дакументаў атрымліваецца, што штрафнікі належалі да двух штрафбатаў (8-га і 33-га, які дзейнічаў пры 115-й стралковай брыгадзе), а таксама пяці штрафных рот (2-й роты 217 стралковай дывізіі, 188-й пры 42-м танкавым палку, 192-й, 257-й пры 1201-м стралковым палку 354-й стралковай дывізіі, 258-й пры 210-м стралковым палку 82-й стралковай дывізіі, 260-й пры 253-й стралковай дывізіі). Тады як савецкія ваеннапалонныя паходзілі з некаторых вышэй названых і іншых штрафных рот, у тым ліку: 33-га штрафбата пры 63-й арміі, 187-й штрафной роты, 188-й штрафной роты ў складзе 48-й арміі, 189-й штрафной роты пры 175 стралковай дывізіі, 190-й штрафной роты пры 307-й стралковай дывізіі, 192-й штрафной роты пры 102-й стралковай дывізіі, 257-й штрафной роты пры 354 стралковай дывізіі 65-й арміі, 258-й штрафной роты пры 210-м стралковым палку 82-й стралковай дывізіі, 262-й штрафной роты пры 193-й стралковай дывізіі, 263-й штрафной роты пры 303-м стралковым палку 69-й стралковай дывізіі [15, К. 7915486–

5502, 7915538–5549, 7915607–5616, 7915724–5737, 7915847–5870, 7915945–5962, 7915994–6007, 7916040–6058, 7916109–6113, 7916187–6189, 7916203–6206, 791628–6231, 7916227–6231, 7916246–6247, 7916311–6313, 7916328–6332].

Наяўныя нямецкія матэрыялы даюць магчымасць скласці ўзроставую характарыстыку савецкіх дэзерціраў, а таксама выявіць некаторыя адметнасці. У першым выпадку бачна, што з агульнай колькасці 17 перабежчыкаў ці 10,6 % былі народжаны ў другой палове 1890-х гадоў. Выключэннем быў толькі адзін чырвонаармеец, народжаны ў 1894 г. Трое з гэтай колькасці служылі ў штрафных ротах. У наступнай узроставай групе належала амаль трэць былых чырвонаармейцаў – 46 чалавек (28,7 %), з якіх 6 служылі ў штрафных ротах. Самую вялікую групу складалі народжаныя ў дзясятых гады ХХ стагоддзя – 55 чалавек (34,3 %), з іх толькі 8 ці 14,5 % служылі ў штрафных ротах. На апошнюю групу, якая ахоплівае толькі 5 першых гадоў трэцяга дзесяцігоддзя, прыпадае 43 дэзерціраў (26,8 %), з якіх 23 чалавека былі маладзейшыя за 20 гадоў, адзін з іх быў 1926 года нараджэння, г.зн толькі 18-гадовым юнаком. Заўважым, што 13 чалавек ці 30,2 % былі народжаны ў 1924 г. З агульнай колькасці перабежчыкаў 30 чалавек ці 18,75 % паходзілі з штрафных рот і батальёнаў. Сярод перабежчыкаў 9 мелі вайсковыя званні, у тым ліку: 1 капітан, 4 лейтэнанты, 1 – малодшы лейтэнант, 2 сяржанты і 1 малодшы сяржант.

Данясенне № 6 ад 4 лютага 1944 г. [16, К. 7915689–5721] дае чытачу магчымасць пазнаёміцца з падобным дадаткам, у якім размова ідзе пра 63 чырвонаармейца, якія загінулі за першы месяц новага 1944 года. У дачыненні да пасад, якія займалі яны: 11 – маёры, 1 старшы лейтэнант, 5 лейтэнантаў, 6 – малодшых лейтэнантаў, 1 – старшына, 1 – старшы сяржант, 2 – сяржанты, 1 – малодшы сяржант, 34 – радавыя і 11 – грамадзянскіх асоб; з 63 чалавек 32 былі рускімі, 7 – украінцамі, 4 – беларусы, усяго 69% славян і 31% іншых прадстаўнікоў, у тым ліку: 1 – чуваш, 3 – азербайджанцы, 6 – узбекаў, 1 – кіргіз, 1 – трукмен, 3 – таджыкі, 5 – казахаў. З вышэйшай адукацыяй не было нікога, ад 7 да 10 класаў навучання ў школе – 19 чалавек, ад 5 да 6 – 11, 4-класная адукацыя – 8, ад 1 да 3 класы – 12, неадукаваныя – 13. Па ўзросце: з 1926 году – нікога, з 1925 – 4, 1924 – 6, з 1914 па 1923 – 20, - 1904 па 1913 – 24, 9 – 1893 па 1903 г. Па партыйнай прыналежнасці: члены партыі – 3, кандыдаты – 5, камсамольцы – 6, беспартыйныя – 49; сацыяльнае паходжанне: з сялян – 31, з рабочых – 23, служачых – 9. Прыналежнасць да вайсковых часцей: 5 чалавек – 33 сд, 5 чалавек – 60 сд, 4 чалавекі –

137 сд, 6 чалавек 307 сд, 6 чалавек 399 сд, па адным ці 2 чалавекі з розных часцей – 37 чалавек.

Не менш цікавым з'яўляюцца для чытача звесткі, падрыхтаваныя аддзелам выведкі ў дачыненні да нормаў харчовага забеспячэння чырвонаармейцаў у разліку на 1 дзень. Заўважым, што звесткі прыведзены на аснове допыту начальніка пункта забеспячэння 1090 стралковага палка лейтэнанта Віслабокава. Адпаведна ім чырвонаармейцы штодня атрымлівалі: 1) хлеба чорнага – 900 грам, з якіх 100 гр маглі быць заменены бульбай; 2) хлеба белага 2-га сорту – 20 гр.; 3) круп – 140 гр.; 4) макаронаў – 30 гр.; мяса – 180 гр.; 6) рыбы – 0 гр.; соевай мукі – 15 гр.; 8) тлушчы – 30 гр.; 9) алею – 20 гр.; 10, цурку – 35 гр.; чаю – 1 гр.; солі – 30 гр.; гародніны: бульбы – 500 гр., капусты – 170 гр., морквы – 45 гр, буракоў – 40 гр, цыбулі – 30 гр, агуркоў і супу з гародніны – 35 гр.; 14) таматнай пасты – 6 гр, 15) лаўровы ліст – 0,2 гр, 16) перцу – 0,3 гр.; 17) воцату – 2 гр.; 18) гарчычнага парашку – 0,3 гр.; 19) махоркі – 20 гр.; 20) запалак на месяц – 3 каробкі; 21) паверу для цыгарэт на месяц – 7 блокаў; 22) мыла туалетнага – 200 гр.

Такія дасканалыя звесткі былі не выпадковымі. Паколькі ў аснове падрабязных допытаў ваеннапалонных і перабежчыкаў ляжалі апытальнікі, якія налічвалі дзясяткі самых розных пытанняў, у тым ліку: 1) пытанні асабістага кшталту, прыналежнасці да вайскавай часці, месца і абставіны палону, а таксама характару баявой дзейнасці падраздзялення Чырвонай арміі і г.д.; 2) пытанні прафесійнай адукацыі, пачатку службы ў войску, настрою сярод радавых і афіцэраў, адносін да вайны і інш.; 3) характарыстыкі вайсковых падраздзяленняў, іх узбраенняў, штатнага складу часцей, дзейнасці розных відаў узбраенняў, папаўнення і г.д.; 4) якія баявыя задачы выконваюць падраздзяленні на баявым участку наступлення ці абароны, што вызначана ў якасці аб'екта цэнтральнага ўдару, якія тактычныя сродкі выкарыстоўвае баявой падраздзяленне і інш.; 5) характарыстыка поля бою з дакладнымі звесткамі (лакалізацыяй на карце), дакладныя звесткі пра лінію абароны, умацаванні, выкарыстанне палявых умацаванняў, мінных палёў і г.д.

Сярод матэрыялаў рознага кшталту хацелася б звярнуцца да некаторых дакладных даных, у першую чаргу персанальнага характару. У данясенні № 22 ад 1. 06. 1944 г. [17, К. 7916286–6308] змешчаны матэрыялы, якія на допыце пакінуў 16-гадовы чырвонаармеец, узяты ў палон у раёне г. Жлобіна. Менавіта ў той раён было накіравана пасля кароткай тактычнай і практычнай падрыхтоўкі стралковае падраздзяленне ў складзе 150 чалавек, галоўным чынам расійскіх юнакоў з Кіраўскага раёна РСФСР. Гэта была моладзь 1927/1928 гадоў нараджэння, сабраная

ў складзе асобнага вучэбнага батальёна, які складаў 6 рот па 150 чалавек. Увогуле ў падраздзяленні атрымалі падрыхтоўку амаль каля 1000 чалавек. 15 лютага 1944 г. быў сфарміраваны эшалон і накіраваны ў раён г. Рэчыца, адкуль пешым маршам дабіраўся ў напрамку Жлобіна. У адным з лясных масіваў наша падраздзяленне было перададзена ў склад 40-й стралковага палка 102-й стралковай дывізіі.

З данясення вынікае, што у часці старэйшыя таварышы смяліся з такога папаўнення, паколькі рост некаторых з іх не дасягаў 1,40 м. Паўсюдна гучала крыўдныя заўвагі, што цяпер вайну хочучь выйграць пры дапамозе малакасаў. Хоць на справе старэйшыя таварышы былі пасяброўску настроены і ставіліся са спачуваннем. Выдадзеная форма была для нас завялікай. Пры маршыраванні мы цапляліся за полы шыняля або грукалі прыкладам вінтоўкі аб зямлю. 10 сакавіка, калі немцы пачалі наносіць баявы ўдар, я застаўся з-за страху ляжаць на зямлі і патрапіў у палон. У час гэтых баявых дзеянняў я быў вельмі ўражаны, асабліва калі пабачыў, што наша рота ў складзе 250 чалавек была цалкам разбіта і ў палон патравілі разам са мной яшчэ 28 параненых чырвонаармейцаў. Астатнія мае аднагодкі за часам нямецкага ўдару хутчэй за ўсё загінулі. Калі нас адпраўлялі на фронт у якасці папаўнення ў складзе стралковага батальёна, нам казалі, што немцы вельмі слабыя, што іх можна будзе выгнаць з захопленай тэрыторыі вельмі лёгка. Руская прапаганда настолькі запэўніла нас, што мы паверылі, што здолеем гэта зрабіць нараўне з дарослымі. Але на справе гэты было не так.

Такім чынам, першаснае знаёмства нават з некаторымі нямецкімі данясеннямі, дазваляе не толькі значна пашырыць уяўленні пра малавядомую дакументальную базу, але і атрымаць важныя звесткі для больш глыбокага вывучэння асобных старонак гісторыі першапачатковага вызвалення Беларусі. Уведзены матэрыял актуалізуе пытанне аб неабходнасці пастаноўкі на парадак дня сучаснай беларускай гістарыяграфіі адну з актуальных задач па крытычным аналізе падзей мінулага з мэтай максімальна поўнай рэканструкцыі гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай войны. У пераліку такіх задач павінна стаяць праца па ўвядзенні ў шырокі ўжытак малавядомых гістарычных фактаў, без якіх на цяперашні час ужо немагчыма правядзенне ўсебаковага даследавання па згаданай праблематыцы. Відавочна, што фарміраванне новага інфармацыйнага кантэнтнага патрабуе не толькі ўвядзенне малавядомых нямецкіх крыніц, але і выкарыстанне метаду кампаратыўнага аналізу для далейшага аб'ектыўнага навуковага даследавання ваеннай мінуўшчыны.

Аналіз эмпірычных фактаў, выяўленых аўтарам гэтых радкоў сярод матэрыялаў калекцыі «Александрыйскія мікрафільмы», сведчыць аб невычэрпнасці крыніцазнаўчага патэнцыялу, які захоўваюць арыгінальныя нямецкія дакументы, пакуль не ў дастатковай меры выкарыстаныя беларускімі і замежнымі даследчыкамі для ўсебаковага вывучэння гісторыі вызвалення Беларусі ўвосень 1943 – пачатку 1944 г.

Крыніцы і літаратура

1. Освобождение Беларуси. 1943–1944 / Ред. кол.: И. И. Басик (сопредседатель), А. А. Коваленя (сопредседатель) [и др.]. – Минск : «Беларуская навука», 2014. – 942 с.

2. Беларусь: памятное лето 1944 года : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (Минск, 19–20 июня 2014 г.) / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2015. – 568 с.

3. Здановіч, У. В. Новыя падыходы да вывучэння вызвалення Беларусі ад нацысцкіх акупантаў у сучаснай айчыннай гістарыяграфіі / У. В. Здановіч // Беларусь: памятное лето 1944 года: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (Минск, 19–20 июня 2014 г.) / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2015. – С. 93–98.

4. Новікаў, С. Я. Вызваленне Беларусі ад германскіх захопнікаў 1943–1944 гг. у сучасных айчынным і замежным гістарыяграфічных наратывах / С. Я. Новікаў // Векапомныя дні вызвалення: материалы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (Гомель, 2 мая 2019 г.) / под общ. ред.: Е. К. Кириченко. – Гомель : БелГУТ, 2019. – С. 3–11.

5. Страна в огне : в 3 т. / Отв. ред. Литвин А. М., Никифоров Ю. А. – М. : «Абрис», 2018. – Т. 2: Коренной перелом. 1942–1943 : в 2 кн. Кн. 1: Очерки. – 734 с.

6. Страна в огне : в 3 т. / Отв. ред. Литвин А. М., Мягков М. Ю.: ред.-сост. Суржик Д. В. – М. : «Абрис», 2018. – Т. 3: Освобождение. 1944–1945 : в 2 кн. Кн. 1: Очерки. – 717 с.

7. Пыльцын, А. В. Правда о штрафбатах / А. В. Пыльцын. – М. : Яуза, 2007. – 368 с.

8. Пыхалов, И. В. Штрафбаты по обе стороны фронта / И. В. Пыхалов, А. В. Пыльцын [и др.]. – М. : Яуза, 2007. – 482 с.

9. Пыльцын, А. В. Страницы истории 8-го штрафного батальона Первого Белорусского фронта / А. В. Пыльцын. – Минск : ИВЦ Минфина, 2009. – 448 с.

10. Пыльцын, А. В. Правда о штрафбатах. Как офицерский штрафбат дошел до Берлина / А. В. Пыльцын. – М. : Яуза, 2016. – 544 с.

11. Приказ народного комиссара обороны № 227, 28 июля 1942 г. / Мировые войны XX века : в 4 кн. / Отв. ред. М. Ю. Мягков. – М. : Наука, 2002. – Кн. 4: Вторая мировая война: документы и материалы. – С. 248–251.

12. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg : in 10 B-de.. – München : Deutsche Verlags-Anstalt, 2007. – Bd. 8: Die Ostfront 1943/44. Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten / Hrsg. von Karl-Heinz Frieser. – 1319 s.

13. Новікаў, С. Я. «Александрыйскія мікрэфільмы» як новая архіўная першакрыніца па ваеннай гісторыі Беларусі / С. Я. Новікаў // Вести Института современных знаний. – 2000. – № 2. – С. 60–69.

14. НАРБ. – Фонд «Александрыйскія мікрафільмы» (далее – АМФ). – № 180. – К. 7915486–7916339.

15. АОК 9. Abt. I с/АО: Auszüge aus Gefangenenvernehmungen vom 4. Februar 1944 // НАРБ. – АМФ. – № 180. – К. 7915689–7915721.

16. АОК 9. Abt. I с/АО: Auszüge aus Gefangenenvernehmungen vom 22. Juni 1944 // НАРБ. – АМФ. – № 180. – К. 7916286–7916308.

УДК 94:378.147:94:378.095:329.15(476)"1944"

О. Г. Ященко

ГГУ имени Ф. Скорины, г. Гомель

ВЛИЯНИЕ ВОЕННОГО ФАКТОРА НА ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ В ПАРТИЙНЫХ ШКОЛАХ БЕЛАРУСИ (1944)

На основе документальных материалов из Государственного архива общественных объединений Гомельской области охарактеризованы подходы к преподаванию истории в партийных школах на освобожденных территориях БССР в военные годы (на примере Гомеля). Показано место раздела, посвященного истории Великой Отечественной войны, в контексте других разделов тематических планов партшкол на 1944 г.

Вторая мировая война оказала мощное воздействие не только на переустройство мира в глобальном отношении, но также на

мировосприятие военно-исторических событий, всего хода мировой истории. Это нашло отражение и в системе ее преподавания, в том числе в годы, когда военные действия были еще в активной фазе. Влияние военной эпохи на процесс преподнесения исторических фактов и явлений важен как с точки зрения понимания общественного значения борьбы с угрозой человечеству, раскрытия вопроса об идеологических позициях противоборствовавших сторон, так и для определения состояния исторической науки в трагические годы военного лихолетья. Не менее актуально расширение знаний в области воссоздания истории методики преподавания исторических дисциплин, как всемирной истории, так и советского государства. При этом следует подчеркнуть обязательность оценки с позиций современного профессионального понимания исторического процесса ряда искажений. Они являлись либо следствием не разработанности в тот период определенных исторических вопросов, либо сознательной деформацией представлений о прошлом и современности, исходя из марксистско-ленинской методологии и неизбежности обслуживания интересов советско-партийной элиты, внедрения заданных идеологических образцов в сознание советских людей, особенно в ответственные дни отстаивания приоритета коммунистических идеалов.

Цель исследования – раскрыть воздействие военного фактора на содержание преподавания истории в партийных школах на освобожденных территориях Беларуси в условиях продолжавшейся Второй мировой войны. Использование унифицированных подходов, рекомендовавшихся идеологической системой и спускавшихся по вертикали, позволяет рассмотреть вопрос на примере Гомеля, освобожденного 26 ноября 1943 г.

В советский период и в последние десятилетия сформировался обширный пласт литературы в области изучения методики преподавания истории в школе [1–3], однако внимание к проблеме влияния Второй мировой войны на характер преподавания отечественной и зарубежной истории в опубликованных трудах остается крайне ограниченным. Это происходит по объективной причине ориентации авторов подобных изданий на показ общих правил в работе учителя (преподавателя), демонстрацию основных вех в развитии методики преподавания в целом и на детализацию на конкретных примерах приемов овладения преподнесением исторического материала учащимся. Вопрос об освещении исторических событий и явлений в рамках обучения других категорий, кроме школьников, а также в срезе просветительской и пропагандистской работы с населением, особенно в военный период, не

отразился в расширенном формате на страницах подобных учебных и научно-педагогических изданий.

В качестве примера обратимся к работе Т. Н. Глазыриной «Методика преподавания истории», опубликованной в Беларуси. В нем автор указывает: «В годы Великой Отечественной войны на первое место в обучении истории выдвигается воспитательная цель. Перед учителями была поставлена задача усилить воспитание патриотизма и интернационального единства» [4, с. 34]. Цель достигалась посредством раскрытия роли славянских народов в борьбе с чужеземными захватчиками в исторической ретроспективе, а также делался акцент на позитивной роли личности в истории России на примере деятельности отдельных полководцев. Это должно было содействовать укреплению уверенности учащихся в победе над врагом в годы Великой Отечественной войны.

Исключительно важный фактор – адресность преподавания материала той или иной аудитории. Слушатели партийных курсов и лица, вовлеченные в работу партийных школ в БССР, также, как и в других союзных республиках, в соответствии с тематическими разработками, которые четко прописывались идеологами, погружались в историю не только партии, но и должны были познать основы всемирно-исторического процесса и истории СССР. В связи с условиями ведения Второй мировой войны в эти разработки были внесены коррективы.

В основу данного исследования положены архивные документы из Гомельского архива общественных объединений Гомельской области, которые включают информацию об изучении истории в системе партийных школ разных районов города в 1944 г. Представленные здесь планы преподавания содержат несколько разделов [5].

Безусловно, первое место занимала история коммунистической партии, далее предлагалась к рассмотрению история Великой Отечественной войны, также почетное место занимала рубрика «История нашей Родины» (применительно к рассматриваемой исторической эпохе история СССР), последующие разделы были посвящены обсуждению вопросов партийного и советского строительства. Отдельно для именно городских районных партийных организаций в программе предусматривалось раскрытие темы «Вопросы экономики предприятий» (для сельского контингента участников – «Вопросы колхозного строительства»), завершался курс разделом «Политическая карта мира» [5, л. 7–10].

Фоновые задачи, которые возлагались на изучение разделов по истории и географии, вполне соответствовали достижению главной цели – созданию идеологической основы для осуществления восстановления мирной жизни на началах советского строя, доминирования партийных постулатов. Ценность подобных подходов особенно возростала для работы среди населения Беларуси, пережившего оккупацию и находившегося длительное время под воздействием немецкой пропаганды.

История Советского Союза в целом представляла в основном как история России, но постулатами в ее преподавании, продиктованными военными условиями, являлись ориентиры на выпячивание на первый план, подчеркивание военных успехов в прошлом, его героизация. Влияние ведения боевых действий в это время привело к подчеркиванию военного прошлого, например, формулировка темы «Разгром немецких псов-рыцарей в XIII в. Александром Невским», особое красной линией проходило акцентация изучения на вклад выдающихся деятелей в российскую историю, фигурировали имена Александра Суворова, Михаила Кутузова, Дмитрия Донского, в этом проявилось воздействие ситуации на формирование исторического курса, в котором из 7 из 16 позиций носили исключительно военную тематическую направленность [5, л. 6].

В разделе, призванном показать политическую ситуацию в мире, кроме базовых знаний по географии и закладке политического мировоззрения, объем учебы укладывался в рамки 17 часов, почти все встречи посвящались не повествованию о разных странах мира, а выделялись только те, которые являлись сторонниками антигитлеровской коалиции либо были их противниками. Так, США, Франция на политической карте мира представляли самостоятельно. История азиатских государств (Японии и Китая) выводилась в отдельную тему [5, л. 10].

Первый раздел преподавания был стандартным, по времени рассчитан на 60 учебных часов и по содержанию воспроизводил заданные позиции в освещении курса истории ВКП(б), отступления от которых априори не могли быть реализованы в сложившихся условиях функционирования советско-партийной идеологической машины. Но его рубрики были дополнены двумя последними темами, связанными с войной. Они были сформулированы следующим образом – «Начало Второй мировой войны и борьба партии за дальнейшее укрепление экономической и военной мощи СССР» и «Партия большевиков – вдохновитель и организатор борьбы советского народа за победу над немецко-фашистскими

захватчиками», на изучение каждой из них отводилось по два учебных часа [5, л. 4–4об.]. Таким образом, тематический план обучения партийных работников был обновлен и учитывал необходимость обсуждения военного фактора на партийную деятельность, что в итоге должно было привести к упрочению влияния на трудящихся.

Наибольший интерес вызывает второй раздел плана, который получил соответствующее название «Великая Отечественная война» и был ориентирован на учебу партработников в течение 26 часов [5, л. 5]. Вводная тема нацеливала слушателей на обсуждение книги И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Многочисленные архивные документы подтверждают, что по всей стране было реализовано массовое обсуждение этого сочинения вождя в трудовых коллективах, в том числе в учреждениях и на предприятиях в разных районах Гомеля. Вторая встреча с лектором в партшколе должна была нацелить аудиторию на понимание справедливости ведения Советским Союзом войны против гитлеровской Германии.

Следующий пункт плана давал теоретическое обоснование сути происшедших событий, исходя из заданных акцентов на характеристику борьбы политических сил в мире: «Товарищ И. В. Сталин о немецко-фашистском, разбойничьем империализме». Из 13 пунктов плана большая часть – с 4 по 13-ый – отводилась собственно событиям Второй мировой войны. В них шла речь об обозначении вождем постоянно действовавших факторов, решавших судьбы войны, о росте сил и могущества Красной Армии и др. При этом формулировки носили бравурно-патриотический характер, предлагались в лозунговом формате и были нацелены на пробуждение гордости за свою родину, что соответствовало решению поставленных задач.

Особое внимание уделялось рассказу об образовании антигитлеровской коалиции, что было крайне важно в условиях 1944 г. идеологически объясняло открытие Второго фронта. Взаимоотношения стран антигитлеровской коалиции описывались как «боевой союз». Отдельная встреча посвящалась вопросу о развале фашистского блока. Событийный момент отражался в теме занятия «Три года великой Отечественной войны». Важность демонстрации силы в СССР в борьбе с противником закладывалась в обсуждение темы «Источники силы Советского Союза», этому же способствовало включение в работу таких тем, как «Могучая промышленность Советского Союза – материально-техническая база боевых успехов Красной Армии» и «Колхозный строй – крепкая опора фронта». Важным сюжетом в построении связного изложения истории Великой Отечественной войны выступало обращение

к эмоциям населения, апеллирование к мотивации жителей на труд и поддержку начинаний партии, уважительное отношение к памяти погибших, помощь семьям военнослужащих, инвалидов, с этой целью вводилась тема «Патриотизм советского народа в Великой Отечественной войне». Сложный период переживания населением оккупации диктовал необходимость постановки задачи по возобновлению действия советской власти, введения в строй предприятий, идеологической чистки среди жителей, находившихся на занятых врагом территориях. В этой связи завершающей в плане стала следующая тема: «Восстановление хозяйства и культуры в освобожденных районах – большая всенародная задача».

Насыщение тематического плана и, соответственно, самой системы преподавания идеологическими штампами содействовало решению задачи, направленной на подъем патриотизма. Содержание и характер преподнесения исторического процесса слушателям партшкол на освобожденных территориях Беларуси в годы Второй мировой войны учитывал заданные идеологические компоненты. При этом военный фактор оказался исключительно важным в русле работы идеологической машины Советского Союза и поставил вопрос о корректировке преподавания истории, необходимости опоры на материалы о Великой Отечественной войне, выдвинул их в ряд первоочередных в процессе сплочения населения для борьбы с захватчиками и для дальнейшего восстановления разрушенного хозяйства.

Источники и литература

1. Актуальные вопросы методики обучения истории в средней школе : пособие для учителя / О. И. Бахтина, Н. К. Боголюбова, Н. И. Ворожейкина [и др.]; под ред. А. Г. Колоскова. – М. : Просвещение, 1984. – 272 с.
2. Гора, П. В. Повышение эффективности обучения истории в средней школе / П. В. Гора. – М. : Просвещение, 1988. – 208 с.
3. Вяземский, Е. Е. Теория и методика преподавания истории / Е. Е. Вяземский, О. Ю. Стрелова. – М. : Владос, 2003. – 384 с.
4. Глазырина, Т. Н. Методика преподавания истории: учеб.-методич. комплекс для студентов специальности 1-21 03 01 «История» / Т. Н. Глазырина. – Новополоцк : ПГУ, 2011. – 356 с.
5. Государственный архив общественных организаций Гомельской области. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 10.

А. Д. Верниковский

БелГут, г. Гомель

ЛЕНД-ЛИЗ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В статье предпринята попытка проанализировать механизм лизинговых отношений СССР с США и Великобританией в годы Великой Отечественной войны. Подчеркнута роль ленд-лиза, который стал историческим примером дипломатического, военного и экономического сотрудничества стран антигитлеровской коалиции, способствовавшего победе над нацистской Германией. Показано, насколько значимы были поставки по ленд-лизу для создания материальных предпосылок для разгрома общего врага.

Ленд-лиз является одним из уникальных явлений в новейшей истории экономических отношений СССР с Соединенными Штатами Америки и Великобританией. Союзники в экстремальных условиях в годы Второй мировой войны сумели достичь взаимопонимания и на практике эффективно использовать механизм межгосударственных лизинговых отношений. Уже к началу ноября 1941 года на СССР был распространен закон о ленд-лизе. В общей сложности СССР получил за годы войны снабжения из Великобритании, США и Канады на общую сумму \$12,9 млрд., из них \$9,8 млрд. приходилось на США. При этом кредит был беспроцентным, а военная техника и различные материалы, уничтоженные, утраченные или использованные во время войны, не подлежали оплате. Полностью или частично подлежало оплате имущество, оставшееся после войны и пригодное для использования в гражданских целях [1, с. 293, 350].

В соответствии с заключенными арендными соглашениями осуществлялись поставки самолетов, танков, артиллерии, кораблей, производственно-технологических линий, нефтеперерабатывающего оборудования, станков, грузовых и легковых автомобилей, а также сырья, материалов и других товаров на сумму более чем \$100 млрд. (в современном стоимостном измерении). Соглашения по ленд-лизу в определенной степени содержали многие отличительные особенности, характеризующие и современные лизинговые операции – срочность, возвратность, платность [2, с. 2].

Ленд-лиз стал историческим примером беспрецедентного дипломатического, военного и экономического сотрудничества стран антигитлеровской коалиции, способствовавшего победе над нацистской Германией. За счет поставок по ленд-лизу ежегодно в течение войны удавалось высвободить из производства около 600 тыс. человек и тем самым сократить армию тыла, увеличивая численность сражавшихся на фронте.

Существенной особенностью ленд-лиза для СССР явился сам факт его применения вопреки имевшимся политическим противоречиям с капиталистическими странами. Общий враг и задачи его уничтожения стали основой для взаимопонимания и личного сотрудничества глав государств антигитлеровской коалиции. Однако так ли безоблачно, на самом деле, обстояли дела и что скрывалось за договоренностями и заявлениями разных сторон (как германской, так и со стороны Союзников и СССР). Каково было влияние ленд-лиза на ход войны и его реальные причины?

Начнем с пресловутых 4 %. В книге председателя Госплана Николая Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» и 12-м томе «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» утверждается: «Известную роль в оснащении Советских Вооруженных Сил сыграли и поставки по ленд-лизу. Однако эта помощь союзников была весьма ограниченной, несопоставимо малой по сравнению с тем, что произвел советский народ... Несомненно, военно-экономическое сотрудничество союзных стран в немалой степени способствовало созданию материальных предпосылок для разгрома общего врага. Вместе с тем поставки по ленд-лизу в СССР были весьма незначительными около 4 % производства промышленной продукции в СССР» [3, с. 57, 74]

Между тем в современной российской историографии отмечается: «Найденные архивные документы и собранные факты свидетельствуют, что наиболее достоверная стоимость поставок по ленд-лизу из Соединенных Штатов Америки в СССР равнялась 11,319 млрд. долларов (85,7 % от всех поставок по ленд-лизу). Кроме того, от Великобритании Советский Союз получил по ленд-лизинговой программе товаров на 1,693 млрд. долларов, или на 420 млн. ф. ст. (12,8 %), а из Канады – на 200 млн. долларов (1,5 %). Таким образом, общая сумма всех поставок по ленд-лизу в СССР составила 13,212 млрд. долларов» [2, с. 117].

Как ни странно, в то же время общая сумма поставок в СССР из США по ленд-лизу за время войны по американским данным составила 9800 млн. долларов [1, с. 350].

Но посмотрим на ситуацию уже в сравнении с советскими источниками того времени. Так, в 1942 году США отправили в СССР предметов снабжения на 1351,9 млн. долларов. СССР получил от США с учётом потерь 12 % этого – всего 1189,7 млн. долларов (по данным американской стороны). Однако председатель Госплана Н. Вознесенский в своих данных показал 2730 млн. рублей (что с учётом курса рубля 1942 года ~5,6 рубля за доллар составляет всего 492 млн. долларов). А за 1943 год – стоимость импорта по данным Н. Вознесенского составила 8460 млн. рублей (в пересчете 1510 млн. долларов), а по американским данным на сумму 2436 млн. долларов [4, с. 73; 1, с. 126–127].

Однако Н. Вознесенскому могли быть известны только суммы поставок в советскую промышленность в виде сырья и полуфабрикатов. Но больше никаких цифр он знать и, соответственно, приводить не мог. Ибо стоимость готовой продукции, полученной от союзников – танков, самолётов, пушек, автомобилей, кораблей и боеприпасов – никаким образом к Госплану отношения не имела. Но насколько значимы были эти поставки? Однозначного ответа тут нет. Американские эксперты оценивали поставки выше, однако и по их данным вся союзная помощь СССР не превысила 10–12 % советского производства вооружений [1, с. 377]. Но это только средние значения. А вот, например, доля поставленных союзниками грузовых автомобилей и джипов в автопарк Красной Армии составила 64 % от их общего количества. Больше 70 % паровозов, работавших на железных дорогах СССР в годы войны, были поставлены союзниками. А ведь от надёжной работы железных дорог зависело очень многое [1, с. 311–314].

Стрелковое оружие и артиллерийские орудия занимали сравнительно небольшое место в общем объеме поставок, т. к. советская промышленность оказалась вполне способной обеспечить Красную Армию качественной артиллерией. Однако же по многим позициям перечень готовой продукции и материалов, запрашиваемых у союзников: взрывчатые вещества, средства связи, автомобили, локомотивы, рельсы, металлы, химикаты, металлорежущие станки, проволока, обувь и многое другое, – заставляет усомниться во многих декларировавшихся советской властью достижениях индустриализации.

Весьма эффективно был решен вопрос доставки. Вероятно, самым известным в силу трагических событий, связанных с северными конвоями, является наиболее короткий маршрут, через Северную Атлантику до Мурманска и Архангельска. Однако по этому маршруту было перевезено менее четверти всех грузов (22,6 %).

Наибольшее число грузов (47,1 %) было перевезено по тихоокеанскому маршруту. Суда грузились в портах западного побережья США и прибывали в Петропавловск-Камчатский, Магадан и Владивосток.

Вторым по объему перевозок был «персидский коридор»: грузы (23,8 %) доставлялись от берегов США и Англии через Персидский залив и Иран, который был оккупирован советскими и британскими войсками. В Иране, чтобы обеспечить доставку грузов к советской границе или к иранским портам на южном берегу Каспийского моря, союзникам пришлось построить шоссейные и железные дороги. Здесь же были сооружены аэродромы, с которых советскими летчиками перегонялись самолеты в СССР, авиамастерские и автосборочные предприятия. Кроме того, американские самолеты перегонялись в СССР своим ходом по маршруту Аляска – Чукотка – Якутия – Красноярск. Отсюда истребители доставлялись к линии фронта по железной дороге, бомбардировщики продолжали путь по воздуху [1, с. 56; 4, с. 350–353]. Союзники поставили 22195 самолетов, большинство из которых превосходили по качеству советские аналоги. Прославленный советский ас, трижды Герой Советского Союза А. Покрышкин сбил 48 из 59 уничтоженным им немецких самолетов, летая на американском истребителе «Аэрокобра» [2, с. 58, 91–92; 1, с. 285–286].

Что касается морских перевозок, советский морской флот смог перевезти лишь 19,4 % от всего гигантского тоннажа; все остальное союзники доставили сами. Для решения этой задачи американцы организовали скоростное поточное производство океанских судов серии «Либерти» (паспортная грузоподъемность 8300 т). Для сравнения: средняя грузоподъемность судна транспортного морского флота СССР на начало 1946 года составляла 3100 т. Огромные океанские суда были построены в количестве 2750 единиц. Средняя продолжительность постройки одного судна была доведена до 44 дней. В Берлине понимали военное значение поставок топлива, вооружения и боеприпасов и пытались принять собственные контрмеры. Проводка судов через воды северной Атлантики (этим маршрутом была доставлена примерно треть всех грузов), по сути дела, для Союзников стала военно-морской кампанией стратегического масштаба. И эту кампанию они выиграли – даже на «мурманском направлении»: было потеряно всего лишь 7 % тоннажа; караваны, направлявшиеся в порты Ирана или советского Дальнего Востока, потеряли не более 1 %. Хотя со стороны СССР и были претензии по поводу темпов доставки.

Всего с июня 1941 по сентябрь 1945 года союзниками было направлено в СССР 17,5 млн. т различных грузов, доставлено к месту

назначения 16,6 млн. т (разницу составляют потери при потоплении судов) [2, с. 56–7].

Но помимо вооружения и сырья для ВПК были налажены поставки бытовых товаров и продовольствия. Мясные консервы, поставленные союзниками, составили 108 % от советского производства (664600 т), сахар-песок – почти 42 % (610000 т), обувь – 16 млн. пар. Союзники практически закрыли два слабых места Красной армии – транспорт и связь. Они поставили 409500 автомобилей, прежде всего, грузовиков (студебеккеры), что в 1,5 раза превосходило советское производство в годы войны. Кроме того, были поставлены 1900 паровозов (советское производство – 446 штук), свыше 11000 вагонов (в СССР произведено немногим более 1000), 622000 т рельсов. СССР по ленд-лизу получил 35800 радиостанций, 5899 приемников, почти миллион миль полевого телефонного кабеля [1, с. 325–327].

В СССР вопрос о значении ленд-лиза был идеологическим: самое передовое социалистическое государство получает помощь от капиталистов. Это не укладывалось в картину мира советского человека. Масштабы помощи союзников сначала замалчивались, а после окончания войны преуменьшались. В марте 1943 года американский посол в Москве адмирал Уильям Стэндли заявил, что «российские власти, по-видимому, хотят скрыть факт, что они получают помощь извне. Очевидно, они хотят уверить свой народ, что Красная Армия сражается в этой войне одна». Лишь после этого заявления, вызвавшего дипломатический скандал и, в конечном счете, отставку посла, в советских газетах появилась информация о масштабах поставок союзников [2, с. 66]. В пересчете на сегодняшний день с учетом инфляции стоимость поставок по ленд-лизу составляет свыше \$160 млрд. [5]

Вынужденный союз не привел к появлению даже кратковременных иллюзий лидеров стран антигитлеровской коалиции относительно друг друга. Рузвельт писал Черчиллю 28 октября 1942 года после очередной размолвки со Сталиным: «Меня не особенно тревожат полученные нами ответы или отсутствие ответов из Москвы. Я решил, что они не пользуются даром речи для тех же целей, для каких мы им пользуемся. Я вполне убежден, что русские продержатся эту зиму и что нам следует решительно осуществлять наши планы как в смысле снабжения их, так и отправки военно-воздушных сил для участия в боевых действиях на их фронте. Я хочу, чтобы мы имели возможность сказать г-ну Сталину, что мы выполнили наши обязательства на 100 %» [6, с. 303].

Впоследствии Черчилль писал, комментируя ситуацию: «Теперь, когда оглядываешься назад, создается впечатление, что поведение

Советов отчасти объяснялось надеждой, что, если им удастся продержаться зиму, они смогут отказаться от любой непосредственной военной помощи со стороны Запада, которую они считали пагубной и способной умалить их престиж. Я считаю, что мы, по крайней мере, заслуживаем похвалы за наше терпение в условиях постоянных оскорблений со стороны правительства, которое надеялось сотрудничать с Гитлером, пока он не напал на него и чуть не уничтожил» [6, с. 777].

Сталин по поводу союзников откровенничал в разговоре с Милованом Джиласом: «Возможно, вы думаете, что как раз потому, что мы с англичанами союзники, мы забыли о том, кто они такие и кто такой Черчилль. Для них нет ничего более приятного, чем обманывать своих союзников. Во время Первой мировой войны они постоянно обманывали русских и французов. А Черчилль? Черчилль – это такого рода человек, что, если за ним не смотреть, он вытащит у тебя из кармана копейку. Да, копейку, из твоего кармана! А Рузвельт? Рузвельт не такой. Он засунет руку только за более крупными монетами» [7, с. 29].

Неудивительно, что союз распался вскоре после окончания Второй мировой войны. Без общего противника не осталось и причин для сохранения антигитлеровской коалиции. Однако в соответствии с условиями ленд-лиза ни рубля, ни доллара, ни цента во время войны уплачено не было. После окончания боевых действий большая часть поставленного была просто списана, как израсходованное в ходе войны имущество. На переговорах в 1948–1951 гг. американцы выставили счет на 0,8 млрд. долларов – менее одной десятой от совокупной стоимости поставленного. Советская сторона согласилась признать лишь 0,3 млрд. В июне 1990 г. в ходе переговоров президентов СССР и США стороны опять вернулись к обсуждению долга и определили его в 674 млн. долларов. Но стоит упомянуть еще один более важный аспект: советская сторона сполна окупила любые поставки ценою несоизмеримых материальных и людских потерь. И как бы не стремилась сторона Союзников обвинить СССР в сотрудничестве с Германией до войны, стоит только вспомнить их двустороннюю политику как по спонсированию и наращиванию промышленного и соответственно военного потенциала нацистской Германии, так и Советского Союза. Строительство крупнейших заводов до войны в Кузнецке, Магнитогорске и многих других городах также заслуга Штатов. Но складывается картина сталкивания советской и германской сторон лбами в условиях политики нейтралитета Союзников и одновременного спонсирования ВПК Союза и Германии. В итоге такая политика приносила большие дивиденды Штатам. По договору о ленд-

лизе с Великобританией и другими спонсируемыми странами США получили в распоряжение многие их военно-морские базы и по итогу войны имели несоизмеримую выгоду: расширение собственного экономического и политического влияния (выход и на Европейскую арену в купе с ослаблением своего конкурента Британии и становления его как фактической марионетки, разрушенная экономика Франции и Германии, других великих Европейских государств), огромные доходы от спонсирования восстановления разрушенных экономик стран Европы.

В заключение напрашивается вывод, что вклад ленд-лиза в победу для СССР был значительным, но, конечно, не основным. Как справедливо отметил английский историк А. Верт: «Ленд-лиз, как бы полезен он ни был, всё же не мог компенсировать колоссальной разницы между количеством крови, которую русские проливали на востоке, и союзники проливали на западе». В то же время как до войны, так во время ее и после отчетливо проявляется стремление Штатов по наращиванию собственного влияния и роста экономики за счет войны на Европейском континенте [2, с. 18–19; 3, с. 80–81; 1, с. 350]

Источники и литература

1. Стеттиниус, Э. Загадки ленд-лиза / Э. Стеттиниус. – М. : Вече, 2000. – 698 с. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.twirpx.com>. – Дата доступа: 12.04.2020.
2. Бутенина, Н. В. Ленд-лиз: сделка века / Н. В. Бутенина. – М. : Изд-ий дом ГУ ВШЭ, 2004. – 314 с. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.twirpx.com>. – Дата доступа: 12. 04. 2020.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т.– М. : Кучково поле, 2015. – Т. 12: Итоги и уроки войны. – 864 с.
4. Вознесенский, Н. А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны / Н. А. Вознесенский. – М. : ОГИЗ-Госполитиздат, 1948. – 192 с. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.twirpx.com>. – Дата доступа: 12. 04. 2020.
5. Будницкий, О. Ленд-лиз: факты и мифы / О. Будницкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/istoriya/288019-lend-liz-fakty-i-mify>. – Дата доступа: 12. 04. 2020.
6. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. – М.: Терра, 1995. – 804 с. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.twirpx.com>. – Дата доступа: 12. 04. 2020.

7. Джилас, М. Беседы со Сталиным / М. Джилас. – М. : Центрполиграф, 2002. – 221 с. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.twirpx.com>. – Дата доступа: 12. 04. 2020.

УДК 069.157:725.945.1(476.2-21Гомель)«1941-1945»-057.875

Н. В. Корникова
ГГУ имени Ф. Скорины, г. Гомель

ЭКСКУРСИИ ПО МЕМОРИАЛЬНОМУ КОМПЛЕКСУ «АЛЛЕЯ ГЕРОЕВ», ОРГАНИЗОВАННЫЕ СНИЛ «ДРУЗЬЯ МУЗЕЯ»: НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Работа посвящена характеристике методического и практического аспектов, связанных с организацией экскурсий по мемориальному комплексу «Аллея героев» студенческой научно-исследовательской лабораторией «Друзья музея». На основе конкретных примеров практической деятельности раскрывается значимость экскурсий по мемориалу в гражданско-патриотическом и гуманистическом воспитании учащейся молодежи.

Великая Отечественная война – это беспрецедентно важное событие в судьбе белорусского народа, ставшее многозначительной вехой в исторической памяти миллионов людей и предопределившее исторические судьбы многих поколений. Поэтому на современном этапе в преддверии празднования 75-ой годовщины освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков важным видится сохранение и актуализация исторической памяти через преемственность молодых поколений. Средством реализации данной задачи может выступать приобщение к мемориалам, посвященным истории Великой Отечественной войны, формирующее объективное восприятие исторических событий через патриотические образы, транслируемые военно-историческими памятниками. В данном контексте тема данной работы видится актуальной.

Цель работы – характеристика деятельности СНИЛ «Друзья музея» в рамках организации и проведению экскурсионной работы по

мемориальному комплексу «Аллея героев» в научно-методическом и воспитательном аспектах.

Формирование гражданской позиции молодежи, патриотическое воспитание молодых людей является одной из важных задач в рамках учебной и воспитательной работы в современных высших учебных заведениях Беларуси. Реализация данной цели осуществляется как в рамках изучения целого ряда программных дисциплин, так и в ходе внеучебной работы, которая может быть организована в разнообразных формах, в том числе культурно-просветительской. Подобным примером может служить опыт по реализации проекта «Аллея героев» студенческой научно-исследовательской лабораторией «Друзья музея» (СНИЛ «Друзья музея»), действующей при кафедре истории Беларуси Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины и включающей студентов исторического факультета.

«Аллея героев» – это мемориальный комплекс, посвященный увековечиванию памяти событий Великой Отечественной войны, который был открыт в г. Гомеле в преддверии празднования 70-й годовщины освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Мемориал включает памятный знак воинам-освободителям, братское захоронение воинов, участвовавших в боях на Гомельщине, аллею из памятных обелисков, посвященных Героям Советского Союза, чья судьба и подвиги связаны с гомельской землей, а также братскую могилу гомельских подпольщиков. «Аллея героев» является крупным военно-историческим памятником г. Гомеля, где проходят гражданско-патриотические акции и общественно резонансные мемориальные мероприятия в рамках празднования государственных и городских праздников. Данный мемориал имеет важнейшее значение для актуализации исторической памяти и в региональном контексте, т.к. обладает большим историко-информационным и духовным потенциалом.

В данном контексте стоит отметить, что на базе мемориала «Аллея героев» осуществляется имеющая важное для гражданско-патриотического воспитания молодежи деятельность, связанная с организацией и проведением экскурсий членами СНИЛ «Друзья музея» по мемориалу для учащихся общеобразовательных и средне специальных и высших учебных заведений г. Гомеля.

В 2014 г. в преддверии празднования 70-й годовщины Беларуси от немецко-фашистских захватчиков членами СНИЛ «Друзья музея» были разработаны материалы типовой экскурсии по мемориальному комплексу. Стоит отметить, что подобная деятельность в значительной мере способствовала развитию навыков научно-исследовательской

деятельности студентов. В рамках разработки информационного обеспечения экскурсии членами СНИЛ были изучены материалы изданий, освещающие события и персоналии Великой Отечественной войны в региональном контексте [1–5], материалы областной периодической печати, изобразительные и документальные источники и пр. В результате осмысления и обработки целого массива материалов была подготовлена методическая разработка типовой экскурсии, адаптированной для проведения среди учащихся общеобразовательных учреждений г. Гомеля. Материалы экскурсии направлены на актуализацию знаний подрастающих поколений об истории Великой Отечественной войны как в общереспубликанском, так и региональном контекстах. Концепция экскурсии предполагает, что на основе исторических примеров, через рассказ о боевой деятельности Героев Советского Союза и Кавалерах Ордена Славы, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны и участвовавших в организации партизанского и подпольного движения на Гомельщине (П. Я. Головачева, Е. И. Барыкина, братьев Лизюковых, П. В. Гельман, Т. С. Бородина, И. Б. Шилова, Б. А. Царикова, И. Б. Катунина и многих других), а также освещение истории региона в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками происходит популяризация краеведческих знаний, осуществляется работа по активизации интереса молодых поколений к историческому прошлому белорусского народа, а также на основе осмысления исторического опыта транслируются гуманистические ценности.

Практическим результатом работы стала проведение методического семинара для педагогов г. Гомеля, организованного Гомельским государственным университетом им. Ф. Скорины и отделом идеологической работы, культуры и по делам молодежи Гомельского горисполкома. В рамках данного семинара состоялись презентация, методическое обсуждение и апробация материалов экскурсии по «Аллее героев».

Еще один опыт апробации теоретико-методических разработок экскурсии связан с участием членов СНИЛ «Друзья музея» в заключительном этапе II городского конкурса «Лучший молодой лектор г. Гомеля», организованном Гомельской городской организационной структурой Белорусского общества «Знание», в рамках которого были представлены тезисы, характеризующие специфику разработки и проведения экскурсий по «Аллее героев», а также роль мемориала в патриотическом воспитании молодежи.

Методические разработки, связанные с подготовкой экскурсионного маршрута и информационным обеспечением экскурсии, а также практические навыки работы, были использованы членами СНИЛ «Друзья

музея» в рамках подготовки «Интерактивного квеста по мемориалам г. Гомеля, посвященным Великой Отечественной войне». Данное мероприятие было проведено в рамках празднования 75-ой годовщины освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и направлено на актуализацию исторической памяти учащейся молодежи.

Деятельность СНИЛ «Друзья музея» по популяризации знаний о событиях и героях Великой Отечественной войны посредством проведения экскурсий по мемориалу «Аллея героев» получило широкое развитие и практическое воплощение. На протяжении целого ряда лет студентами исторического факультета ГГУ им. Ф. Скорины проводятся экскурсии по мемориальному комплексу для различной целевой аудитории. Стоит отметить, что воспитательный потенциал подобной деятельности очень велик и имеет двухсторонний характер. С одной стороны, способствует активизации, познавательной активности участников экскурсий, формированию патриотических чувств и гуманистического мировоззрения, с другой стороны – подобная деятельность имеет важное значение для развития профессиональных умений студентов, а также их гражданско-патриотического воспитания.

Проведение экскурсий по мемориалу «Аллея героев» охватывает достаточно разнообразную целевую аудиторию, но в большинстве случаев ориентировано на учащуюся молодежь в различном возрастном диапазоне. Неоднократно подобные мероприятия проводились для студентов различных специальностей Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, а также для актива студенческого профсоюза ВУЗа, что, безусловно, имеет важное значение не только для гражданско-патриотического воспитания студенческой молодежи, но также для активизации межфакультетского сотрудничества.

Стоит отметить позитивную значимость опыта проведения экскурсий по «Аллее героев» для взаимодействия на межкультурном уровне. Так, в ноябре 2019 г. участниками экскурсий по мемориалу стали студенты из новозыбковского филиала Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского и Учебно-научного Института истории, этнологии и правопедания имени А. М. Лазаревского Национального университета «Черниговский колледж» имени Т. Г. Шевченко, принимавшие участие в Региональной олимпиаде по истории Второй мировой войны, посвященной 76-летию со дня освобождения г. Гомеля от немецко-фашистских захватчиков.

У членов СНИЛ «Друзья музея» существует также немалая практика, связанная с проведением экскурсий по «Аллее героев» для учащихся общеобразовательных школ г. Гомеля среднего и старшего звена, а также

средне специальных учебных заведений (к примеру, Гомельского дорожно-строительного техникума, Гомельского государственного профессионального лицея железнодорожного транспорта и пр.). В рамках подобных культурно-образовательных мероприятий делается акцент на формирование объективных представлений о значимости событий Великой Отечественной войны в судьбе белорусского народа, а также осмыслении страниц истории, связанных с освобождением г. Гомеля от немецко-фашистских захватчиков.

Стоит отметить, что проведение экскурсий по «Аллея героев» оказалось востребовано в рамках проведения крупных общеуниверситетских патриотических акций (в том числе с участием международных делегаций), приуроченных к празднованию юбилейных дат, связанных с историей Великой отечественной войны. Примером того являются экскурсии по мемориалу для участников патриотического проекта «Молодежный агитпоезд «Цветы Великой Победы», посетивших Гомель в рамках праздничных мероприятий, посвященных празднованию 70-летнего юбилея окончания Великой Отечественной войны; для участников делегации Русского географического общества из г. Пенза; для участников делегации международной эстафеты инвалидов-колясочников, организованная Ассоциацией молодых инвалидов России «Аппарель» и др.

Таким образом, экскурсии по мемориальному комплексу «Аллея героев», организуемые СНИЛ «Друзья музея», имеют важное культурно-просветительское значение, являются методически апробированной и эффективной формой патриотического воспитания, способствуют сохранению исторической памяти поколений, формированию правильных нравственных идеалов у учащейся молодежи. Подобный методический опыт может быть использован для реализации проектов общественной значимости и гражданско-патриотической направленности.

Источники и литература

1. Памяць. Гомель : [гісторыка-дакументальная хроніка Гомеля]. У 2 кн. / рэдкал.: Г. К. Кісялёў (гал. рэд.) [і інш.] ; уклад.: П. П. Рабянок. – Мінск : БЕЛТА, 1999. – Кн. 2. – 558 с.

2. Их именами названы...: энциклопедический справочник / Белорусская Советская Энциклопедия; ред. колл.: гл. редактор И. П. Шамякин [и др.]. – Минск : Белорусская Советская Энциклопедия имени Петруся Бровки, 1987. – 711 с.

3. Твои сыновья, Беларусь! Герои Советского Союза: биографический справочник: [к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне]. – Минск : Беларуская Энцыклапедыя, 2015. – 371 с.

4. Гомель: энциклопедический справочник / Белорусская Советская Энциклопедия. – Минск : БелСЭ, 1991. – 527 с.

5. Шакаров, С. Ф. Юные герои Гомельщины / С. Ф. Шакаров, М. П. Лещинский. – Минск : Юнацтва, 1991. – 172 с.

УДК 721.01

М. С. Писарчик

БГУКИ, г. Минск

ТЕАТРАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОМЕЛЬЩИНЫ В ДОВОЕННОЕ И ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Статья посвящена вопросу появления и становления театральных сооружений на территории Гомельской области в довоенное и послевоенное время. Выявлены основные стилевые направления названного периода. Рассмотрены архитектурно-декоративные и художественно-стилевые особенности театров в городе Гомель и Мозырь.

Архитектура театральных сооружений Гомельщины довоенного и послевоенного времени представляет собой два художественно-стилевых направления – функционализм и историзм. Данные направления советской архитектуры развивались в контексте тенденций, сформированных в рамках идеологических принципов культуры соцреализма.

Функционализм был широко распространен в архитектуре довоенного времени. Это было достаточно длительное явление, начавшееся в 1920-е годы. Концепции данного направления исходили исключительно из позиции функциональной пользы. Это подтверждают слова знаменитого классика функционализма Ле Корбюзье «Дом – машина для жизни» [1, с. 165]. Вместе с тем машиной для жизни становились не только дома, но и здания, предназначенные для общественной жизни.

Между тем данное направление дало положительный импульс к появлению таких сооружений как: дома-коммуны, рабочие клубы, дома

офицеров. Более того стали появляться народные театры, а также театры-клубы. Ярким примером подобного сооружения является Мозырский драматический театр имени Ивана Мележа. История данного сооружения берет свое начало с появившейся в 1923 году театральной студии, постановки которой осуществлялись в зале местного клубного учреждения. В 1928 году по проектному плану инженера Сибольди на площади Ленина началось возведение нового театра-клуба, продлившееся до 1932 года. В 1938 году учреждение получило название – Полесский областной драматический театр.

В годы войны из-за оккупации театральные постановки прекратились, более того в 1944 году театр пострадал от бомбового налета. В ходе реконструкции здание было быстро восстановлено. В начале 1990-х годов театр пережил своеобразный Ренессанс, открыв сезон постановками театральной труппы под названием «Верасень». Между тем реконструкция стала необходимой после пожара, который произошел в здании в 2016 году. В настоящее время специалисты работают над тем, чтобы восстановить исторический облик сооружения, а также усовершенствовать и модернизировать сценический комплекс, согласно требованиям современной театральной архитектуры [2].

Особенности архитектурно-декоративных решений сооружения нетипичны для белорусских театров. В объемно-пространственной композиции, выполненной в зрительной части, выделяется центральный полуцилиндрический объем, члененный горизонтальной лентой остекления первого этажа и вытянутыми по вертикали оконными проемами второго этажа. В сооружении Мозырского клуба-театра функциональное разделение на театральную и клубную часть составляет основу ассиметричной пространственной композиции. В ней также доминирует полуциркулярный объем с колоннами. Он завершен декоративным аттиком, который акцентирует вход в зрительную часть зала. Использование колонн, лаконичного декора сочетается с конструктивным и функциональным решением [3, с. 187].

Таким образом, театр представляет собой двухэтажное ассиметрично решенное в плане здание. Зрелищные пространства сгруппированы вокруг вестибюля на первом этаже и холла на втором. Места для зрителей в зале размещены в партере, на балконе и в боковых ложах. Несущие стены выполнены из кирпича, перекрытия деревянные, над зрительным залом установлены металлические формы. Фасады решены лаконичными средствами, где выделяется полукруглый с шестью колоннами портик главного входа в зрелищную часть здания [4, с. 78].

В научной статье кандидата архитектуры Ю. Н. Кишик, процитировано постановление Академии архитектуры, которое содержит информацию, об основной задаче советских зодчих послевоенного периода. Постановление было представлено на VI сессии Академии архитектуры СССР в 1945 г.: «Главная задача заключается в том, чтобы не просто восстанавливать разрушенное, механически копируя недочеты, имевшиеся в прежней планировке и застройке, а в том, чтобы создать города, ансамбли и отдельные здания, еще более красивые и величественные» [2, с. 90]. Действительно, советские архитекторы решали архитектурно-декоративные задачи весьма творчески, восстанавливая некоторые здания в первоначальном виде, а также создавая примеры новой архитектуры.

В послевоенное время советская архитектура резко сменила вектор в сторону художественно-стилевого направления под названием «историзм». Данное понятие включает в себя совокупность концептуальной ориентации на традиционную классическую архитектуру [5, с. 137]. В разделе «Приемы интерпретации исторических стилей в архитектуре общественных зданий» доктор искусствоведения А. С. Шамрук говорит о том, что для общественных послевоенных сооружений, их фасадов и интерьеров характерно использование пышной архитектурной и скульптурной пластики в создании торжественной атмосферы [3, с. 164]. Действительно для людей, изнуренных долгими военными годами, подобная парадная и праздничная архитектура, в некотором смысле была утешением и надеждой на то, что послевоенная жизнь скоро войдет в спокойное русло.

Между тем к зрелищным сооружениям предъявлялись требования как к уникальным постройкам, призванным украшать город, поэтому колоннады, фронтоны, пышное декорирование убранства стали неотъемлемыми элементами театральных зданий.

Гомельский областной драматический театр – пример архитектуры послевоенного времени, который наиболее ярко представляет направление историзма и изобилует стиливыми очертаниями классической архитектуры.

Проект театра был выполнен «Театрпроектом» еще в 1940–1941 году. В 1949 г. постановлением СНК БССР было решено вернуться к реализации проекта. Строительством гомельского театра руководил один из учеников знаменитого зодчего А. В. Жолтовского – петербургский архитектор Александр Тарасенко, который имел опыт театрального строительства в Нижнем Тагиле, и Ашхабаде. У Жолтовского также был определенный опыт строительства театров.

Например, в 1937 году по его проекту был построен театр в городе Таганрог. Тот же проект, ставший типовым, был использован через десять лет, в строительстве драматического театра в Калуге [4, с. 81].

Благодаря тому, что архитектор Тарасенко советовался со своим учителем Жолтовским, на внешний облик значительно повлияли тенденции классической архитектуры [1, с. 185]. Необходимо подчеркнуть, что это произошло еще и в связи с тем, что знакомство Жолтовского с эпохой Возрождения, классической традицией Италии, ее культурой и искусством не было поверхностным или выученным только по теоретическим учебникам. Со времен студенчества архитектор много путешествовал по Европе, прежде всего по Италии, в которой был 26 раз [1, с. 185]. Там он много рисовал, читал, изучал историю и искусство и делал архитектурные обмеры. Таким образом, этот опыт практического постижения и погружения в итальянскую классическую культуру и архитектуру был использован в проектировании и консультировании при строительстве театра в Гомеле. Несомненно, консультации по конструктивному и планировочному решению мастера И. Жолтовского оказали большое влияние на проект театра архитектора А. Тарасенко.

Областной драматический театр в Гомеле, был открыт 1954 году. Между тем, место для строительства театра в Гомеле было выбрано перед войной Жолтовским лично. Площадь, на которой построено театральное здание, представляет собой слияние улиц Ленина и Советской, образуя ее открытое обозрение, на котором театр расположен по островному принципу. Фасад здания обращен к высокому берегу реки Сож, а также к масштабному парку, в котором находится выдающийся памятник архитектуры дворец Румянцевых – Паскевичей [1].

В художественно-декоративном облике экстерьера театрального здания использован развитый фронто́н с классическим шестиколонным портиком, на котором увенчаны различные скульптурные композиции. Объемная и пространственная конструкция сооружения подчиняется строгой симметрии с акцентированием главной оси, вдоль которой расположены центральный вход и фойе на первом этаже. Основой зрительного зала является итальянская ярусная модель. Параметры сцены театра: $14 \times 19 \times 17,5$, поворотный круг равен – 10 м. Вместительность зрительного зала – 800 человек [4, с. 91].

Таким образом, мы рассмотрели два различных примера театральной архитектуры Гомельской области. Данные сооружения относятся к периодам довоенной и послевоенной архитектуры. Вместе с тем Мозырьский драматический театр им. Ивана Мележа и Гомельский областной драматический театр являются яркими примерами

художественно-стилевого направления функционализм и историзм, что свидетельствует о разнообразии и богатстве архитектурно-декоративного языка театральной архитектуры довоенного и послевоенного времени.

Источники и литература

1. Харэўскі, С. В. Сто твораў XX стагоддзя: нарысы па гісторыі мастацтва і архітэктуры Беларусі найноўшага часу / аўт. – укл. С. В. Харэўскі. – Вільня : ЕГУ, 2011. – 432 с.

2. Кишик, Ю. Н. Поиски вариантов преобразования центра Витебска: Советский период / Ю. Н. Кишик // Архитектура. – Минск : Белорусский национальный технический университет. – 2018. – № 11. – С. 88–95.

3. Шамрук, А. С. Архитектура Беларуси XX – начала XXI в. / А. С. Шамрук. – Минск : Белорус. наука, 2007. – 335 с.

4. Воинов, А. А. История архитектуры Белоруссии: Советский период : учеб. пособие / А. А. Воинов, науч. ред. В. А. Чантурия. – Минск : Выш. шк., 1975. – 217 с.

5. Маклакова, Т. Г. Архитектура двадцатого века / Т. Г. Маклакова. – М.: Изд-во Ассоц. Строит. Вузов, 2001. – 196 с.

Навуковае выданне

**ГІСТОРЫЯ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ Ў КАНТЭКСЦЕ ПАДЗЕЙ
ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ 1941–1945 ГАДОЎ
(ДА 75-ГОДДЗЯ ВЯЛІКАЙ ПЕРАМОГІ)**

Зборнік навуковых артыкулаў

Падпісана да друку 15.05.2019. Фармат 60x84 1/16.
Папера афсетная. Рызаграфія. Ум. др. арк. 5,35.
Ул.-выд. арк. 5,85. Тыраж 50 экз. Заказ 307.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
установа адукацыі
“Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны”

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вырабніка,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 3/1452 ад 17.04.2017.
Спецыяльны дазвол (ліцэнзія) № 02330 / 450 ад 18.12.2013.
Вул. Савецкая, 104, 246019, Гомель

**Сборник научных статей издан при финансовой поддержке
ЗАСО «БЕЛНЕФТЕСТРАХ»**

На шаг опережая страх

www.bns.by
ИНФОЛИНИЯ:
(017) 2 900 400

г. Минск
220089, ул. Щорса 3-я, 9-11
тел.: (017) 336 51 21, факс: (017) 226 78 88
insurance@bns.by

г. Барановичи , 225409, Брестская обл., ул. Царюка, 7А	bar163@bns.by	(0163) 41 02 30 (029) 641 72 30
г. Брест , 224030, бульвар Космонавтов, 75/1	brest@bns.by	(0162) 22 01 95 (029) 724 94 78
г. Витебск , 210027, пр-т Московский, 31А, пом. 14	vitebsk@bns.by	(0212) 66 91 97 (029) 510 33 22
г. Гомель , 246050, ул. Интернациональная, 24, пр-т Ленина, 30	gomel@bns.by	(0232) 23 76 01 (0232) 73 00 51
г. Гродно , 230025, ул. Ленина, 5/1	grodno@bns.by	(0152) 71 23 20 (029) 784 26 73
г. Минск , филиал №1, 220114, ул. П. Мстиславца, 22, оф. 211	minsk1@bns.by	(017) 336 02 44 (029) 392 92 30
г. Минск , филиал №2, 220020, пр-т Победителей, 103, оф. 206А	minsk2@bns.by	(017) 306 23 32 (017) 306 00 45
г. Могилев , 212030, ул. Пионерская, 12-123	mogilev@bns.by	(0222) 31 13 23 (044) 715 92 81
г. Мозырь , 247760, Гомельская обл., ул. Ленинская, 64А	mozyr@bns.by	(0236) 22 23 22 (029) 339 32 16
г. Новополоцк , 211440, Витебская обл., ул. Юбилейная, 2А	novopolotsk@bns.by	(0214) 52 72 79 (029) 107 97 85
г. Пинск , 225710, Брестская обл., ул. Куликова, 2	pinsk@bns.by	(0165) 65 84 73 (029) 666 90 46
г. Солигорск , 223710, Минская обл., ул. Коржа, 3	soligorsk@bns.by	(0174) 26 03 13 (044) 551 26 23

ЗАСО «Белнефестрах», УНП 101143603

ИНФОЛИНИЯ:
(017) 2 900 400

www.bns.by

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМ. А.А. МЯКИШИ

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

**ГІСТОРЫЯ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ
Ў КАНТЭКСЦЕ ПАДЗЕЙ
ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ
1941–1945 ГАДОЎ
(ДА 75-ГОДДЗЯ ВЯЛІКАЙ ПЕРАМОГІ)**

Гомель
2020

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ